100 ЛЕТ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКЕ РОССИИ. ДЕТЕКТИВНЫЕ РОМАНЫ О НЕЛЕГАЛЬНОЙ АГЕНТУРЕ

МОЙ УЧИТЕЛЬ ФИЛБИ

История противостояния
британских и отечественных спецслужб,
рассказанная с юмором
и драматизмом

МАКСИМ БАЖЕНОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История противостояния британских и отечественных спецслужб, написанная с юмором и драматизмом. Ким Филби – легендарный советский разведчик. Его история настолько невероятна, что в нее трудно поверить до сих нор. Потомственный британец, завербованный советской разведкой, умудрился спустя несколько лет возглавить один из отделов зловеще знаменитой британской MI 6. Такую головокружительную шпионскую карьеру не сделал даже литературный Штирлиц! Конечно, у такого феноменального человека были последователи, коллеги и ученики. Один из них – автор этой книги, ветеран элитного подразделения внешней разведки – «английского» направления 3-го отдела Первого главного управления КГБ СССР, который занимался разведывательной работой по Великобритании и Скандинавским странам. Это рассказ о том, какой ценой добываются секреты. Это история подвига, мастерства и выдержки.

- Максим Баженов
  -
  - Необязательное предисловие
  - Введение для непосвященных
  - Боксерский поединок длиной в 5 веков
  - Глоссарий эпохи
  - Мой путь на Британские острова
  - Веселые прогулки по минному полю разведки
    -
    - Страсти вокруг Фолклендов
    - Проговорился на приеме
    - Военная лекция в Лондонской школе
    - Ольстер: совсем рядом с терроризмом
    - Как я стал хедхантером
    - Слуга чужому царю: Гордиевский
    - Под звуки португальского фадо и финской летки-енки
    - Предательская визитка. Детективная история под Новый год
  - Мои англичане
    -
    - Пожать руку политическим антиподам
    - Ходячая энциклопедия: Денис Хили
    - Живой памятник: Феннер Брокуэй

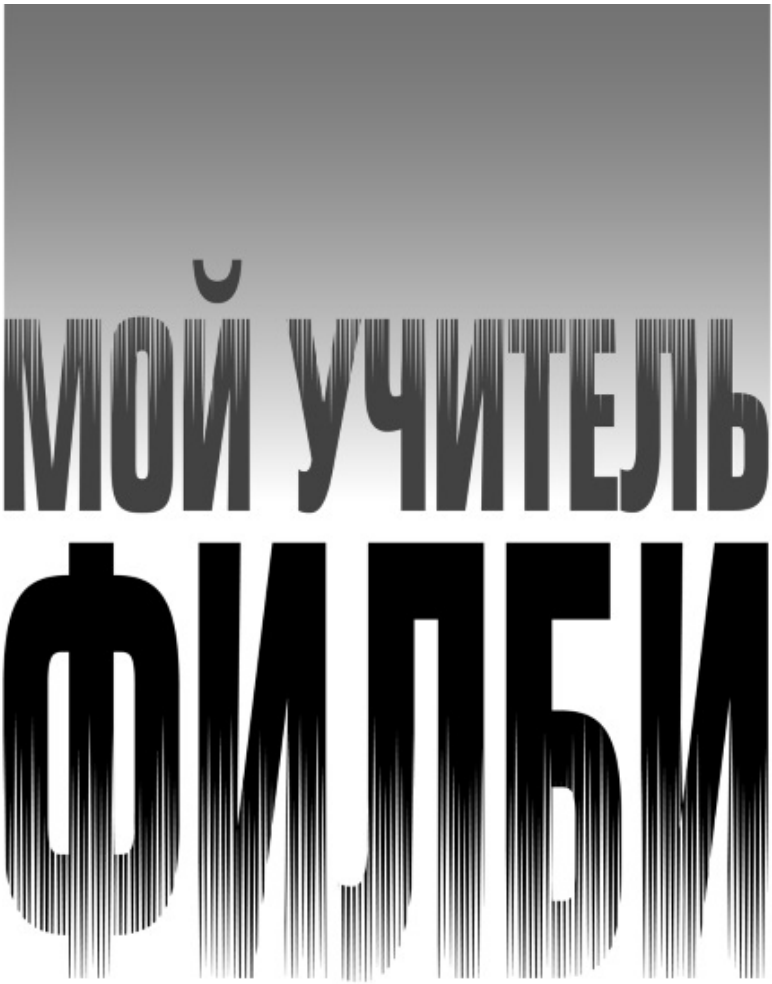
- Элегантный платочек и запах духов: Джоан Раддок
- Лейборист из собственного замка: Тэм Диэл
- Мой английский отец Брайен Бойден
- Русский подарок англичанам: Питер Устинов
- Английские журналисты
- Хозяева квартир и соседи

○ О Киме Филби

-
- Школа Филби
- Уроки мэтра
- Додумывая за Кима
- Неизвестный Филби

○ Послесловие

Максим Баженов
Мой учитель Филби: история противостояния британских и отечественных спецслужб, рассказанная с юмором и драматизмом



© Баженов М., 2026
© Оформление. Издательство «Эксмо». 2020

Необязательное предисловие

Толчком к тому, чтобы собрать воедино заметки из моего далекого английского прошлого, явилась одна-единственная фраза глубокоуважаемой руководительницы известного питерского издательства. Выступая на презентации книги воспоминаний моего отца, она отметила, что, по ее наблюдениям, в последние годы растет читательский интерес к мемуарному жанру.

Раз так, то почему не попробовать и мне вставить свои три копейки в мемуарную литературу? Я опробовал рукопись на ближайших друзьях и, как водится, получил широчайший спектр мнений, порой противоречивых. Друзья у меня деликатные. Никто из них не осмелился предложить мне, чтобы я засунул этот опус куда подальше. Однако сомнения/ опасен и я/ озабоченности, высказанные ими в мягкой форме, можно свести к двум основным пунктам.

Во-первых, многие из моих бывших коллег предполагали, что я слишком откровенно рассказываю о тех аспектах нашей деятельности, которые принято считать закрытыми или даже секретными. Понравится ли это руководству Службы внешней разведки? Что скажут еще здравствующие ветераны, которых я упоминаю, причем не всегда с положительной стороны? Не рискую ли я после публикации стать изгоем нашего разведывательного полка, если не хуже – нарушителем запретов на разглашение государственной тайны?

Во-вторых, говорили друзья, им-то читать интересно, ведь это про них и их жизнь. А как другим людям, совсем молодым и тем, кому не очень-то близка тематика Англии прошлого века или шпионажа? Может, стоит осовременить материал, совместить воспоминания со шпионскими страстями наших дней? Или, на худой коней, напичкать рассказы сексом, стрельбой и кровищей, столь популярными ныне? Короче, мне на основе моих доисторических заметок надо было сделать современный блокбастер, и читательский успех будет обеспечен!

Вот мой ответ на «во-первых». В этой книге даже под микроскопом не найти что-либо ранее не известное противнику от предателей. А раз так, то зачем скрывать от отечественного читателя наши прошлые методы и, кстати, давнишние грешки? Может, нора уже покаяться? Нынешняя российская разведка – мне очень хочется в это верить – давно проанализировала как положительный, так и отрицательный опыт прошлого и действует сейчас принципиально по-другому. Предположить иное было бы

оскорбительно для одной из лучших разведслужб мира.

Что же касается обиженных ветеранов, да, они наверняка найдутся. Хотя те, кто не вызывал у меня симпатий, не названы поименно.

Теперь отвечаю на «во-вторых». Превращать свои рассказы в похождения героя, обученного стрелять с падающей табуретки, я принципиально не хочу. Это было бы полной профанацией. Профессиональные разведчики меня поймут. Даже из табельного пистолета Макарова, хранящегося у каждого в сейфе, мы не часто стреляли в тире, в основном из-за того, что лениво было чистить ствол.

Да и книга эта отнюдь не претендует на лавры бестселлера. Просто в один прекрасный момент я решил положить на бумагу, пока не забылось, некоторые воспоминания о самом ярком периоде своей жизни. Именно таковыми, как я вижу по прошествии десятков лет, оказались годы, проведенные мною на разведывательном поприще в Великобритании.

Вдруг кому-то из грядущих исследователей этой узкоспециализированной области понадобится свидетельство реального участника событий той эпохи? Если нет, то я не в обиде. Эти воспоминания, так или иначе, войдут в историю моих собственных потомков.

Но прежде чем начать чтение, не обойтись без небольшого ликбеза.

Введение для непосвященных

Непосвященному читателю многое в этой книге будет непонятно без хотя бы краткого экскурса в историю отношений российских и британских спецслужб и экспресс-описания международной политической атмосферы предпоследнего десятилетия прошлого века.

Боксерский поединок длиной в 5 веков

Этот боксерский поединок длится уже почти пять веков. Начался он во времена Ивана Грозного. Московия, недавно появившаяся на карте Европы, играла все более заметную роль в европейских торгово-экономических связях. В столицу быстро растущего и централизующегося российского государства понаехали английские купцы, а вслед за ними и дипломаты, они же разведчики, чтобы на месте оценить обстановку при царском дворе, а заодно и поинтриговать там в свою пользу.

Первый английский секретный агент, некто Элисеус Бомелиус, был подослан к московскому царю под прикрытием специалиста по составлению гороскопов. Гадание по звездам, магия и алхимия широко практиковались в ту пору английской секретной службой.

Но русские тоже были не промах. Царские посланцы начали понемногу интересоваться, как устроена жизнь у далекого соседа с противоположного конца континента, и даже принялись окучивать тамошнюю властительницу Елизавету I на предмет вступления в династический брак с Иоанном свет Васильевичем.

Потом на Британских островах появился Петр. Выучившись у англичан и голландцев строить корабли, он заложил в России основу мощных военно-морских сил. А это уже были не шутки для страны, по праву считавшей себя владычицей морей.

И пошло-поехало. Бесконечно менялись политические альянсы с участием основных европейских и ближневосточных игроков. Россия и Британия чаще оказывались по разные стороны, но иногда и объединялись, как в случае противостояния наполеоновской Франции. Правда, до открытого военного противостояния дело дошло только дважды – в Крыму в середине девятнадцатого века и во время интервенции против Советской России в 1918 году. В остальном же шла беспрестанная подковерная борьба за влияние на политику друг друга, в которой, понятное дело, важнейшую роль играли секретные операции.

Начиная с семнадцатого века и до Октябрьской революции англичане явно переигрывали российских коллег по плащу и кинжалу. По крайней мере, считается, что на их счету убийства таких неудобных людей, как император Павел и Григорий Распутин. Кое-кто полагает, что причастны они также к кончине Петра Первого и Александра Третьего.

Характер боксерского поединка английских и ваших спецслужб существенно изменился после прихода к власти в России большевиков и создания ВЧК – ОГПУ – КГБ. Обмен болезненными ударами резко активизировался, и бой пошел с переменным успехом. Ударов с обеих сторон посыпалось столько, что всех и не перечислить.

В двадцатые годы прошлого столетия на коне оказались чекисты-контрразведчики, успешно вскрывшие и обратившие в свою пользу многочисленные британские разведоперации, среди которых наиболее известны заговор Локкарта, операции «Синдикат» и «Трест», связанные с именем Сиднея Рейли. Доблестно отражена была и контратака англичан, связанная с письмами Коминтерна, они же письма Зиновьева, якобы свидетельствовавшими о коммунистическом заговоре в Англии. Они были убедительно развенчаны как фальшивка, сфабрикованная Форин-офисом в целях подготовки условий для разрыва политических и торговых отношений между двумя странами.

В тридцатые годы подтянулись и советские разведчики, которым удалось глубоко укорениться в кругах британского истеблишмента. Апофеозом целого ряда блестяще проведенных операций того периода явилась вербовка «кембриджской пятерки» ценнейших агентов – Кима Филби, Дональда Маклина (Маклейна), Гая Берджесса, Энтони Бланта и Джона Керн кросса.

В последующее десятилетие, во многом благодаря усилиям этих «мушкетеров». Советский Союз получал жизненно важную для победы информацию в период Второй мировой войны и обеспечил себе доступ к атомным секретам США и Великобритании. Говоря на языке бокса, этот раунд закончился с явным преимуществом нашей страны.

Пятидесятые-шестидесятые годы опять же в целом прошли при преимуществе советской стороны. Наши атаковали первыми, наступали, а англичане реагировали на это, оборонялись. Им пришлось вычислять нашего нелегала Гордона Лонсдейла (Конрад Молодый), затем сдавшего операцию «Берлинский туннель», и ее организатора Джорджа Блейка, разруливать громкий политический скандал вокруг министра обороны Профьюмо, делившего одну и ту же проститутку с помощником советского военно-морского атташе. Оглушительно провалилась операция с запуском водолаза под крейсер, пришвартованный в Портсмуте, на котором в Англию прибыли советские руководители Хрущев и Булганин.

Однако в начале шестидесятых годов с их стороны был нанесен один ощутимый контрудар – вербовка полковника ГРУ

Генштаба Минобороны Олега Пеньковского, через которого утекло немало военных секретов.

В следующем десятилетии британские спецслужбы решили действовать на опережение. После удачной вербовки в 1971 году Олега Лялина они одним махом уничтожили всю советскую резидентуру в Лондоне, в обшей сложности 105 человек. В начале восьмидесятых последовала еще одна неслыханная удача – предательство Олега Гордиевского, о котором будет много говориться в этой книге.

Ну а дальше, в период распада СССР и становления новой России, британцы вновь перешли в наступление. Теперь уже нашим контрразведчикам пришлось долго бегать за их шпионами Вадимом Синцовым и Платоном Обуховым. Так продолжалось довольно долго, пока англичане, уверовавшие в свое подавляющее преимущество и потерявшие бдительность, не споткнулись позорно в 2006 году на эпизоде, вошедшем в историю как «Шпионский камень».

В 2006 году Федеральная служба безопасности РФ изобличила и показала по телевидению английского дипломата Пола Кронтона, подбирающего искусственный камень с вмонтированным в него радиопередатчиком для связи с российской агентурой из неправительственных организаций. Особую пикантность этому шпионскому скандалу придало то, что Пол Кронтон являлся помощником официального представителя британской разведки в России и не имел права заниматься работой такого рода. Необычным и унизительным для англичан было также и то, что, вопреки предыдущей практике, российские власти не объявили проколовшегося разведчика персоной нон грата, а ограничились его публичным изобличением. Английская сторона устами бывшего советника премьер-министра Джонатана Пауэлла признала факт этого провала лишь спустя шесть лет, в 2012 году.

Вернемся, однако, к советскому периоду бесконечного боксерского поединка. Тридцатые-сороковые годы двадцатого столетия – это точно золотой век нашей разведки на английском направлении. Блистательная советская агентура осела в самом сердце британского истеблишмента, работала преимущественно на идейной основе и чемоданами перетаскивала в Союз чуть не все секреты Уайтхолла.

Пятидесятые-шестидесятые можно сравнить с веком серебряным. Агентура в те времена была уже не такая крутая и идейная, но все же вполне реальная и полезная для того, чтобы хотя бы иногда получать доступ к правительственным сейфам противника.

А вот семидесятые, особенно восьмидесятые годы, в первой половине которых и разворачиваются события нашего повествования, я уж и не знаю как назвать. Бронзовый век – это вроде как в начале истории, а тут в ее конце. Тем более что рулила в эти годы Британией железная леди Маргарет Тэтчер. Так или иначе, но прежняя агентура оказалась вычищенной едва ли не под корень, а новая как-то не вербовалась.

Однако задачу обеспечения безопасности отчизны, сбора актуальной разведывательной информации никто не снимал. Вот и приходилось моему поколению непрерывно напрягать извилины насчет того, как и где добыть ценные сведения. Вычитать ли их между строк в газетах, выведать втемную у ничего не подозревающего знакомого англичанина и затем синтезировать в более-менее связную картину?

Можно, конечно, сказать, что советские разведчики семидесятых-восьмидесятых были жалкой тенью своих предшественников, виртуозных вербовщиков. Но можно и отдать им должное. Работая в кардинально ухудшившейся оперативной обстановке, они все же умудрялись справляться с поставленными перед ними задачами.

Глоссарий эпохи

На мой взгляд, именно первая половина восьмидесятых годов прошлого века стала непосредственной предшественницей современной эпохи. Именно тогда закладывалось возникновение нынешнего миропорядка, в частности, определялась судьба будущей России, которая спустя несколько лет придет на смену Советскому Союзу.

Давайте вспомним, что и где происходило в те времена.

В СССР – расцвет застоя. Генерального секретаря Леонида Брежнева сменяет Юрий Андропов, того – Константин Черненко. Наконец появляется Михаил Горбачев, затеявший перестройку. Бездарная, никому не нужная война в Афганистане. Сокрушительный удар по и так не работающей экономике низкими мировыми ценами на энергоносители. Паранойя престарелого советского руководства по поводу того, что Запад вот-вот нанесет по нашей стране ракетно-ядерный удар американскими крылатыми ракетами, размещенными в Европе. Следствием этого становится неадекватная реакция как на действительные, так и на мнимые угрозы. Яркий пример тому – уничтожение в 1983 году над Японским морем южнокорейского пассажирского авиалайнера.

При этом советский государственный и партийный аппараты по сути своей продолжают оставаться такими, какими они были созданы в сталинские времена. От советских разведчиков руководство требует не проглядеть внезапное ракетно-ядерное нападение. В идеологической сфере апогея достигает антиимпериалистическая риторика. До предела обостряется мироощущение СССР как осажденной крепости. Мало того что на Западе навис главный противник, так еще и на Востоке действует желтый враг – Китай.

В США к власти приходит ультраконсервативный, жестко настроенный по отношению к коммунизму президент Рональд Рейган. Этот чересчур образно мыслящий бывший голливудский актер вслух обзывает Советский Союз империей зла, усиленно проталкивает идею победы над Советами в результате звездных войн. Стратегическая оборонная инициатива, придуманная им, подразумевает улар из космоса.

Обострение конфронтации с миром социализма наблюдается по всем направлениям. Агрессивная риторика, как и некоторые практические действия янки и их ближайших союзников, прежде всего Великобритании, во многом объясняют рост параноидальных настроений в советском руководстве,

способствуют их усилению.

В Великобритании у власти консервативное правительство Маргарет Тэтчер. Во внутренней политике железная леди под предлогом оздоровления экономики проводит жесткий монетаристский курс. Она беспощадно борется с профсоюзами и антивоенным движением, которое набирает силу, выступает против перевооружения британских ядерных сил новым поколением ракет и размещения на Британских островах американского ядерного оружия средней дальности.

На внешнеполитической арене Тэтчер полностью поддерживает курс Рейгана, идейно близкого ей. В этот период американский президент и английский премьер-министр – теснейшие союзники. При этом Тэтчер добровольно приняла на себя подчиненную роль. Не просто же так ее частенько называли пуделем Рейгана.

В 1982 году правительство Тэтчер решается на последнюю самостоятельную колониальную войну. В ответ на захват Аргентиной Фолклендских (Мальвинских) островов, принадлежащих Британии с 1833 года, англичане успешно проводят крупномасштабную военно-морскую операцию по возврату своей КОЛОНИИ.

В самой Британии в эти годы еще остается неурегулированной североирландская проблема. Террористические акты, организованные ольстерскими боевиками, происходят один за другим, включая покушение в 1984 году на саму Маргарет Тэтчер.

В декабре 1984 года в Англию приезжает «советский кронпринц» – второй секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев. Этот молодой представитель Политбюро настолько понравился Тэтчер, что она заявила о готовности с ним работать. Между Тэтчер и Горбачевым установились тесные рабочие контакты, сложились дружеские отношения, в дальнейшем позволившие ей в немалой степени влиять на перестроечный курс нового советского руководства.

Незадолго до этого исторического визита происходит окончательное предательство одного из руководителей лондонской резидентуры КГБ Олега Гордиевского, завербованного английскими спецслужбами еще в 1974 году, в Дании. Начиная с его приезда в Англию в 1982 году фактически вся работа советской агентуры в Лондоне находится под колпаком у английской контрразведки МИ-5. После беспрецедентного побега Гордиевского из СССР в 1985 году англичане высылают из страны тридцать одного представителя КГБ и военной разведки ГРУ.

Англичане неизменно представляют Гордиевского как самый крупный успех своей разведки со времен Олега Пеньковского, то есть с начала шестидесятых. Ему приписывается чуть ли не спасение мира, балансировавшего в первой половине восьмидесятых на грани ядерной войны.

Вот на этом фоне и происходят перипетии из жизни молодого советского журналиста-разведчика Максима Баженова, описанные ниже.

Мой путь на Британские острова

Моя старшая дочь, прожившая в Лондоне с шести до одиннадцати лет, узнала об истинной профессии отца вскоре после нашего возвращения из английской командировки из удостоверения подполковника КГБ, случайно высунувшегося из кармана пиджака. Мы с женой долго успокаивали девочку-подростка, что-то неловко объясняли ей.

«Так ты, папа, значит, воевал против Джеймса Бонда?» – вопрошал шокированный ребенок.

Ответить на этот вопрос было труднее всего.

Когда ее сыну и моему внуку Саше тоже исполнилось одиннадцать лет, дочка настояла на том, чтобы я рассказал ему, чем занимался в Англии.

Мальчишка сидел в машине, пробивавшейся через московские пробки, долго молчал, видимо, переваривал неожиданную информацию, и наконец вымолвил:

– Да, жалко, дедушка, что ты сейчас уже не на секретной службе.

– Почему, Саша?

– У тебя наверняка была бы мигалка, и мы бы враз выехали из пробки.

Через несколько месяцев звонит дочь и сообщает, что Саша успешно прошел вступительное собеседование в одной из самых престижных частных школ, зачитывает письмо оттуда с положительным отзывом. На собеседовании внук рассказал, что хочет подобно деду заниматься журналистикой, и это было признано похвальным.

Потом высокие договаривающиеся стороны перешли к обсуждению литературы, прочитанной малолетним абитуриентом, и затронули «1984» Джорджа Оруэлла. Тут особое впечатление на преподавателей произвела мини-презентация, экспромтом придуманная юным Александром, на тему о том, как эффективно заниматься… шпионажем. При этом у мальчика хватило соображения про деда в данном контексте не упоминать.

Вот так. А ведь поначалу матери казалось, что Алекс ничего из откровенной беседы с дедом не понял.

Моя шпионская эпопея началась на филфаке университета. Кураторы из КГБ просто не могли не обратить внимания на комсомольского активиста, отличника, идущего на красный диплом, без каких-либо морально-психологических и физических изъянов, к тому же женатого и кандидата в члены КПСС.

К слову сказать, улов у них в том году был знатный. Вместе со мной в разведку были завербованы студенты, в том числе с моего факультета, ставшие впоследствии известными государственными деятелями современной России.

Валерий Николаевич, мой непосредственный куратор, обаятельный и на редкость располагающий к себе мужчина лет пятидесяти, долго вел со мной ознакомительные, прощупывающие беседы, исследовал мотивы, просил письменно охарактеризовать некоторых однокашников.

В один прекрасный момент он спросил:

– Ну, вот вы вроде готовы служить Родине в разведке. А что, если Родина пошлет вас служить в другом подразделении органов, скажем, на Курильских островах? Только не отвечайте сразу, посоветуйтесь с женой.

Я, молодой идеалист-романтик, посоветовался и через несколько дней браво доложил Валерию Николаевичу, что так точно, готов служить хоть на Курилах. Уж больно хотелось мне стать Штирлицем, фильм о котором недавно вышел на экран и покорил весь советский народ, в том числе, конечно же, и меня.

Если бы не добряк Валерий Николаевич, не видать мне разведки как своих ушей. Он спас меня дважды.

Во-первых, при проверке выяснилось, что моя теша во время войны состояла в браке с одним из руководителей пожарной охраны города. Следовательно, он являлся сотрудником НКВД, так как пожарные в ту пору относились к милиции, входившей в наркомат внутренних дел. Латыш по национальности, Петерис Эглитис прожил с молодой женой всего месяц, после чего был заброшен в фашистский тыл с ответственным заданием и приказом живым в плен не сдаваться. Но он получил тяжелое ранение, все-таки попал в плен, бежал и по возвращении к своим осужден на длительный срок как предатель.

Моя супруга никакого отношения к Петерису, затерявшемуся в сталинских лагерях, не имела, не считая его фамилии. Тем не менее по канонам КГБ брежневской эпохи этого было достаточно для того, чтобы поставить жирную точку на моих перспективах быть допущенным к работе в органах, а тем паче в разведке.

Однако Валерий Николаевич не поленился разыскать в Риге престарелого Петериса, давным-давно реабилитированного за несостоятельностью осуждения. Он доказал руководству, что дело это выеденного яйца не стоит.

Второй раз помощь от него пришла через несколько недель после начала моей учебы на разведчика. Перлюстрация корреспонденции вскрыла давний факт обмена письмами вежливости с американской студенткой, с которой я

познакомился во время поездки в США. Пропесочили меня не на шутку, но Валерий Николаевич все же сумел отстоять своего протеже.

Еще до выпускных экзаменов в университете я был вызван в Москву, определен на постой в многоместном номере гостиницы «Пекин» и на следующий день явился на мандатную комиссию, выносящую судьбоносные решения о зачислении в ПГУ – Первое Главное управление КГБ СССР.

В разведке хорошо помнят известного генерала, начальника Третьего, английского, отдела, а затем резидента в США Дмитрия Ивановича Якушкина. Крупный красавец с барскими манерами и крутым характером, выходец из дворянства – вы ведь наверняка помните десятую главу «Онегина»: «Меланхолический Якушкин, казалось, молча обнажал цареубийственный кинжал» – и при этом несгибаемый коммунист, владелец одной из лучших в России библиотек по декабристам и мемуарной литературе, вообще на редкость незаурядная, харизматичная личность.

Дмитрия Ивановича я видел только один раз, но в один из самых важных моментов жизни. Незадолго до своего ухода из английского отдела он приехал в особняк ПГУ на Остоженке, чтобы перед мандатной комиссией лично принять решение о нескольких кандидатах, планировавшихся к распределению под его начало. Проглядывая мое личное дело, Якушкин обратил внимание на то, что новобранец из семьи музыкантов.

– Искусство любите? – как бы невзначай поинтересовался он.

– Конечно.

– А Ростроповича?

Поясню, что дело было в 1974 году, как раз после выдворения из СССР Солженицына, а вслед за ним и Мстислава Ростроповича.

– О, да. Это же лучший в мире виолончелист!

Дмитрий Иванович оторвался от чтения моего личного дела, поднял на меня затуманенный взор и осведомился:

– А вы осознаете, что теперь, после поступления на службу в КГБ, Ростропович становится вашим врагом?

– Так точно, – по-дурацки отрапортовал я.

Якушкин посмотрел мне в глаза долгим-предолгим взглядом, в котором сквозила то ли жалость, то ли насмешка.

– Спасибо. Решение мандатной комиссии вам сообщат, – сказал он.

Когда несколькими часами позже я предст;<л перед длинным столом, за которым сидели солидные и почему-то хмурые дядьки, им, видимо, все про меня было ясно. Не особо интересуясь моей персоной, они ограничились несколькими формальными вопросами. Мол, готов? Ну и поступай на службу.

Поздравляем, тебе оказана высокая честь.

Потом был одногодичный факультет КИ – Краснознаменного института разведки, который впоследствии получил имя Юрия Владимировича Андропова, а до этого был известен в профессиональном кругу разведчиков как Сто первая школа. В первый же день мне присвоили псевдоним для внутреннею пользования, который начинался стой же буквы, что и моя настоящая фамилия, в целом был созвучен ей, но все-таки немного прикрывал мою настоящую личину. Предосторожность нелишняя, поскольку среди выпускников КИ время от времени попадались предатели, сдававшие неприятелю все и вся, включая своих бывших однокурсников.

Правда, за время моей службы в разведке система эта однажды дала сбой. Предателем оказался секретарь парткома КИ, в распоряжении которого находился аккуратненький списочек. Слева настоящие фамилии слушателей, справа псевдонимы.

Скажу еще кое-что о конспирации разведчиков, причем не только наших. Знакомый болгарин, коллега, постигавший азы науки шпионажа на соседнем объекте в Подмосковье, рассказал мне такую историю.

Группа молодых разведчиков из стран социалистического лагеря занимается спортом за высоким глухим забором засекреченного объекта. С другой стороны забора играют в футбол мальчишки из деревни, расположенной рядом. Вдруг за секретный забор залетает мяч. Гробовая тишина.

Затем раздается робкий мальчишеский голосок:

– Дяденьки шпионы, перекиньте, пожалуйста, мяч!

Наверно, это универсально, если верить свидетельству Тима Милна, соратника и близкого друга Кима Филби по службе в Сикрет Интсллиджснс Сервис. По его воспоминаниям, в голы Второй мировой войны сотрудников одного из подразделений британской разведки, глубоко законспирированных за пределами Лондона, легко идентифицировал клерк местного банка. Как? Очень просто. Только разведчикам выдавали зарплату пятифунтовыми купюрами, самыми крупными в то время, и они беспрестанно прибегали в банк, чтобы разменять их.

Как тут не вспомнить известный анекдот про американского шпиона, которого повязали в российской глубинке.

– Но как же так? – недоумевал он. – Ведь я нигде не прокололся, в ватнике ходил, и даже акцент у меня идеальный, не отличить от местных жителей.

– Да, – отвечают ему наши контрразведчики. – Но у нас на Рязаншинс отродясь негров не было.

Прекрасным был этот год учебы! Житье в комфортабельном пансионате недалеко от Москвы. Теннис летом и лыжные кроссы по окружающим лесам и полям зимой. Обучение вождению и фотоделу. Занятия по истории и практике разведки и интенсивный курс иностранного языка.

Всего за год я очень сильно продвинулся во французском. Даже стыдно вспоминать, почему так вышло.

Французский нам преподавала на редкость сексапильная и к тому же обаятельная выпускница иняза, то есть девушка примерно моего возраста. Вероятно, она была дочерью какого-то заслуженного разведчика или знатного чиновника, поскольку распределение после гражданского вуза в К.И считалось более чем статусным.

Я буквально поедал ее глазами, готов был съесть целиком с роскошными густыми черными волосами, белоснежной кожей и аппетитным бюстом, но – увы. Как там у Высопкою: «был чекист, майор разведки и прекрасный семьянин». Будущий майор, а пока всего лишь жалкий лейтенантишка Баженов героически держал себя в руках целый год. Правда, до француженки, видимо, доносились флюиды вожделения курсанта, возбужденного ею. Она, розовея своей белоснежной шеей, регулярно ставила мне не всегда заслуженные пятерки.

Апофеозом обучения были так называемые городские занятия, проводившиеся дважды, в ходе которых мы на практике закрепляли полученные знания: учились выявлять наружное наблюдение и уходить от него, закладывали тайники, проводили конспиративные и моментальные встречи с агентами, роль которых выполняли разведчики-пенсионеры. Они назывались приватными преподавателями, или попросту приватами.

Городским занятиям предшествовало тщательное изучение Москвы на предмет нахождения наиболее подходящих мест для встреч и закладки тайников. Именно тогда я познал родную столицу настолько досконально, что до сих пор без карты представляю себе структуру любого района города, неузнаваемо изменившеюся.

В КИ устраивались так называемые родительские дни. Это когда на смотрины слушателей приезжали руководители подразделений, за которыми они были закреплены. Моим «родителем» оказался известный в дальнейшем генерал Виктор Федорович Грушко. В будущем он станет вторым лицом в разведке, далее первым заместителем Председателя КГБ В. А. Крючкова во время путча 1991 года, после чего проведет несколько месяцев в «Матросской тишине». Но тогда Виктора

Федоровича, еще подполковника, только что назначили начальником английского отдела разведки, и он придирчиво подбирал себе молодые кадры.

Думается, с задачей этой он справился блестяще. В семидесятые годы под его руководством в отделе была взращена целая плеяда молодых дарований, отличившихся сперва на разведывательном фронте, а затем, после возникновения новой России, и в самых разнообразных сферах государственной, деловой и общественной жизни страны. Грушко, видимо, я пришелся по душе, и меня окончательно закрепили за английским отделом.

Дополнительный год счастливой студенческой жизни пролетел как одно мгновение. Дальше начались трудовые будни разведчика. Пяти годам, проведенным в центре, ясеневской штаб-квартире разведки, можно было бы посвятить сотни страниц, ведь немалый срок все-таки. Плюс к этому молодость и обостренное чувство новизны жизненных ситуаций, увлекательная профессия, масса политических событий, происходящих в международной жизни.

Удержусь, однако, от подробного пересказа. Само собой разумеется, не собираюсь раскрывать каких-либо профессиональных или государственных тайн. Я искренне благодарен судьбе за возможность работать в советской разведке, признателен ей за полученную школу, убежден в том, что не имею права что-либо или кого-либо предумышленно очернять, гем более низвергать. В конце концов, я добровольно был в течение почти двадцати лет неотъемлемой частью этой структуры. Так стоит ли мне писать жалобу на самого себя?

Если что-либо из рассказанного ниже либо описание отдельных персонажей покажется читателю попыткой осмеять, раскритиковать, то это не преднамеренно. Я пытаюсь сделать достаточно легкие зарисовки с претензией на долю юмора, а вовсе не пишу официальную хронологию советской разведки. Хотя, конечно, в отдельных местах уши личного отношения к происходившим событиям, безусловно, торчат.

Итак, постараюсь изложить отдельные эпизоды из того, что больше всего запомнилось мне за пять первых лет, проведенных в ясеневском центре.

В конце августа 1975 года мне и еще одному новобранцу английского направления Третьего линейного отдела ПГУ было предписано связаться по телефону с Александром Владимировичем, который должен будет сопроводить нас в центр. Звучный баритон предложил нам встретиться у автобуса

при выходе из метро «Юго-Западная». Опознавательный признак нашего поводыря – газета «Правда» в левой руке. Я не шучу, именно так все и было.

Александру Владимировичу, как оказалось, было всего года на три больше, чем мне, двадцатидвухлетнему, однако держался он с величайшим достоинством и посматривал на нас явно свысока. В нашем тогдашнем представлении он выглядел как холеный английский аристократ: безукоризненная прическа, усики щеточкой, элегантный серый плащ, вальяжные манеры.

В центре нас первым делом отвели к заместителю начальника отдела Михаилу Петровичу Любимову, курирующему Англию, ставшему известным писателем и впоследствии моим большим другом. По дороге в его кабинет мы узнали, что шефа никто не называет иначе как Эм-Пи – инициалы М. П., произносимые на английский лад. Величественно попыхивая трубкой, источающей ароматы лучших сортов виргинского табака, Михаил Петрович с ходу проэкзаменовал нас на знание английской литературы, убедился в скудости наших познаний и настоятельно посоветовал нам расширять свой культурный кругозор.

В следующем кабинете, принадлежащем начальнику английского направления, уже не шла речь о высоком искусстве. Нам объяснили, что придется учиться всему с нуля, начинать с проверок иностранцев по учетам центра и подготовки оперативных дел к сдаче в архив.

Насколько помнится, в первые несколько месяцев я ничем другим и не занимался. Моими ближайшими друзьями стали ручная дрель, толстая игла с грубой дратвой и допотопный деревянный станок, в который с трудом запихивались здоровенные, до 600 страниц, пыльные тома оперативных дел. Каждый том надо было расшить, проверить правильность нумерации страниц и наличие всех приложений в конвертах, внести массу удостоверяющих записей и только после этого, сшив дратвой заново, пытаться сдать суровому и взыскательному сотруднику архива. Как правило, с первого раза это ни у кого не получалось. Тогда в ход шел подкуп архивного цербера в виде билетов на спортивное соревнование или пачки закордонных сигарет.

О, мои первые оперативные тома, никогда мне вас не забыть! Вместе с рабочим местом мне вручили ключи от сейфа, где их было не менее сорока штук. В некоторых были документы на тончайшей папиросной бумаге, датированные еще двадцатыми годами. Кое-где встречались пометки красным карандашом, сделанные рукой Лаврентия Берии или даже самого Сталина. Первые экземпляры документов, напечатанных под копирку,

отправлялись в Кремль, а в моих делах в большинстве своем оседали последние, еле различимые копии, к тому же написанные тяжелым, неудобоваримым языком. Короче, читать эти фолианты особо не хотелось, да и времени свободного не было.

А зря! В сейфе моем, например, долгие годы лежали все оперативные дела знаменитой «кембриджской пятерки» советских агентов – Кима Филби, Дональда Маклина, фамилия которого иногда пишется как Маклейн, Гая Берджесса, Энтони Бланта и Джона Керн кросса. Были и другие не менее интересные дела, за возможность заглянуть в которые английские спецслужбы многое бы отдали. Уже тогда я об этом догадывался, но все как-то дело не шло дальше того, чтобы рассеянно пролистать с десяток страниц исторической информации. В конце концов я с облегчением спихнул этот бесценный клад в архив. Эх, молодо-зелено.

Очень важным делом казалось нам, молодым сотрудникам, дежурство по отделу. Вечером задерживаешься дольше всех, проверяешь, все ли в порядке в каждом кабинете, опечатываешь их и сдаешь контрольный ключ дежурному по главку. Утром приезжаешь первым, раздаешь сотрудникам ключи и вместе со сменщиком, вытянувшись в струнку, докладываешь начальнику отдела:

«Товарищ полковник! За время моего дежурства произошло то-то и то-то – чаше всего не происходило ничего. Дежурство сдал – звание – такой-то».

Но самым ответственным поручением было замещение начальника у батареи, состоящей из полудюжины телефонов, во время его отлучек из кабинета. Следовало отвечать: «Аппарат товарища Грушко», затем безошибочно принимать решение насчет того, как распорядиться полученной информацией: то ли спокойно дождаться прихода начальника с обеда, толи срочно подключить его заместителей, принимающих оперативные решения. С шефом разведки все ясно – самый главный аппарат, да еще с мигающей лампочкой и пронзительным звонком. Но по телефону правительственной связи могли позвонить и члены Политбюро, и министры, и даже – страшно подумать! – сам Леонид Ильич Брежнев. Одна-единственная ошибка в приеме звонков могла стоить карьеры.

В одно из дежурств Виктор Федорович Грушко посадил меня в своем кабинете и стремглав побежал к начальнику разведки. Вернулся он минут через пятнадцать. Рот до ушей, легкий свежий запах коньячка, а в руках – генеральские погоны.

Грушко небрежным движением бросил их настоя и произнес:

– Вот как это бывает. Желаю вам тоже дослужиться. А теперь огромная просьба: сбегайте в буфет и притащите побольше самых вкусных бутербродов.

Когда подоспели бутерброды, в кабинете уже толпилось с десяток генералов, а стол был уставлен изысканнейшими напитками из личных запасов Виктора Федоровича. Дежурство мое в тот вечер закончилось глубоко за полночь. Но зато наутро я получил привилегию первым отрапортовать не полковнику, а товарищу генералу.

– Вольно! – ответил Грушко, отпустил нового дежурного и сердечно поблагодарил меня за активное участие во вчерашнем мероприятии.

Все первые годы работа моя процентов на 99 была связана с просиживанием штанов в Ясенево, за забором, как мы между собой говорили. Поэтому меня радовали любые нечастые отлучки. Среди них не ахти каким ярким, но все же событием были дни, когда нас выставляли в оцепление при проезде генсека с государственными гостями по правительственной трассе или на Красной площади накануне 7 ноября и 1 мая.

Вдоль правительственной трассы стояли с определенным интервалом солдатики внутренних войск, милиционеры и мы, оперативные работники разведки. Тут вот что интересно. Ставили нас, невзирая на погоду, раньше всех, а снимали последними, порой через час после проезда правительственного кортежа. Какие соображения были у руководства КГБ и нашего главка, до сих пор остается для меня загадкой. Какая была нужда рисковать расшифровкой молодых разведчиков? Ведь нас легко могли заснять на пленку иностранные журналисты.

Запомнился мне такой эпизод. Стою я себе, молодой и красивый, на Ленинском проспекте в сером партикулярном плаще и шляпе того же цвета. Рядом ватага старшеклассниц с шариками и флажками, снятых с занятий, чтобы приветствовать генсека.

Одна из них игриво смотрит на меня и громко говорит подругам:

– Посмотрите на него: ну прямо форменный шпик!

Забавных эпизодов, конечно, случалось немало, но это вовсе не означает, что мы маялись от безделья. Работы, в ходе которой мы медленно, но неуклонно постигали премудрости разведки, было невпроворот. Читались и анализировались огромные объемы почты, поступающей от резидентуры. Мы составляли проекты ответов на эти документы, которые потом редактировались руководством. Именно мы, молодые салаги, проверяли по учетам центра всех иностранцев, попавших в поле

зрения наших коллег за кордоном, и координировали на низовом уровне контакты с другими подразделениями ПГУ и КГБ. Мы не хуже профессиональных упаковщиков заворачивали в коричневую бумагу коробки с представительскими матрешками, красной и черной икрой и кубинскими сигарами. Всех наших многообразных занятий просто не перечислить. Но самая большая польза, безусловно, была от общения с приезжающими в отпуск или окончившими командировку уже заматеревшими разведчиками из-за бугра.

Одно дело – читать сухие письма или телеграммы, и совсем другое – слушать сдобренный русским матерком живой рассказ о человеке или событии, который порой разительно отличается от того, что изложено на бумаге. В справке одного деятеля из Австралии было, например, написано, что он сразу при выходе из посольства сумел избавиться от наружного наблюдения. Спрашиваем, как это получилось.

– Очень просто, – отвечает этот герой. – У нас вокруг посольства кусты, а за ними поле, поросшее бурьяном. Я прыгнул в кусты и пополз по-пластунски.

Мы, слушатели, шокированы. Дескать, как это так, по-пластунски?

– А вот так.

Рассказчик, солидный дядя, ложится на паркет и демонстрирует, как он полз сквозь вражеский бурьян на встречу с агентом.

Другого отпускника, прибывшего из Исландии, мы стали расспрашивать про шифротелеграмму, насмешившую нас в свое время, которая начиналась с фразы: «В Исландии извергнулся вулкан». Неужели ничего по-настоящему важного в стране не происходит? Наш коллега терпеливо разъяснил нам, насколько это важно, причем в самом широком плане, не только для разведки, но и для экологии, климата и даже мирового воздушного сообщения. В справедливости такого подхода мы все могли убедиться, когда в 2010 году в результате извержения исландского вулкана с труднопроизносимым названием Эйяфьяллайекюлль было надолго парализовано воздушное сообщение в огромном регионе Северной Атлантики.

Мы встречали и провожали отпускников в аэропорту или на вокзале, доставали им путевки в санаторий, курировали их родственников во время загранкомандировки, передавали им посылочки, полученные с диппочтой. В награду сами получали закордонные подарочки в виде сигарет, виски, ненашенских канцтоваров и прочих приятных, отнюдь не бесполезных мелочей.

Люди старшего поколения хорошо знают, что в советские

времена тотального дефицита такие заграничные сувениры колоссально расширяли возможности человека. Можно, например, было договориться о ремонте вне очереди «жигуленка» или получить из-под прилавка здоровенный шматок отборного мяса. Не говоря уже о колготках и прочих женских штучках. В семидесятые годы колготки эти самые стоили 7 рублей 70 копеек при зарплате, к примеру, инженера в 120 рублей.

Не менее ценными презентами от отпускников были их рассказы, что называется, без протокола.

Мой подопечный с Мальты, например, научил меня безукоризненно разбираться в трубках и табаках, а также искусству изображать из себя знатока французского языка, используя всего несколько специально заученных фраз.

Он же поведал мне замечательную историю о том, как ему удалось, базируясь на крошечной Мальте, побывать в дюжине стран Европы, Северной Африки и Ближнего Востока. Поначалу планировалось, что его связь с центром должна осуществляться через Рим, что логично. Но, насмотревшись вдоволь на Вечный город, он смог убедить ясеневских начальников в том, что постоянные визиты в римскую резидентуру подрывают его конспирацию. Руководство позволило ему ежемесячные командировки в Лондон, Париж, Копенгаген, а также в Каир и еще куда-то в арабские страны.

Затем, напирая на оторванность от актуальной оперативной проблематики – он на Мальте был сам себе резидентура, – этот умник добился ежеквартальных командировок в Москву, причем каждый раз новым путем. Наконец он предъявил последний, самый сногсшибательный аргумент. Мол, в мое отсутствие моя семья остается по сути дела беззащитным заложником местных властей. А ведь это единственные советские граждане на Мальте. Начальство позволило ему по нескольку раз в год приезжать домой вместе с женой и детьми.

«Ничего не скажешь, грамотно», – подумал я тогда и сразу же перечитал великолепную книжку Грэма Грина «Наш человек в Гаване».

Осмелюсь напомнить, что написана она в пятидесятые годы. Автор, не только известный английский писатель, но и бывший сотрудник британской разведки МИ-6, повествует о том, как скромный продавец пылесосов, случайно попавший в круговорот шпионских дел, длительное время морочил голову своим боссам в Лондоне. Он выдавал чертеж пылесоса за схему сверхсекретного новейшего оружия.

Особое спасибо Третьему отделу за возможность учиться на семинаре выдающегося разведчика Кима Филби. Тема эта

чрезвычайно емкая, для меня лично – одна из ключевых в жизни. Ей посвящен отдельный раздел в этой книге.

Помимо обретения профессиональных знаний, длительная работа в центре – это еще и личностная закалка, период возмужания молодого оперработника и познания – порой через шишки на собственном лбу – основополагающих человеческих ценностей. В общем и целом мне с начальниками и сослуживцами достаточно повезло. В большинстве своем они были люди порядочные и доброжелательные.

Но в любой бюрократической структуре тебя могут подставить и затереть, если ты недостаточно принципиален и проявляешь мягкотелость. В один прекрасный момент я чуть не сменил свою английскую ориентацию на скандинавскую. Пока находился в отпуске заместитель начальника отдела, курирующий английское направление, меня принялся усиленно окучивать другой зам, в ведении которого находились скандинавские и финские дела.

Действовал этот профессиональный вербовщик на редкость грамотно. Дескать, ну что ты там, в Англии, получишь и, главное, когда? А у нас пожалуйста! Дипломатическая должность в шикарной скандинавской столице. Можешь уехать буквально через месяц!

Я, естественно, только мычал в ответ. Ведь передо мной был целый полковник, который к тому же в тот момент замещал самого шефа отдела.

Слава богу, вовремя вернулся мой родной зам. Он долго топал ногами, кричал, что нечестно приказывать чужим солдатам, и в конце концов отстоял мое английское будущее.

Время от времени на партийных собраниях, ежемесячно проходивших в отделе, разбирались персональные дела. Как правило, чехвостили сотрудников, невзирая на должность и звание, за баб и пьянку.

Вот полковник, начальник направления поматросил с любовницей, а потом ее бросил. Девушка же оказалась не промах. Она тут же настрочила кляузу в кадры ПГУ, где подробно рассказала обо всем, что слышала от бравого полковника в постели, и – о, ужас! – поведала, что ей даже известно, где именно у метро останавливается наш служебный автобус. На партсобрании полковник под осуждающими взорами сослуживцев посыпал голову пеплом, публично раскаялся и отделался строгим выговором с занесением в личное дело.

Подобные истории произошли поочередно с двумя моими товарищами по учебе на первом семинаре Кима Филби. Мы все трое дружили семьями, а Саша – тот самый Александр

Владимирович, который за руку привел меня в Ясенево, – и Владислав вообще чуть не побратались. Да и их жены были неразлейвода.

Сначала подзалетел Саша. У него случился серьезный роман. Но как быть с женой, у которой папа – ответственный сотрудник МИДа?

В разруливание ситуации вынужден был вмешаться сам Виктор Федорович Грушко. В откровенном разговоре с глазу на глаз он предложил Саше определиться: новая большая любовь либо возвращение к жене. Саша ни туда ни сюда. Тогда и была объявлена публичная порка на партсобрании.

Странно повел себя Владислав. Когда Саша чуть не с мольбой в голосе попросил его подтвердить что-то – «Ты ведь в тот момент был рядом и знаешь, как обстояло дело», – тот отвел глаза в сторону и заявил, что ничего не помнит и вообще не считает себя таким уж большим другом и конфидентом Саши.

Грушко с презрением наблюдал за этой постыдной сценой. По его инициативе собрание вкатывает Саше строгача с рекомендацией отстранить от оперативной работы по линии отдела. Впоследствии Виктор Федорович признался мне, что готов был простить гуляку, если бы тот повел себя по-мужски, даже выбрал бы новую жену.

Сделал Грушко вывод и в отношении Владислава. С английского, самого элитного, направления он был переведен на подготовку в одну из скандинавских стран.

Прошел год с небольшим, и с Владиславом, недавно отправившимся в свою Скандинавию, случилась похожая история, суть которой я пересказывать не буду. Его срочно отозвали. Опять партсобрание, которое для вашего покорного слуги оказалось гораздо более болезненным.

Накануне вызвал меня новый шеф, сменивший Грушко, и иезуитским голосом спросил:

– А вы случаем не знаете, кто писал на Владислава отзыв перед командировкой?

Я похолодел. Один из отзывов действительно был написан моей рукой, а мне самому уже через месяц-другой предстояло ехать в Англию.

Шеф тем временем уже звонил в кадры:

– Ага, значит, один из рекомендателей – Баженов? Там все только положительное? Спасибо. – Он положил трубку и вперил взгляд удава в бледного кролика, сидящего перед ним. – Ну вот, дорогой, вам урок, как раздавать направо и налево положительные рекомендации. Для первого раза прошу намотать на ус. Других санкций не будет. Еще вы завтра выступите на

собрании с суровой и принципиальной критикой поведения Владислава.

Если кто-то ожидает услышать, что я отказался выступать против своего товарища, то его ждет разочарование. Я выступил, хотя и старался не клеймить Владислава как последнею врага народа. Он, кстати, не очень на меня был в обиде, поскольку прекрасно понимал правила игры. Но горечь и неприятный осадок оттого, что тобой так неприглядно манипулировали, остались на всю жизнь. Равно как и неприязненное отношение к тому шефу.

Позволю себе небольшое отступление о кадрах, раз уж упомянул их в предпоследнем абзаце. Как же прав был Иосиф Виссарионович, когда выдал свою бессмертную сентенцию «Кадры решают все». Предельно лаконичной фразой он убил двух зайцев. Да, с одной стороны, успех любого дела зависит от грамотно найденных, правильно обученных и расставленных людей, а с другой – от профессионализма кадровиков, которые этим занимаются. Или же не от него, а от конъюнктурного чутья, умения угадывать, что нужно в данный момент конкретному данному начальнику.

Применительно к разведке, где я худо-бедно почти два десятилетия отработал, у меня сложилось следующее впечатление.

На опыте комитетского кадровика Валерия Николаевича и своем собственном, накопленном позднее, я убежден в том, что в кадрах должны работать самые-самые, мудрые и высокообразованные «душеведы», прекрасно знающие предмет деятельности своей организации и умеющие оценить потенциал каждого сотрудника. По этой логике в управление кадров следовало бы командировать особо успешных оперативных сотрудников ПГУ, не на словах знающих, как завербовать агента, получить от иностранца ценную информацию.

На практике же иерархия была такая. Способный оперработник, сгоревший в поле, как правило, попадал в такие подразделения разведки, как информационная служба или служба активных мероприятий. Если человек чем-то себя дискредитировал, то его ссылали в подразделения, полностью отстраненные от оперативной деятельности, вплоть до архива. В кадры же попадали надежные, преданные службисты, но без выдающихся успехов, блеска в глазах и способности сдвинуть горы.

Это с одной стороны, а с другой… Вопреки вышеизложенному, постановка кадровой работы в советской

разведке в целом вызывала и продолжает вызывать у меня восхищение. Проколы с эпизодическими предательствами не в счет. В какой крупной разведслужбе их нет? Восхищает качество отбора, по крайней мере моих сверстников. Одинаково высокий образовательный и интеллектуальный уровень, поведенческий тип и даже здоровье. Большинство пребывает в полном здравии в возрасте за шестьдесят, очками стали пользоваться в районе пятидесяти и так далее.

Более того, я восхищен кадровиками и психологами, которые умудряются самым что ни на есть грамотным образом распределять кандидатов по географическим отделам разведки. Учитывается и психотип разведываемого региона, нации и даже внешность.

Приезжаешь в Рим, а там резидент, похожий на древнего патриция. Ни за что не подумаешь, что он родом из Харькова. В Париже резидент – типичный галл, хотя родом из казаков с Северного Кавказа. Моим лучшим приятелем из немецкого отдела был этакий белокурый ариец, хоть завтра забрасывай в Баварию. А начальник индийского отдела темноволос, осанист и философски задумчив, как Будда.

Еще в годы моей службы кто-то из кадровиков позволил мне заглянуть в свое личное дело. Там я не без интереса узнал, кто же писал на меня отзывы и что в них говорилось. Любопытно, поскольку я ведь тоже писал, и на многих, включая известных ныне деятелей. Самым интересным было, однако, заключение психолога, сделанное при приеме меня на работу в разведку. Ключевая фраза там – «обладает повышенной эмоциональной возбудимостью». В самую точку! Вот почему я легко впадаю в гнев и в отчаяние, да и влюбчив не в меру! Хорошо было бы, конечно, чтобы мне об этой моей особенности сразу сказали, лет на пятнадцать раньше. Я немедленно начал бы работать над корректировкой этого узкого места своей личности.

Через пару лет после того, как был написан основной текст этой книги, судьба свела меня с дамой, которая активно участвовала в создании и практическом применении этих уникальных методик отбора, позволивших вывести кадровую работу в советской и российской разведке на высочайший уровень. В момент нашей встречи она уже занималась отбором и тестированием домашнего персонала для отечественных толстосумов. Увы, это то, до чего пришлось опуститься уникальным профессионалам спустя четверть века после исчезновения СССР. Но качество характеристик на каждого персонажа оставалось прежним. Прочитаешь – и будто бы видишь человека насквозь, остается только принять решение, нужен тебе

такой или нет.

А разве не является показателем успешности кадровиков советской разведки тот факт, что значительная часть политической элиты современной России, включая президента страны, родом из ПГУ?

Снимаю шляпу и почтительно раскланиваюсь перед кадровиками советской разведки описываемых лет! Уверен, если все продолжается в том же духе, то и у нынешней российской разведки все будет хорошо.

Ведь кадры решают все!

Летом 1978 года состоялась моя первая обкатка. Меня под прикрытием переводчика включили в состав советской делегации, отправляющейся в Гавану на Всемирный фестиваль молодежи и студентов. На острове Свободы переводами мне не пришлось заниматься ни разу, никаких оперативных дел тоже не возникло. Там шло одно сплошное братание, обмен футболками, легкие романчики, только чтобы никто из своих не знал. Еще бочонки рома под ананасы, которые гостеприимные и добродушные кубинские хозяева очищали ловкими ударами мачете. Да, была еще церемония закрытия, на которой нас, советских переводчиков в штатском, как самых надежных, посадили прямо за спиной легендарного Фиделя Кастро, беспрестанно потягивавшего свою любимую сигару Ideales.

Больше самого фестиваля мне запомнилось многонедельное морское путешествие туда северным путем из Ленинграда и обратно через Средиземное морс в Одессу на шикарном теплоходе «Шота Руставели».

Описывать этот праздник души и тела не берусь. Мой читатель вспомнит свою молодость и сам поймет, какое удовольствие от жизни можно получить от постоянного общения со своими сверстниками и лучшими представителями советской культуры. Поэт Роберт Рождественский, ансамбль «Пламя», Владимир Винокур, Лев Лещенко, Ирина Понаровская и многие другие звезды той эпохи! Да еще на океанском пленэре!

Опоздав из Одессы на сутки, я первым делом получил нагоняй от начальника направления.

– Почему не сообщил, что задерживаешься?!

– Денег не осталось на междугородний звонок.

– Это безобразие! Запомни раз и навсегда, у оперработника всегда должна быть небольшая заначка, как минимум двадцать рублей.

Я запомнил это правило на всю жизнь. Сколько же подобных маленьких уроков мне и моим коллегам преподала разведка! В результате мы, отечественные разведчики, постепенно

превращаемся в индивидуумов, отличных от других человеческих особей по своей внутренней собранности и дисциплине, особо цепкому взгляду на внешний мир и ряду других поведенческих параметров. То же самое происходит с сотрудниками ЦРУ, Сикрет Интеллидженс Сервис, Моссада и далее по списку. Это бывает заметно. Порой мы, разведчики, безошибочно выделяем коллег из общей массы людей.

За год до отъезда в Лондон пришла пора выводить меня под крышу. Это сейчас крыша ассоциируется с криминальными авторитетами, полицией и прочими силовиками, которые за мзду предоставляют протекцию предпринимателям. На нашем тогдашнем сленге крыша обозначала учреждение прикрытия – государственную организацию, направлявшую за границу разведчика под видом своего сотрудника. Чаще всего это были МИД или Министерство внешней торговли, ведущие газеты и журналы, за исключением «Правды». Центральный партийный орган никак нельзя было опорочить возможными шпионскими скандалами!

Использовались некоторые другие ведомства и крупные организации, например «Аэрофлот», а через них – ЮНЕСКО, Международный совет по пшенице, по сахару и так далее. Согласия последних никто не спрашивал по определению. Мнение советских коллег тоже не считалось важным. Им на уровне ЦК КПСС директивно указывали, какие из принадлежащих им штатных единиц будут использоваться разведками, комитетской и военной. Правда, бюджеты этим ведомствам спускали с учетом варягов. Еще одним пряником было то обстоятельство, что они получали дополнительное загранпредставительство, о котором в противном случае не могли и мечтать.

Именно так обстояло дело с моей экономико-индустриальной газетой, у которой никогда не было бы заграничной сети, не появись на свет распоряжение Председателя КГБ Ю. В. Андропова открыть только для разведчиков корпункты в Лондоне, Бонне и Осло. Не правда ли, странная комбинация? Видимо, разведке в тот момент требовалось усилить свои позиции именно в этих точках. Иного объяснения не придумаешь. В других же изданиях половина зарубежных собкоров были чистыми. Так мы называли тех, кто не являлся сотрудником разведки.

Впрочем, подавляющее большинство этих людей, если не все, были «полосатыми», то есть формально числились агентами КГБ.

«Полосатые» – это по красной полосе на бланках их проверки. На запрос приходил лаконичный ответ, что о проверяемом X можно получить информацию по телефону Y. Другой вопрос,

насколько добросовестно эти люди исполняли свои агентурные обязательства, но не об этом сейчас речь.

В газете меня первым делом представили главному редактору Василию Николаевичу Голубеву, который оказался бывшим ответственным сотрудником СМЕРШа, специального подразделения НКВД, которое занималось выявлением шпионов и диверсантов в годы войны. Он благосклонно принял коллегу из органов, предупредил о том, что о моей ведомственной принадлежности нельзя никому в редакции говорить, об этом знаем только мы с ним.

Но уже в следующих двух или трех кабинетах мне стало понятно, что это прекрасно известно всем или почти всем вплоть до самых младших журналистов. Ну а как могло быть иначе? Вот сидит убеленный сединами мэтр международной журналистики, которому не светит ничего, кроме периодических коротких выездов в страны третьего мира, и тут приходит двадцатисемилетний пацан, которого через несколько месяцев надолго пошлют в Лондон. Все предельно ясно! Однако приняли меня в целом хорошо и начали терпеливо, но строго обучать журналистскому мастерству.

Как только я немного поднаторел, появились первые интересные задания. Одно из них – освещение работы московской встречи советско-британской комиссии по экономическому сотрудничеству. С английской стороны ее возглавлял министр промышленности и торговли, близкий соратник Тэтчер Сесил Паркинсон.

Волновался я страшно, впервые увидев настоящих британских высокопоставленных чиновников, у которых мне предстояло взять интервью. От волнения постоянно прихлебывал боржом из бутылки, стоявшей рядом. Именно это мне и помогло.

В перерыве я стремглав бросился в туалет и увидел там, у соседнего писсуара, самого Паркинсона. Как же иногда сближает людей совместное отправление нужды! Прямо там и затем у умывальника мы перемолвились с министром несколькими шутливыми фразами, улыбнулись друг другу. Когда после завершения заседания Паркинсона окружила толпа журналистов, он подмигнул именно мне и осчастливил подробными ответами на все мои вопросы.

В последние недели перед выездом в Англию я прошел интенсивные стажировки в различных подразделениях ПГУ. Я должен был разбираться в проблемах наших противников, прежде всего главного и желтого, то есть США и Китая, уметь писать информационные телеграммы и проводить активные мероприятия. Изучал я даже арктическую тематику, погружался в

нее до таких подробностей, как «влияние загрязнения окружающей среды в Арктике на менструальный цикл у белых медведиц».

Наконец-то наступило время выбора оперативного псевдонима, по-жаргонному – кликухи. Высокие начальники, руководящие нами из центра, как правило, выбирали себе псевдонимы нейтральные, солидно звучащие: «Северов», «Югов», «Широков», «Большаков» и т. п. Нас же, молодых оперов, выезжающих за кордон, было принято называть иностранным именем – Джордж, Гордон, Кен, Моррис, Честер. Мне было велено самому придумать и предложить руководству три варианта кликухи. Под номером один в моем списке стоял «Сильвер».

Начальник долго думал, морщился, потом вынес вердикт:

– Нет, не пойдет. Как-то по-еврейски звучит.

Он окрестил меня по имени известного персонажа английской классической литературы.

10 сентября 1980 года, после бурной отвальной, молодой оперработник пол прикрытием советского журналиста в сопровождении семьи и небогатого скарба вылетел рейсом «Аэрофлота» в Лондон. Большинство событий, описанных ниже, произошло именно там, на Британских островах, в течение последующих пяти лет.

Веселые прогулки по минному полю разведки

Лондон встретил нас начинающейся осенью и запомнившимся на всю жизнь запахом ненашенского мыла, купленного в лавочке напротив посольской гостиницы, куда нашу семью определили на первое время, пока не уедет домой мой предшественник. На следующий день жена, а не я, специально тренированный профессионал, впервые увидела за нами наружное наблюдение. Это означало, что мы, по молодости того не ведая, ступили на минное поле. Где и когда рванет?

Рвануло в самом конце командировки. А до этого я пять лет порхал рядом с минами, задумываясь не столько о возможных печальных последствиях провала, сколько о радостях жизни и увлекательнейших возможностях, которые предоставляло совмещение обязанностей журналиста и разведчика.

Перечитывая сейчас свои журналистские архивы тех лет, я понимаю, что интересные события случались чуть не каждый день. Но в памяти, без подсказки бумажек, отложились лишь самые яркие эпизоды. Их я и попытаюсь пересказать, пока не забыл.

Страсти вокруг Фолклендов

О роли географии в разведке

Война есть война. Даже такой припозднившийся взбрык имперского колониализма, каким явилась Фолклендская военная кампания, затеянная правительством М. Тэтчер в начале 1982 года. В район Южной Атлантики, к архипелагу, который англичане называли Фолклендами, а аргентинцы, уже высадившиеся там, – Мальвинами, двигалась мощная британская военно-морская армада в составе двух авианосцев и множества других боевых кораблей.

Спор между Англией и Аргентиной за суверенитет над этими островами уходит своими корнями в восемнадцатое столетие. В 1774 году под давлением Испании Англия покинула Фолкленды, но формально не отказалась от претензий на них. После провозглашения независимости от Испании, в 1820 году, молодое аргентинское государство предъявило права на архипелаг, но своего не добилось. В 1833 году на Фолклендах окончательно обосновались англичане, силой выдворившие оттуда аргентинских поселенцев.

Аргентина, никогда не прекращавшая попыток вернуть себе Мальвины, добилась в 1965 году резолюции ООН, в которой признавалось существование спора о суверенитете территории и рекомендовалось разрешить конфликт путем переговоров. Англия всячески саботировала переговоры, а аргентинские власти, веною очередь, угрожали военным вторжением на архипелаг. 28 марта 1982 года Аргентина оккупировала остров Южная Георгия, принадлежащий Англии, а 2 апреля на Фолклендских островах высадился экспедиционный корпус аргентинских вооруженных сил. В ответ правительство Тэтчер приняло неожиданное для многих решение направить в район Южной Атлантики мощную военно-морскую эскадру особого назначения.

Политический, дипломатический и, естественно, журналистский Лондон дрожал от нервного напряжения. Дойдет ли до кровопролития? Кто первый дрогнет? Отступят аргентинцы или все же Тэтчер в последний момент не решится на боевые действия? Кто кого поддержит из крупнейших мировых держав?

Разведслужбы, понятно, не отсиживались в стороне. Советская разведка в том числе. Кого мы поддерживаем, было

известно с самого начала. Конечно же, нейтральную Аргентину, пытающуюся отвоевать свою исконную территорию у колониального британского льва. Но что это, черт побери, за территория? Кто там живет и сколько их, этих фолклендцев? Какой там хоть климат-то? Что вообще есть? Не знаю, как коллеги из других разведок, но наши, сдается, вообще ничего не знали. Вряд ли там ступала нога не только советского, но и вообще русского человека.

А у меня как раз были плохи дела с показателями по информационной работе. То бишь я мало подготовил информационных телеграмм, да и темы все были какие-то мелкие, не тянули на прямую реализацию в инстанцию. Так назывались ЦК КПСС и основные ведомства, потребители нашей продукции.

Вызывает меня информационный работник и говорит:

– Будешь полным идиотом, если не используешь такой шикарный шанс. Ты ведь у нас, кажется, вступил в Королевское географическое общество. Иди туда и узнай хоть что-нибудь про эти чертовы Фолклендские острова, а то Москва уже замучила вопросами: где это, что там. И вообще имей в виду, что на этом конфликте можно массу очков заработать.

Тут самое время рассказать, как я попал в действительные члены Королевского географического общества. Как отмечалось выше, готовясь к командировке, я прошел, среди многого прочего, серьезную стажировку по так называемой арктической тематике и проблемам международного морского права, тесно связанным с ней. Остается только поаплодировать дальновидности руководства советской внешней политики в далекие семидесятые-восьмидесятые годы прошлого века. Оно уже тогда предвидело неминуемое нарастание осложнений в отношениях арктических стран – это СССР, Канада, США, Норвегия и Дания – вокруг определения экономических зон и суверенитета над участками Северного Ледовитого океана. Ведь там гигантские запасы нефти и газа на шельфе, несметные сокровища в виде марганца и других минералов на океаническом дне, а с военно-стратегической точки зрения – риск появления американских подводных ракетоносцев вблизи наших северных территорий.

Как известно, Советский Союз еще в двадцатые годы в одностороннем порядке объявил суверенитет над всем сектором от крайних точек своего северного побережья до Северного полюса. Но соседи были с этим не согласны и все более активно оспаривали наши права. Короче говоря, надо было держать ухо востро и внимательно следить за эволюцией подхода западников к арктическим проблемам. Передо мной была поставлена

нелегкая задача по проникновению в круги, обладающие информацией, важной для обеспечения советских интересов.

В первые месяцы командировки я проанализировал ситуацию и пришел к выводу, что лучше всего действовать через Королевское географическое общество, Royal Geographical Society – RGS. Но как попасть в этот элитный, полностью закрытый для посторонних британский клуб, патроном которого является двоюродный брат королевы принц Кентский, а почетным председателем – сын легендарного исследователя Антарктики лорд Шэклтон?

Под предлогом газетного интервью я съездил в Кембридж, к известному профессору-полярнику Теренсу Армстронгу. Тот сказал, что для принятия в действительные члены RGS требуются рекомендации не менее двух ученых-полярников с мировым именем. Он лично не сможет дать мне таковую, если я не заручусь поддержкой кого-то еще, хорошо ему знакомого.

Тогда я вспомнил, как отец рассказывал о своей давнишней дружбе в Ленинграде с полярным исследователем академиком Трешниковым, и попросил его познакомить нас во время моей командировки на родину. Добродушный академик, возглавлявший в ту пору ленинградский Институт Арктики и Антарктики, страшно обрадовался весточке от Теренса, старого знакомца и уважаемого оппонента по научным спорам. Он тут же снабдил меня рекомендательным письмом и вдобавок попросил передать Армстронгу здоровенную пачку институтских научных изданий, только что вышедших в свет. Трешников пояснил, что по межбиблиотечному обмену Теренс увидит их никак не ранее чем через полгода. Пачка была настолько внушительного веса, что для ее провоза в аэрофлотовском багаже требовалось почти полностью отказаться от любого другого груза, но я без колебаний согласился, понимал, что эта жертва открывает мне двери в Королевское географическое общество.

И снова Кембридж. Профессор Армстронг чуть не прыгал от восторга вокруг книг, привезенных мною, и сразу же сел писать мне рекомендацию. Не прошло и месяца, как я получил свидетельство действительного члена RGS. На церемонии вручения мне стало известно, что за весь послереволюционный период такой чести были удостоены всего два советских гражданина – какой-то академик из Института географии АН СССР и профессор из Института востоковедения. Третий – я.

Положив в карман членский билет RGS, я отправился в святая святых мировой географической науки. Со стен старинного краснокирпичного особнячка, расположенного в центре Лондона на стыке двух самых известных парков – Гайд-парка и

Кенсингтон-гарденз, смотрели портреты Ливингстона, Шэклтона, Амундсена, Пржевальского и даже князя Кропоткина. Никогда раньше не знал, что знаменитый теоретик анархизма был еще и великим географом! Учтиво улыбались служители общества, попадающиеся мне навстречу.

Среди них отставной бригадный генерал с типичными колониальными усами щеточкой, который, как мне рассказали, являлся хранителем уникальной коллекции карт. Позже я узнал, что наш Генштаб вполне мог бы наградить орденом ее добытчика.

В совершенно безлюдной библиотеке я затребовал кипу фолиантов по Фолклендам, уселся в самом углу за колонной, принялся изучать и конспектировать их. Через пару часов библиотекарша ушла на обед, посадив вместо себя молоденькую девушку.

Немного времени спустя в тишине заскрипела дверь, и я услышал шепот бригадного генерала, обращающегося к временной библиотекарше:

– Слушай, Кэтрин, если здесь появится наш новый русский член по имени Максим и будет спрашивать литературу про Фолкленды, обязательно сообщи мне названия всех книг, которые ему выдашь, ладно?

Я сидел, вжавшись от волнения в стенку. Ведь ни бригадир, ни эта барышня меня за колонной не заметили. Что делать? Буду ждать прихода постоянной библиотекарши. Авось пронесет. Примерно через час она появилась. На мое счастье, смена караула произошла так быстро, что девушка забыла передать ей указание бригадира. Ретироваться мне удалось без проблем. Я стремглав помчался в посольство, чтобы поскорее проинформировать Москву обо всем том, что почерпнул из умных и пыльных фолиантов.

А почерпнул я, пребывая в засаде, массу полезной информации об истории открытия и освоения архипелага, местном населении, ландшафте, климате и даже о поголовье крупного и мелкого скота. Многие ли, к примеру, знают, что Фолкленды – чемпион мира по овцеводству? На 3 тысячи фолклендцев приходится почти полмиллиона овец, порядка 350 ходячих шерстяных мешков на каждого обитателя архипелага. Судя по высоким оценкам центра, информация эта пришлась весьма кстати. «Теперь ясно, что все дело в тамошних баранах», – сказал мне друг в личном письме из Ясенева.

Однако по иронии судьбы Москва никак не отреагировала именно на то, что, как показало будущее, было самым цепным. В библиотеке Королевского географического общества мне удалось вычитать, что уже тогда, в начале восьмидесятых годов прошлого

века британские ученые предполагали наличие на шельфе Фолклендских островов огромных нефтяных месторождений. Спустя три десятка лет средства массовой информации время от времени сообщают об успехах буровиков крупнейших международных компаний, вплотную занявшихся освоением фолклендского шельфа. Так вот, оказывается, где собака зарыта! А мы-то недоумевали, на кой ляд Тэтчер направила в Южную Атлантику мощный военно-морской кулак. Оказалось, вовсе не для защиты интересов местных овцеводов!

«Есть остров на том океане…»

Британская армада неумолимо приближалась к Южной Атлантике. Пресса пестрела сводками, составленными официал иными представителями Министерства обороны, сейчас их назвали бы пиаровцами. В СМИ циркулировал миллион разнообразнейших интерпретаций и домыслов относительно того, что же в действительности происходило на другом конце земли.

Вместе с другом и коллегой Юрием Кобахидзе мы отправились на ужин к знакомому западногерманскому журналисту Аристиду Хюбриху по кличке Бад, здоровенному и на редкость харизматичному персонажу, как две капли воды похожему на известного в ту пору баварского политика Франца-Йозефа Штрауса.

Бад обосновался в фешенебельном предместье Лондона. Он любил красивую жизнь, окружил себя весьма небедными людьми. Некоторых из своих знакомцев Бад тоже пригласил в тот вечер на ужин. Все они выглядели в высшей степени почтенно. Важные, самодовольные физиономии, добротные костюмы, жены в дорогих украшениях.

Единственное исключение составлял сосед Бада, маленький плюгавый старикашка в скучном и достаточно поношенном костюмчике серого мышиного цвета. Держался он неприметно, скромно, словно стеснялся присоединиться к обшей беседе.

А разговор за столом, естественно, вращался вокруг фолклендской кампании. Гости оживленно обсуждали только что распространенную военными пиаровцами новость о том, что экспедиционный флот пришвартовался для кратковременного отдыха у берегов острова Святой Елены, где англичане держали Наполеона до самой его смерти.

«Да, конечно, – рассуждали участники застолья. – Это понятно. Надо ведь матросам размять ноги на берегу».

У всех перед глазами картинки, как отряд за отрядом сходят

с трапа и направляются в ближайшие пивные и бордели. Развивая фантазии, участники ужина начали полушепотом сообщать друг другу важные и конфиденциальные детали, якобы известные им.

У нас с Кобахидзе уши превратились даже не в антенны, а в радары. Мы боялись пропустить хоть слово, вылетевшее из таких информированных источников.

Посреди этой вакханалии обмена конфиденциальностями плюгавый старикашка, до сих пор молчавший, вдруг заявил:

– При всем уважении к нашим газетам, господа, я не верю сообщениям о швартовке флота у Святой Елены.

Сказал, как будто воздух испортил.

– Но почему, сэр, вы так считаете?! – спросил кто-то.

– Все очень просто, – ответил старикашка. – Святая Елена окружена многими рядами острых рифов. Туда и на лодке-то не подплывешь, не то что авианосцам швартоваться.

– Позвольте, а вам-то это откуда известно? Вы что, бывали на этой самой Елене?

– Да, приходилось, – скромно ответил старикашка. – Я там много лет был губернатором.

За столом полный конфуз. Народ был сильно разочарован. Такую дед малину обломал. А мы-то тут напредставляли себе про морячков с проститутками! Но делать нечего. Раз бывший губернатор говорит, значит, так оно и есть. Ему виднее.

Разговор плавно перетек на критику пиаровцев-борзописцев, бессовестно обманывающих мировую общественность.

Мы же с Кобахидзк не преминули заработать на этом очки. Оперативно доложили о сомнительности официальных сведений о швартовке и тем самым подтвердили информацию, наверняка уже полученную к тому времени с советских военных спутников.

Чаще ходите на званые обеды, товарищи разведчики, и вам обязательно улыбнется оперативное счастье в обличье такого вот старикашки или кого-то еще!

Фолклендский удар по печени

Британская армада наконец-то достигла Фолклендских островов и вступила в боевые действия с аргентинцами. В Англии начался ажиотаж, какого эта страна, вероятно, не переживала со времен Второй мировой войны. Телевидение и пресса были заполнены репортажами и сводками с театра военных действий. В парламенте шли бесконечные дебаты, причем, как я сейчас понимаю, непонятно о чем. Ведь Лейбористская партия, находящаяся в оппозиции, с самого начала в принципе

поддержала курс правительства Тэтчер на решение проблемы силовым путем.

Самыми ярыми патриотами, защитниками лозунга «Ни пяди британской земли оккупантам!» оказались такие далекие от военных дел политики, как лидер лейбористов Майкл Фут, интеллигентнейший человек в профессорских очках с гигантскими линзами, и теневой министр обороны Джон Силкин. Даже по фамилии последнего видно, что он отнюдь не коренной англосакс. Пытаясь объяснить их пыл и рвение, мы в журналистских кругах сходились во мнении, что это своего рода компенсационная реакция людей, которые никогда не служили в армии либо не принадлежали к титульной нации. Они подспудно испытывали чувство вины за это и страх перед возможными обвинениями в отсутствии патриотизма.

В оглушительном хоре ура-патриотов и шовинистов, объединившем в едином порыве весь политический спектр Великобритании, звучал единственный серьезный голос против. Он принадлежал теневому министру иностранных дел, известнейшему и опытнейшему политическому деятелю, бывшему министру обороны и одному из вдохновителей создания НАТО Денису Хили. Он, как ни странно, твердо и последовательно выступал против применения военной силы, за начало переговорного процесса с аргентинцами.

Впоследствии Хили в одной из бесед со мной объяснил свою позицию так:

– Во время Второй мировой я был майором, командовал батальоном и принимал участие в боях на юге Италии. В отличие от подавляющего большинства нынешних политиков я не понаслышке знаю, что такое кровь, убитые и покалеченные солдаты. Надо сто раз подумать и использовать все возможные средства, кроме оружия, перед тем как начинать пальбу.

В такой обстановке самым удобным местом для журналиста-разведчика стали парламентские кулуары, а если быть более точным – знаменитый паб в палате общин. В кризисных ситуациях, будь то политика, экономика или война, там собирались все и вся, можно было встретить черта в ступе и узнать что угодно.

Моя работа по своей сути сводилась к тому, чтобы, отхлебывая из кружки замечательный, специально для парламента изготовленный биттер «Fed», тусоваться в кругу британской прессы и прочих персонажей, околачивающихся в пабе, слушать, что они обсуждают, и время от времени задавать невинные вопросики, подталкивающие их к выплеску новых порций информации. Особый интерес представляло то

обстоятельство, что каждый час аккредитованных корреспондентов английских изданий собирали на закрытый брифинг, где перед ними выступали официальные представители Министерства обороны. Возвращались они оттуда с важными физиономиями людей, знающих больше других, тут же брали по новой кружке пивка и начинали небрежно разбрасывать вокруг себя отрывки конфиденциальной информации, полученной только что.

Один из таких рабочих деньков запомнился мне особенно ярко, потому что закончился полной отключкой. Приехал я в парламент где-то к открытию паба – не знаю, как сейчас, но тогда эти заведения начинали работать в 10.30 утра – и присел за столик с хорошим знакомым. Это был Боб Портер из «Дейли Мейл», здоровенный бугай-регбист. Не успели размяться первой пинтой, как Боб побежал на закрытый брифинг. Вернувшись минут через десять, он полушепотом пересказал мне все последние сведения с театра военных действий. Где кто наступает и отступает, какими силами, какова международная реакция самых значимых стран и все такое прочее.

Так продолжалось каждый час. Пинта пива – брифинг – информация, пинта – брифинг, опять пинта. Голова шла кругом, не вмещая новых сведений, мочевой пузырь разрывался, не вмещая пива.

Апофеозом того дня стал брифинг, на котором была озвучена информация, так и не попавшая в открытую печать. Военная операция временно застопорилась по причине повреждения авианосца «Инвинсибл». Это английское слово переводится как «непобедимый». На этом авианосце вертолетчиком служил второй сын королевы, принц Эндрю.

Часам к десяти вечера мы с Бобом вспомнили, что за целый день так ничего и не поели, но при этом выпили как минимум по десять пинт пива, если не больше. Мы зачем-то добавили по порции виски и, поддерживая друг друга, пошли искать свои авто, припаркованные где-то на Уайтхолле. Меня почему-то все время мучила мысль о том, что мне до дома всего несколько миль по центральному Лондону, а вот бедному Бобу придется рулить по моторвэю миль сто, не меньше. Ну да ничего, он же намного крупней и здоровей меня, регбист.

Как я доехал до дому, не помню. О том, что было бы, останови меня полиция, даже думать не хочу. Остальное знаю по рассказу жены. Взволнованная моим долгим отсутствием, она ждала на балконе, услышала щелчок переключения авто на задний ход, увидела, что я на редкость аккуратно припарковался, через минуту сама открыла входную дверь и приняла тело,

которое прохрапело прямо в коридоре несколько часов. Вот так.

Созвонившись на следующий день с Бобом Портером, я узнал, что с ним все произошло с точностью один к одному. Это меня крайне обрадовало. Слава богу, не я один такой.

Да, я нанес ощутимый удар по собственной печени, однако значительно улучшил свои показатели информационной работы в преддверии отчета об очередном годе командировки.

Проговорился на приеме

Если разведчик не держит язык за зубами, то из этого может получиться невесть что. Однажды единственное неправильное движение языком чуть не стоило мне карьеры. А дело было так.

Пришел я как-то в посольство и увидел, что в центральном холле собралось слишком уж много людей, чистых дипломатов и их жен. Они что-то оживленно, хотя и вполголоса, обсуждали. Я спросил, в чем дело. Мне ответили, что произошло очередное выдворение, на этот раз помощника военно-морского атташе. Мы тут, дескать, обсуждаем, какой подарок на прощание вручить нашему товарищу. Ведь такой хороший, компанейский мужик.

В резидентуре тоже все были в курсе, но комментариев звучало мало. Выгоняли-то англичане не нашего человека, а сотрудника военной разведки, ГРУ. Никто не знал, что он натворил, но видимо, было за что.

«Ну и ладно, – подумал я. – Не в первый и, возможно, не в последний раз. Мы такое уже видали».

Вечером в посольстве был прием. Спустился я с нашего резидентуре кого чердака в зал, гудящий от многочисленных бесед, взял бокал вина и начал тусоваться.

Вот группка, состоящая из советских журналистов и нескольких английских гостей, среди которых корреспондент агентства «Рейтер», освещающий дипломатические вопросы. Привет-привет, как дела?

После обычного вступительного ритуала Джон из «Рейтера» вполне буднично задал мне самый что ни на есть стандартный вопрос:

– Ну а как ты оцениваешь нынешнее состояние британо-советских отношений? Не кажется ли тебе, что они немного улучшились по сравнению с прошлым разом, когда мы беседовали?

И тут меня, как Остапа Бендера, понесло.

– О каком улучшении может идти речь теперь, после того как вы выдворили еще одного нашего дипломата?! – заявил я.

Мой собеседник встрепенулся и в мгновение ока превратился в одно большое, ярко покрасневшее ухо.

– Кого, – взволнованно спросил он. – Когда?

– А ты что, не слышал? – осведомился я, пребывая в полной уверенности в том, что если такая новость известна даже женам чистых дипломатов, то это не более чем секрет Полишинеля. – Сегодня утром, кого-то из нашего военного атташата.

Джон растворился буквально на глазах. Только что был

рядом – и пропал.

«Ну и черте ним», – решил я и пошел тусоваться дальше.

На следующий день у меня была назначена конспиративная встреча с ценным агентом. Ей, как и положено, всегда предшествует трехчасовая проверка на предмет обнаружения возможного наблюдения со стороны английских спецслужб.

Сел я в машину, включил Би-би-си и тут же услышал новость:

«Сегодня британский МИД подтвердил факт высылки из страны сотрудника военного атташата СССР такого-то. Это очередное звено в участившихся в последнее время обменах выдворениями советских и британских дипломатов. Сегодняшнее заявление официального представителя Форин-офиса было сделано в ответ на настойчивые запросы британской прессы. Примечательно, что в отличие от всех предыдущих случаев информация просочилась к журналистам именно от русских. Как удалось узнать из неофициальных бесед с сотрудниками Форин-офиса, на этот раз они не собирались публично оглашать факт выдворения, дабы не нанести дальнейшего ущерба британо-советским отношениям».

Руль в руках завилял, сердце провалилось в пятки, которые вместе с остальными ступнями как-то обмякли и отказывались нажимать на педали управления. Что же я наделал?! Как объясняться с начальством, которое теперь уже наверняка приступило к внутреннему расследованию? Неужели вот так незаметно подкрался конец моей карьеры?

В таком похоронном настроении я промотался по городу целых три часа. Какая там проверка от наружки?! Какое это теперь имеет значение, если мне грозит предельно суровое наказание от своих за проступок, нанесший ущерб советско-британским отношениям?

Усилием воли я собрал себя в более-менее сформированную кучку, налепил на рот приветливую улыбочку и с напускной бодростью предстал перед моим ценным агентом. Назовем его Артуром.

Он, кстати, был замечательным, дружелюбным мужиком. У нас с ним сложились теплые личные отношения, и Артур сразу почувствовал, что со мной творится неладное. Я соврал что-то насчет бессонной ночи, посвященной работе над важной статьей, и часа полтора беседовал с Артуром за ланчем на полном автопилоте. Хоть убей, никогда не смогу вспомнить, о чем мы в тот день говорили.

Но вот и все, встреча с агентом позади, а что делать дальше? По дороге к посольству окончательно выкристаллизовалось решение. Надо по-честному сдаваться. Ведь недаром говорится,

что повинную голову меч не сечет. С этой мыслью я сделал глубокий вздох и ворвался в кабинет резидента. Аркадий Васильевич Гук как раз находился там и вроде не имел особых дел, пребывал, так сказать, в послеобеденном состоянии души и тела.

Я рассказал все как на духу.

Аркадий Васильевич очнулся, внимательно выслушал мою исповедь, долго чесал затылок и наконец изрек:

– Значит, так. Молодец, что все на прямоту рассказал. Ценю. Доложу лично В. Ф. – Он имел в виду Виктора Федоровича Грушко, заместителя начальника разведки, курировавшего наш отдел и, естественно, лондонскую резидентуру. – Давай договоримся, что, кроме нас троих, никто ничего не будет знать. Никому ни единого слова, понял? – Затем резидент советской внешней разведки надолго задумался и неожиданно произнес: – А впрочем, так этим «сапогам» и надо.

Поясню, что «сапогами» мы, сотрудники внешней разведки, величали коллег из резидентуры ГРУ. Как они нас обзывали, не знаю, но наверняка было и есть какое-то жаргонное словечко. Отношения между нами были не враждебные и не дружеские, а скорее задиристые, конкурентные, как между учениками классов «а» и «б» одной школы, постоянно иронизирующими друг над другом. Несмотря на официально соблюдавшуюся конспирацию, все, конечно, прекрасно знали, кто ходит отчитываться на чердак, а кто в подвал. Но каких-то совместных операций я не припоминаю, вероятно, их не могло быть по определению. «Сапоги» отличались от чистых дипломатов и журналистов бравой выправкой, незамысловатыми манерами, прямым и честным взором.

А мы, внешние разведчики? Ведь наверняка тоже заметно отличались, однако попробуй-ка оценить себя со стороны.

Какой же колоритной фигурой был Аркадий Васильевич, наш резидент! Большой, подвижный, веселый, умевший быть добряком и нагонять на подчиненных смертельный ужас. Бывший матрос родом из Латвии, несгибаемый коммунист, певший «Варшавянку» в рижском подполье, он в начале девяностых вышел в отставку и, как многие недавние генералы КГБ, стал преуспевать в какой-то бизнес-структуре.

Встретившись в это время с одним из своих подчиненных по лондонской резидентуре, он огорошил бывшего коллегу:

– Вот она жизнь, братан! А мы с тобой, м…ки, столько лет!..

Успокоенный такой нежданно мягкой реакцией начальника, который был в состоянии в бараний рог скрутить любого советского человека, находящегося на Британских островах, я

побежал наверх, в резидентуру, но дороге судорожно соображая, что же мне написать про встречу с ценным агентом, которая полностью проскочила мимо моего сознания.

В дверях стоял взволнованный, вспотевший Олег Гордиевский.

– Слушай, а ты не в курсе, откуда произошла утечка? – спросил он.

– Нет, – ответил я. – Понятия не имею.

– А на приеме ты вчера был? Ничего там не слышал, не видел?

– Ну да, зашел. Но тоска смертная, интересных англичан практически не было, и я минут через пятнадцать смотался домой.

Гордиевский понуро кивнул и остался сторожить новых пришельцев в районе входной двери. Как потом мне рассказывали коллеги, в тот день он приставал с аналогичными расспросами ко всем без исключения. По его несчастному виду можно было понять, что он страдал потому, что ему, заместителю резидента, не удавалось прояснить ситуацию с утечкой. Замечу, что все это происходило задолго до того, как возникли даже первые, смутные подозрения в том, что Олег Гордиевский работает на англичан.

Этот эпизод свидетельствует о том, насколько важен в разведке человеческий фактор. Мы привыкли воспринимать шпионские дела как некое целенаправленное воплощение серьезных политических, экономических или каких-то иных намерений государства. Все сотрудники разведки должны соблюдать строжайшую дисциплину и неукоснительно следовать соображениям рациональности с точки зрения национальных интересов.

Так-то оно так. Но разведчики ведь тоже люди. Одному богу известно, сколько в их повседневных действиях импровизаций, вызванных случайным стечением обстоятельств, в том числе откровенных ляпов собственного поведения. А дальше все опять же в воле Всевышнего. Не повезло – и ты влип в неприятную историю, наносящую ущерб государственному делу и, как следствие, подрывающую твою личную карьеру. Повезло – отделался легким испугом, к тому же, как случилось в описанном эпизоде, чуточку убавил поток воды на мельницу врага.

Кстати, Виктор Федорович Грушко, уже на пенсии, незадолго до своей смерти намекнул мне, что был в курсе этой истории и не дал ей хода, поскольку высоко оценил мою честность.

Военная лекция в Лондонской школе экономики

Работая в разведке, ты никогда не можешь быть уверенным в том, как будут оценены результаты твоих усилий. Свидетельством тому является небольшая история, которую я сейчас расскажу.

Подошел как-то ко мне на резидентурском чердаке коллега и друг Володя Белов и заявил:

– Продаю за стакан красного сногсшибательную наколку. Через неделю в Лондонской школе экономики состоится закрытая, только для своих, лекция командующего Военно-морскими силами НАТО в Северной Атлантике. Сам понимаешь, на какую тему, о стратегии оборонной политики блока и противодействии странам Варшавского договора в регионе. Мне мой контакт даже номер аудитории подсказал, где это будет происходить. Представляешь, какую информацию можно принести, если пробиться туда? Я бы точно сходил сам, но с моим прикрытием переводчика международной организации по сахару соваться туда просто смешно. Да и небезопасно, если заметут.

Я согласовал этот вопрос с резидентом и начал готовиться к этому авантюрному мероприятию. Будет ли строгая система пропуска только по приглашениям? Что отвечать, если спросят, откуда я? Как одеваться, чтобы не попасть в диссонанс с остальными участниками? Брать ли с собой портативный магнитофон для записи?

После долгих прикидок решил, что пойду в обычном одеянии молодого преподавателя – поношенный твидовый пиджак и вельветовые брюки, без магнитофона. Вдруг придется проходить через рамку? Если спросят, то представлюсь журналистом, который заинтересовался мероприятием, и меня, скорее всего, просто завернут. В карман же на всякий случай положил маленький блокнотик и огрызок карандаша.

У входа в аудиторию собралось немало людей примерно моего возраста и так же одетых. У дверей действительно была установлена рамка.

Рядом с ней два охранника спорили с журналистской бригадой, обильно оснащенной телекамерами. Я подошел ближе и увидел, что охранники заворачивали не кого-нибудь, а команду? Би-би-си. Дескать, нельзя, мероприятие не для прессы. Но подтянутые люди в твидовых пиджаках и без атрибутов журналистской профессии почему-то спокойно и уверенно проходили внутрь.

Я небрежно швырнул на столик перед рамкой ключи от машины, нацепил на лицо типичную английскую полуулыбку, и секьюрити пропустили меня в аудиторию без единого вопроса.

Народа там хватало. Я нашел свободный стул в середине помещения и принялся изучать соседей. Это были все те же подтянутые молодцы от тридцати до сорока лет, с серьезными липами.

На подиуме стояли два кресла. Их заняли седовласый старик профессорского вида и высокий, поджарый военный при полных адмиральских регалиях, вошедшие через заднюю дверь. Профессор представил гостя и перед тем, как дать ему слово, убедительно попросил присутствующих воздержаться от записей.

Уже первая, заранее подготовленная часть лекции адмирала оказалась очень содержательной с точки зрения моего истинного ведомства. Я опасался делать заметки, старался на полную катушку включить извилины изрядно перегретого мозга, ответственные за запоминание, и даже немного покраснел от натуги. Вскоре домашние заготовки натовского морского волка закончились. Начались вольные импровизации и доверительные ответы на вопросы, поступающие из зала. Поток сногсшибательной информации стал воистину бурным.

Тут я понял, что без записей никак не обойтись, и осторожно оглядел на соседей. Один увлеченно слушал докладчика, кивал в знак согласия с его тезисами. Другой приподнялся, тянул руку, чтобы задать вопрос. Я воспользовался моментом, положил ногу на ногу, незаметно разместил под полой пиджака блокнотик и начал на ощупь писать какие-то каракули карандашом.

Так продолжалось минут сорок. Докладчик почувствовал себя в окружении своих людей, окончательно расслабился и не стеснялся в конфиденциальных оценках сильных и слабых сторон натовской обороны в Северном море и зоне пролива Ла-Манш, называл количество и класс советских подлодок и прочее, прочее. Когда он закончил выступление, старик-профессор сердечно поблагодарил адмирала и еще раз напомнил достопочтенным присутствующим джентльменам, что все услышанное ими в этот вечер – строго не для печати.

Такого серьезного улова у меня, пожалуй, ни разу до этого не было. Я мысленно просверлил на лацкане пиджака дырку для ордена, рванул домой, водрузил на письменном столе стакан с виски и сразу же принялся распознавать каракули из блокнота, приводить их в божеский вид.

Работал я полночи и наутро отправился в резидентуру, чтобы изложить бесценную информацию в виде шифртелеграмм. По моим предварительным прикидкам, их набиралось не менее пяти

штук, одна лучше другой.

Когда тяжкий труд героя-разведчика был наконец завершен, я отдал пачку исписанных листов спецблокнота информационному работнику резидентуры. Тот бегло просмотрел материал, восторженно вымолвил нечто вроде «ни… себе!» и рванул перепечатывать их на телеграфных бланках.

Не прошло и получаса, как с шумом распахнулась дверь начальственного кабинета.

Здоровенный, как медведь, резидент Аркадий Васильевич Гук крепко сжал меня в объятиях и зычно проревел:

– Ну ты даешь, старина! С такой информацией мы точно утрем нос веем «сапогам», вместе взятым! Направим прямо сейчас. Не сомневаюсь, что телеграммы получат самую высокую оценку центра.

Тут необходимо сделать небольшое отступление, разъясняющее тогдашние принципы оценки разведывательной информации, поступавшей из резидентур. Самой высокой категорией было самостоятельное использование. Это когда сведения были настолько важны, самодостаточны и не вызывали сомнений, что их прямиком направляли кому-то из членов Политбюро, а то и Генеральному секретарю ЦК КПСС, либо в профильные министерства и ведомства. Для резидентуры и самого оперработника такое попадание равнялось пятерке.

На четверку оценивалось использование телеграммы в «обобщенной информации», когда ее присовокупляли к другим сведениям на эту же тему. Самая низкая категория деликатно именовалась «для накопления сведений». Это означало, что информация вызывает сомнения либо попросту является маловажной.

Таким вот образом подсчитывались и оценивались результаты информационной работы резидентуры. За отчетный период подготовлено энное количество телеграмм, из которых столько-то реализованы самостоятельно, столько-то в обобщенке и столько-то оставлены для накопления.

Шеф был настолько уверен в успехе моей вылазки, что, не дожидаясь оценки центра, начал ставить меня в пример другим оперработникам.

Мол, учитесь у этого молодца. Он не побоялся влезть в самое логово и вернулся с жирной добычей в зубах.

Я ходил как кот в масле. Коллеги по резидентуре откровенно мне завидовали. Особенно автор сногсшибательной наколки Володя Белов, которого, правда, ожидал не только стакан красного.

Но вот пришла оценка из центра. Все пять депеш были

оставлены для накопления сведений. Причина? Сведения не подкреплены данными из других источников и вообще вызывают сомнения, а где-то даже смахивают на дезинформацию. То есть, если следовать логике ясеневских аналитиков, вся история с закрытой военной лекцией в одном из самых престижных британских вузов, включая мое попадание на нее, с самого начала была коварной провокацией МИ-5, предпринятой в целях дезинформации советского руководства.

Вроде бы большего абсурда не придумать. Но, успокоившись, я подумал, что такое наверняка случилось не в первый и далеко не в последний раз.

Вспомнил, к примеру, как в мае-июне 1941 года весь Берлин оживленно говорил о предстоящей войне с русскими, а в Москве этот секрет Полишинеля гневно отметали как провокацию то ли геббельсовской пропаганды, то ли извечных британских недругов.

А какие сверхубедительные основания подводились некоторыми аналитиками советской разведки в доказательство того, что Ким Филби и его друзья по «кембриджской пятерке» являются агентами-двойниками?

Да мало ли других примеров, причем во всех разведках мира, когда реальная информация выбрасывалась в корзину и, наоборот, полностью вымышленные сведения раздувались до размеров слона и в значительной степени влияли на ход мировых событий?

Отсюда следует вывод. Разведчик должен быть стрессоустойчивым не только при непосредственном выполнении своих обязанностей, но и при оценке их результатов начальством.

Ольстер: совсем рядом с терроризмом

Терроризм – это всегда страшно.

Когда весной 2010 года на станциях метро «Лубянка» и «Парк культуры» прогремели взрывы, унесшие десятки жизней москвичей, я работал в офисе, расположенном неподалеку от места трагедии, на Зубовском бульваре. В кабинет ворвалась наша сотрудница, в глазах ужас, волосы всклокочены, вся одежда в гари, местами порвана. Она, всхлипывая, рассказала нам, что при выходе из подземки ее накрыло взрывной волной. Женщина только что своими глазами видела кровь и разорванные трупы.

Когда я примчался на место теракта, картина, открывшаяся взору, сразу напомнила мне о первых соприкосновениях с терроризмом в Лондоне.

Вы знаете, как выглядят негры в состоянии глубокого стресса? Они из коричневых становятся серыми.

Именно таких людей мой глаз выделил в обезумевшей толпе, хлынувшей в магазин, находящийся на Оксфорд-стрит.

Вдоль знаменитой торговой улицы ехала полицейская машина, из которой громкоговоритель вещал:

«Всем срочно покинуть улицу! Срочно покинуть улицу!»

Через несколько минут в одном из баров, совсем рядом, рванула бомба, унесшая жизнь полицейского сапера, который пытался ее обезвредить. Дело было осенью 1981 года.

Второй раз я где-то на полчаса разминулся со смертью накануне Рождества в восемьдесят третьем. Рождественскую распродажу в легендарном «Хэрродсе» пропустить грех. Только в этот период в универмаге, славящемся своими запредельными ценами, можно хоть что-то купить. Товары там отменного качества.

Подъехал я с семьей к универмагу, к тому месту на боковой улочке, где раньше всегда парковался. Неподалеку, в пространстве, оцепленном аварийной лентой, стояла вереница карет «Скорой помощи», суетились врачи и полицейские. С башенки шестиэтажного дома свисал капот автомобиля, невесть как оказавшийся там. В тот день погибли шестеро, включая трех бобби. Семьдесят пять человек получили ранения.

За обоими терактами, как и за многими десятками других, стояло так называемое временное крыло Ирландской республиканской армии. Действовали боевики примерно по одному сценарию. Они закладывали бомбу и за несколько минут до взрыва оповещали полицию о приблизительном месте, где он произойдет. Например, в одном из баров на Оксфорд-стрит.

Это, конечно, заставляло полицию постоянно быть в тонусе, однако, несмотря на ужасающую регулярность атак, в Лондоне и других крупных городах за пределами Северной Ирландии не вводилось чрезвычайное положение. В 1979 году был взорван на собственной яхте лорд Маунтбэттен, последний вице-король Индии и дядя принца-консорта Филиппа. Спустя несколько лет лишился ног один из высокопоставленных британских генералов. Однако королевская чета и члены кабинета министров продолжали разъезжать по столице и стране с минимальной охраной.

Вот что я видел собственными глазами, когда медленно подъехал к перекрестку двух узких улиц в центре города. Прямо перед моим капотом возник полицейский с рацией – мобильников тогда не было в помине – и подъемом руки остановил движение. Секунд через 15–20 в метре от меня вписался в поворот королевский «Роллс-Ройс», за абсолютно прозрачным, а не тонированным стеклом которого восседала Ее Величество Елизавета Вторая, мирно беседующая со своим супругом. За ними одна машина охраны, и все. Как только они проехали, полицейский отдал нам, автомобилистам, честь и тут же возобновил движение, изо всех сил стараясь как можно быстрее ликвидировать небольшую пробку.

Вернемся, однако, к воспоминаниям о неожиданных прямых контактах с североирландскими террористами.

Под защитой Гиннеса

В восьмидесятые годы прошлого века советскую разведку, по крайней мере политическую, не очень-то интересовала проблема Северной Ирландии. Не могу припомнить ни одного серьезного оперативного или информационного задания в этой области. Скорее всего, с терроризмом у нас связываться боялись, старались держаться подальше от этой чисто внутренней британской проблемы. А мирового терроризма тогда еще практически не было.

Но журналисты – беспокойные сердца. В Северную Ирландию нас никто не посылал, но мы с Юрой Кубасовым из «Комсомольской правды» и Сережей Воловцом, представлявшим «Литературную газету», решили-таки посетить «горящий Ольстер», как тогда писали в советских газетах. Никак невозможно трудиться собкорами в Британии и не побывать в самой горячей точке страны! Короче, каждый из нас инициативно попросил свое издание разрешить командировку, все трое

получили добро и веселой компанией отправились в дальний путь на соседний остров.

Мы с песнями домчались на машине до Ливерпуля, погрузились на паром, которому предстояло за несколько часов пересечь Ирландское море, загнали авто в трюм и уселись в ресторане под зычный звук пароходного гудка, возвестившего об отходе судна. И тут, прямо по Пушкину, «разыгралося синее море», причем не на шутку. Шторм был, конечно, не девятибалльный, но весьма серьезный. Достаточно сказать, что вместо четырех часов мы в конечном итоге провели в пути девять. Качка была по худшему варианту – боковая, а она, говорят, максимально усиливает приступы морской болезни.

Ресторан быстро начал пустеть. Многие наши попутчики из-за соседних столиков, бледнея лицом, стали с безумными глазами выскакивать на палубу и, не рискуя перегнуться за борт, выворачивали свои многострадальные желудки на стены каютных помещений. Особенно страдали солдаты и офицеры резервного полка, возвращавшегося с учений. Здоровенные были такие мужики, но, увы, сухопутные.

Выглянув на палубу и увидев всю эту красоту, мы сразу поняли, что надо принимать какие-то меры, пока нас не постигла такая же печальная участь. Тут Кубасов вспомнил нечто, когда-то услышанное или прочитанное. Как ни парадоксально это звучит, но лучшее противоядие от морской болезни – полный желудок. Мы подумали, что хуже вряд ли может быть, моментально заказали по обильному ланчу и по пинте знаменитого ирландского пива «Гиннес».

Употребив все это, мы осознали, что совет был, скорее всею, правильный. По крайней мере, мы уверенно продолжали сидеть за обеденным столиком, чуть ли не единственные во всем ресторане, осмелели, заказали по второму «Гиннесу», потом по третьему. Ничего, сидим себе и на качку уже почти не обращаем внимания.

Единственная проблема – необходимость время от времени выходить в туалет. Таких испоганенных кабинок я не припомню даже на любимой Родине. По пути нам попадались бедолаги из резервного полка, ведущие себя как сомнамбулы. Они гуртовались прямо рядом с туалетами, боялись далеко отходить от них.

Девять часов пути, кажется, уместили в себя шесть пинт «Гиннеса». Сходили мы на ирландскую землю, может быть, и не очень твердой походкой, но, по крайней мере, не пораженные морской болезнью и поэтому вполне веселые.

А на суше нас уже ожидали другие, не менее интересные

впечатления.

В логове терроризма

Первое впечатление от Белфаста состояло в том, что все его улицы патрулировались английскими солдатами, совсем молоденькими, лет по восемнадцать-девятнадцать, с карабинами наперевес. Они передвигались попарно, лица насторожены, оружие готово к бою.

Подойдя к перекрестку, парни вставали на колено, резким движением выбрасывали ствол за угол и прицеливались. Время от времени они делали примерно то же в направлении машин, проезжающих мимо.

Надо сказать, что ощущение у меня было жутковатое. Солдатики выглядели совсем цыплятами. Кто его знает, что у них творилось в голове. Ведь им тоже, небось, страшно было получить пулю от боевика из ИРА. Следовательно, они могли в любой момент пальнуть с перепугу.

Мы поехали мимо здания полиции. Оно было настолько богато декорировано бетонными надолбами, колючей проволокой и прочей атрибутикой безопасности, что отдыхают любые кадры, которые мы впоследствии видели в телерепортажах из Чечни.

Мы разместились в отеле и пошли гулять по вечернему Белфасту. При входе в торговый центр происходил шмон по полной программе.

Просвечивание и выворачивание сумок, прощупывание одежды на предмет скрытого оружия.

Утром мы позвонили местным журналистам, вызвавшимся помочь в организации нашей поездки, и уточнили программу встреч с представителями различных политических сил и общин Северной Ирландии.

Первое рандеву с каким-то местным социал-демократом мне не запомнилось вообще. Видно, совсем неинтересный был мужик.

Затем был англичанин-протестант, бизнесмен средней руки. Из беседы с ним в памяти остался такой пассаж – Никогда не верьте телерепортажам о пылающем Ольстере, – уверял он нас. – Горит, к примеру, одна машина, а кинооператоры снимают ее так, что создается впечатление, будто пылает целый район или даже город. Мне вот пятьдесят лет, всю жизнь прожил в Белфасте. За это время вдали один раз взорвалась бомба, а во второй была перестрелка.

Разобравшись с протестантской общиной и нейтральными силами, мы приступили к самому лакомому разделу программы,

то есть к контакту с силами, выражающими интересы католического меньшинства Ольстера.

Такую расплывчатую формулировку я выбрал не случайно. В провинции тогда действовала крупная партия Шинн Фейн, официальная, вполне легальная сила, отстаивающая политическими методами интересы католиков. Она якобы никак не была связана с террористической Ирландской республиканской армией, которая неизменно брала на себя ответственность за все печально известные теракты в Британии, начиная с 1969 года и до конца века.

Короткая историческая справка для тех, кто не в курсе. Под давлением движения ирландского народа за независимость от Британии последняя в начале двадцатых годов разделила Ирландию очень уж хитрым образом. В шести северных провинциях ирландцы-католики оказались в меньшинстве. Ссылаясь на это, англичане оставили Ольстер в составе метрополии, которая с тех пор стала именоваться Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии. Когда в 1969 году произошла сильная вспышка волнений на национально-религиозной почве, в Ольстер были введены британские войска, и провинция в течение десятилетий фактически жила в условиях чрезвычайного положения.

Так вот, нам предстояла встреча с Джерри Эдамсом, одним из самых известных лидеров Шинн Фейн, который впоследствии стал членом британского парламента от этой партии и, надо отдать ему должное, сделал немало для того, чтобы в Ольстере наконец-то воцарился мир.

Но это случится потом, а пока…

Встреча происходила в доме довольно заброшенного вида. Он одиноко стоял на пустыре за густой колючей проволокой. Через анфиладу грязноватых помещений мы проследовали в самую заднюю комнату, представлявшую собой некое подобие паба. Стойка бара, несколько столиков.

От английского бильярда, снукера, оторвался высокий черноволосый бородач в очках Это был Джерри Эдамс. Его окружали несколько качков весьма бандитского вида. Они настороженно разглядывали советских гостей. Нам предложили по пиву и усадили за столики.

– Как я понимаю, наша задача заключается в том, чтобы убедительно рассказать вам о репрессиях британских властей в отношении народа Ольстера, – начал Джерри Эдамс. – Мы приведем вам несколько неопровержимых доказательств в надежде на то, что вы ознакомите с ними читателей, проживающих в вашей стране. Предлагаю начать с Линды.

Позовите ее.

В комнату вошла худая девушка, мягко говоря, не блистающая красотой.

Она стала рассказывать, как ее по ничем не обоснованному подозрению в пособничестве террористам бросили в английскую тюрьму.

Последовало описание ужасных условий содержания, примеры бесчеловечного обращения с заключенными со стороны тюремщиков и особенно тюремщиц, которых Линда сравнила с зондеркомандой СС.

Рассказчица постепенно заводилась от собственного повествования. Ее возбуждение достигло предела, когда она начала демонстрировать, как овчарки-тюремщицы ощупывали каждый сантиметр ее тела даже при походе в туалет. Рванулась блузка, замелькал лифчик, руки забегали по всем складкам тела, движения которого скорее напоминали стриптиз-шоу. Да и речь ос наполнилась откровенно возбуждающими стонами.

К счастью, Линда свой эмоциональный рассказ наконец-то закончила и раздеваться не стала. Мы поблагодарили ее и обещали обязательно написать о беспределе английских тюремщиц.

Вслед за этим нас повезли к матери мальчика, который был убит год назад пластиковой пулей. По дороге Джерри Эдамс, сопровождавший нас, рассказал, что эти полицейские боеприпасы, тогда еще деревянные, впервые были применены британскими колонизаторами для разгона демонстраций в Малайе. По инструкции стрелять ими разрешается только рикошетом по ногам. А английский солдат выстрелил двенадцатилетнему Шону в упор в грудь, и тот скончался от страшной гематомы. Несчастная, облаченная в траур мать мальчика заученными фразами поведала нам о своей трагедии, показала альбом с фотографиями.

К беседе подключились соседи, многие из которых были очевидцами случившегося. Эдамс приказал пацанам, снующим вокруг, раздобыть несколько пластиковых пуль, и те моментально выполнили его указание.

Пластиковая пуля оказалась увесистым снарядом. По форме цилиндр, а по весу примерно как хоккейная шайба. Да, если такая штуковина попадет в любую часть тела, то мало действительно не покажется.

Пулю, врученную мне тогда, я храню до сих пор как воспоминание обо всем том, что услышал и увидел в Белфасте.

На импровизированном митинге, участниками которого были мать и соседи погибшего ребенка, Джерри Эдамс заявил, видимо,

не только для нас, но и для всех остальных, что положение в Ольстере со временем обязательно изменится.

– Пока мы еще в меньшинстве, – сказал он. – Но, слава богу, у католиков рождается намного больше детей, чем у англичан-протестантов, и недалек час, когда демографическая ситуация в провинции бесповоротно изменится в нашу пользу.

Его прогноз оказался абсолютно верным. Все точно так и произошло уже в начале двадцать первого века!

Мы попрощались с Эдамсом и его людьми в штаб-квартире Шинн Фейн и уселись в авто с водителем, приписанное к нам. Пока машина выруливала со стоянки, мы увидели, что к нам от здания бежит человек из свиты Джерри, явно желающий сообщить что-то важное.

Молодой парень в интеллигентском пенсне и с козлиной бородкой бежал трусцой за машиной и выкрикнул в открытое окно буквально следующее:

– Товарищи! Не забывайте, что Лев Давидович Троцкий еще в двадцать шестом году горячо поддержал борьбу ирландского народа за независимость от британских колонизаторов!

Да, только этого нам и не хватало. Те, кто работал на идеологическом фронте в советское время, наверняка помнят, что любые упоминания Троцкого, кроме отрицательных, воспринимались руководством ЦК КПСС крайне негативно. Поэтому данного персонажа лучше было сторониться, как чумы.

Вот вроде бы и все о той познавательной поездке. Однако через несколько месяцев одно из наших ольстерских знакомств получило неожиданное продолжение.

Брайтон: взорванная конференция

В середине осени в Англии, по давно устоявшейся традиции, проводятся ежегодные конференции ведущих партий. Лейбористы делают это в конце сентября, консерваторы – в начале октября. В восьмидесятые годы они чередовались в двух приморских курортных городках – Блэкпуле и Брайтоне. Если лейбористы встречаются в Блэкпуле, то консерваторы – обязательно в Брайтоне. На следующий год они меняются местами.

Ежегодная конференция каждой из ведущих партий – важнейшее и интереснейшее событие. Туда стекается вся политическая элита страны. Естественно, вокруг нее околачивается журналистский корпус в полном составе.

Осенью 1984 года мы с Юрой Кубасовым сперва отправились к лейбористам в Блэкпул. Вечером, после заседаний, огромный

курзал главной городской гостиницы был заполнен тусующимися людьми. Все с пивом или бокалом вина, многие с сигаретой или сигарой. Тогда с курением в общественных местах еще было вольготно. Под высокими сводами висел густой гул многосотенной толпы.

Лавируя в ней, мы неожиданно заметили в нескольких метрах от нас Линду! Да, ту самую невинно потерпевшую ирландку, которая своей эмоциональной демонстрацией насилия чуть не довела нас до оргазма во время поездки в Белфаст. Она была в компании нескольких парней примерно своего возраста, просто, по-студенчески одетых, внимательно приглядывающихся ко всему, что происходило вокруг.

Линда подмигнула нам в знак того, что признала, но вместо того чтобы подойти, растворилась где-то в толпе.

Мы с Кубасовым тревожно переглянулись. Террористы в такой толпе – явно нехороший знак. А вдруг сейчас рванет бомба, заложенная ими?

В один момент мы решили даже подойти к секьюрити, стоявшему у дверей, и предупредить его о потенциальной опасности, но так и не сделали этого. Черт его знает, начнут проверять, выяснят, что воду мутят советские разведчики, и потом не оберешься хлопот.

Вместо этого мы на всякий случай смотались в гостиницу. Тем более что материалов для обработки – как по журналистской линии, так и по разведывательной – у нас было предостаточно.

На том все тогда и закончилось. Оглядываясь назад, я нахожу любопытным, почему нам даже в голову не приходило докладывать о таких моментах в резидентуру.

Во-первых, наверно, потому, что нас никто не просил этого делать. Во-вторых, вероятно, срабатывал инстинкт самосохранения. Кто его знает, доложишь, а потом какому-нибудь светлому уму в центре придет в голову поручить тебе развитие контакта с ирландским террористом?! Дураки ведь везде бывают.

Один такой гений разведывательной мысли собирался переселить меня из журналистского дома в тот, который был предназначен для дипломатов из разных стран. По его убеждению, я обязан был чисто по-соседски завербовать африканского шифровальщика, проживающего там.

Через пару недель мы все с гем же Кубасовым отправились в Брайтон на консерваторов. Опять огромный курзал Гранд-отеля, тусовка и пиво. Поздний ужин с друзьями, английскими журналистами, закончился уже за полночь.

Мы приняли еще по глоточку виски в лобби-баре гостиницы, где остановилась премьер-министр Маргарет Тэтчер и весь

генералитет партии тори, и около половины второго ночи уехали в приморское местечко Писхэвен под Брайтоном. Там испокон веков останавливались на ночлег советские журналисты.

Хозяин нашей маленькой гостиницы прибирался в барс, увидел нас и отпустил одну из своих дежурных острое – Ну что, русские шпионы? Тут, за ближними утесами заждалась вас советская подводная лодка. Не иначе как яд доставила вам, чтобы отравить наши английские колодцы. А может, и бомбу.

Мы ответили ему в таком же шутливом тоне. Мол, свой план по подрывной работе на сегодня выполнили и со спокойной совестью отправляемся спать. Юра и я сильно устали и завалились в кровати каждый в своем номере. Я даже не выключил телевизор, только убрал звук.

Через пару часов меня разбудило пиво, опустившееся в мочевой пузырь. Я продрал глаза, увидел перед собой чьи-то пятки, торчащие из груды строительного мусора, и какое-то время не мог понять, откуда они взялись в моей комнате. Наконец-то до меня дошло, что пятки торчали вроде как из телевизора.

Включение звука помогло мне осознать, что идет прямая трансляция с места взрыва бомбы в отеле, откуда мы совсем недавно уехали. Время взрыва – около двух часов ночи, то есть через тридцать минут после нас. Точное место – под туалетной комнатой Тэтчер. Она, слава богу, жива, только сильно тряхнуло.

Пятки принадлежали министру торговли и промышленности Норману Теббиту. Он точно уцелел, хотя и был контужен. Сейчас спасатели вытаскивали его из-под обломков.

Я принялся бешено стучать в дверь кубасовского номера. Весь остаток ночи мы, трясясь от волнения, провели перед телеэкраном. Наши английские коллеги-журналисты с непроспавшимися лицами работали вовсю.

Как всегда бывает в первые суматошные часы после подобных событий, никто ничего еще толком не знал, но каждый был готов ухватиться за любую соломинку, частицу информации, чтобы выстроить свою собственную версию.

Среди прочей дребедени мы услышали авторитетное заявление ведущего одного из центральных телеканалов:

– Многие видели, как незадолго до взрыва от отеля на автомобиле «Вольво» отъезжал высокий молодой человек в коричневом твидовом пиджаке.

– Да это же про меня! – заявил Кубасов.

Мы еще больше побледнели, сидели и ждали, когда же придут нас брать, в ту ночь, естественно, так и не заснули, но к утру немного успокоились. После завтрака, убедившись в том, что

версия с коричневым твидом не получила развития и нас никто не разыскивает, мы обнаглели настолько, что решили поехать поглядеть на пепелище.

Как ни странно, в Гранд-отеле все уже было приведено в порядок. Конференц-центр был плотно оцеплен полицией, однако всех аккредитованных гостей и журналистов туда свободно пропускали. Работа конференции продолжалась. Зал овациями встретил появление Тэтчер, которая, как и следовало ожидать, произнесла небольшую пламенную речь на тему «Терроризм не пройдет!».

Нас долго не покидала мысль о том, нет ли связи между этим терактом и вылазкой нашей знакомой Линды сотоварищи на лейбористскую конференцию в Блэкпуле? Мы, конечно же, выполнили свой долг, по возвращении в Лондон все подробно рассказали руководству резидентуры. Может быть, потому, что наш рассказ был не таким связным, как сейчас на бумаге, или по другим причинам, но тема эта была быстро замята. По крайней мере, от нас не потребовали подробного письменного отчета, а раз так, то на кой черт нам инициативно будоражить вопрос, не интересующий начальство?

Скорее всего, наш резидент исходил из аксиомы, что ирландский терроризм – это для советской разведки, хотя бы осуществляемой с позиций легальной резидентуры, полное табу. Мы в него никогда не вмешивались и никаким боком соприкасаться с ним не собираемся. Незачем привлекать внимание центра к молодым ребятам, оперативным работникам, с которыми в конечном итоге, слава богу, ничего страшного не произошло. Они случайно оказались вблизи драматических событий, выполняя задания по журналистскому прикрытию, да и только.

Если дело действительно обстояло так, то бурные аплодисменты мудрости нашего резидента!

Как я стал хедхантером

После ухода из разведки я довольно быстро превратился в кадрового консультанта и, скорее всего, уже никогда не сменю это занятие на новую профессию.

Кадровый консалтинг – довольно обширное и разнообразное понятие. Моя специализация – поиск и подбор персонала для клиентских компаний, готовых платить за эту услугу.

Поиск этот имеет отношение к выявлению, а затем и переманиванию топ-менеджеров или уникальных специалистов, требующихся клиенту. По-английски он называется Executive Search или, как говорят в обиходной речи, хедхантинг, то есть охота за головами. Подбор – это селекция на основе базы данных менеджеров, специалистов среднего и даже низового уровней, опять же с последующим предложением им новой работы.

Подбор по-английски – рекрутмент, то есть вербовка. Хедхантинг и рекрутмент, по моему убеждению, самые близкие к настоящей разведке гражданские профессии. Чем не занятие для отставного полковника, служившего именно по этой части?!

В начале девяностых, когда я еще сидел в Ясенево, вернулся из долгосрочной европейской командировки близкий друг по Лондону Володя Белов. Он рассказал много любопытного о последних веяниях в европейской деловой жизни, о появлении новых бизнес-профессий.

– Можешь себе представить, Макс, возникла целая индустрия услуг по поиску и подбору персонала – хедхантеры, рекрутеры, не говоря уже об отдельной профессии управленцев человеческими ресурсами, Human Resource Management, или сокращенно HR, – увлеченно говорил Вова.

Стоп, откуда я все это уже знал? Ну да, конечно же, Лондон, самый конец командировки, то есть восемьдесят четвертый или следующий год.

Именно тогда в моем окружении как-то незаметно нарисовался приятный во всех отношениях и на редкость располагающий к себе англичанин лет тридцати пяти, некто Теренс Уолтерс. Невысокий, добродушный очкарик с по-детски пухлыми розовыми щечками, вылитый диккенсовский мистер Пиквик в молодые годы. Появился он впервые на домашнем ужине у исполнительного секретаря Королевского географического общества Джудит Харт, куда была приглашена только наша семья.

Джудит представила его очень просто:

– Знакомьтесь, это Теренс.

Потому я и сделал вывод, что это закадычный друг ее семьи.

Уолтерс оказался увлекательным собеседником, про себя рассказал, что окончил технический колледж, некоторое время служил в армии, в Ольстере.

Он подкупил меня, в ту пору заядлого филателиста, рассказами о своем уникальном собрании марок стран, входивших в Британскую империю.

Одним словом, мне с ним было интересно, и мы продолжили знакомство. Сперва наша семья пригласила его к себе в дом, потом – он нас. Вслед за этим мы начали эпизодически встречаться за ланчем. Он дарил мне редкие марки, альбомы с видами британских красот, я ему, как и положено, – водку с икрой, всякие русские матрешки, ваньки-встаньки.

– А чем ты, Теренс, по жизни занимаешься? – спросил я на второй встрече.

Англичанин поведал мне, что его работа заключается в поиске на коммерческих условиях уникальных технических специалистов для предпринимательских структур. Ну, например, хочет клиент переманить к себе главного технолога по производству упаковочных материалов из компании-конкурента, но ему самому неудобно это сделать. Руководитель потерпевшей стороны может в ухо заехать либо как минимум ославить в клубе, который они вместе посещают. Легче заплатить за неблаговидную операцию посреднику-профессионалу, способному грамотно обработать намеченную жертву и таким вот образом вытащить каштаны из огня своими руками. Если же конкретного технолога или другого профессионала нет на примете, посредник способен найти нужного специалиста где-нибудь на рынке труда, может, в Глазго, а может, и в Австралии.

По словам Теренса, за подобную работу платили весьма щедро. На гонорар за один-единственный проект можно безбедно прожить целый месяц. Кроме того, полнейшая свобода и неограниченная возможность установления контактов с кем захочешь, в любых кругах.

Я еще тогда подумал, как это клево. Вот бы иметь такое прикрытие. Хотя и мое журналистское меня вполне устраивало.

Моя зачарованность необычной работой Теренса возросла еще больше после того, как перед третьим рандеву мы договорились встретиться в его офисе, прямо на центральной Риджевт-стрит. На входной двери множество табличек – адвокат такой-то, профессор такой-то. Я нажал на кнопку звонка рядом с табличкой «Теренс Уолтерс». Секретарша, единственная на всех этих адвокатов-профессоров, провела меня в длинный коридор с десятками отдельных комнаток, указала рукой на шестую слева.

Теренс работал в крохотном, по самом настоящем офисе: телефон, пишущая машинка – компьютеров тогда еще не было, полки с книгами и файлами.

– Для моего бизнеса больше ничего и не надо, – объяснил мне хозяин помещения. – Звоню отсюда, назначаю здесь встречи. Когда отсутствую, вызовы принимает секретарша, потом передает мне, кто звонил и по какому вопросу.

«Ах, какая работа! – не переставал восхищаться я. – Мне б такую!»

Теренса Уолтерса я определил для себя как нейтральную связь. К этой категории в разведке принято было относить контакты с людьми, которые, с одной стороны, не представляли явного оперативного интереса в силу отсутствия у них ценной информации, однако, с другой – могли оказаться полезными для многообещающих выходов либо для маскировки своих действий.

На что-нибудь в этом духе мог сгодиться и Уолтерс. После каждой нашей встречи я прилежно отписывался по нему в резидентуре. Мой непосредственный начальник Олег Гордиевский не обращал на эту связь никакого внимания, что поначалу казалось мне даже обидным. Однако он и не говорил, что с контактом надо завязывать.

Через некоторое время шестое чувство начало подсказывать мне, что у Теренса на меня какие-то другие планы, нежели обычная дружеская болтовня фактически ни о чем. Он осторожно, однако методично и последовательно задавал мне вопросы о людях из моею окружения в советской колонии, внимательно изучал мои политические взгляды. В общении с ним мне все чаще приходилось укорачивать язык. Он цепко впивался в каждую мою фривольную фразу и тут же приступал к раскручиванию деталей.

Стоило мне, например, упомянуть, что вчера коллега-журналист рассказал забавный еврейский анекдот, и Теренс сразу пытался уточнить, как зовут этого журналиста, из какого издания, не антисемит ли он, как в советской колонии относятся к распространению анекдотов про евреев или Брежнева.

Несколько раз он спрашивал, нравится ли мне в Англии, получал утвердительный ответ и интересовался, не хотел бы я тут остаться.

– Разумеется, еще годика на два, – был мой ответ.

– Ну да, понимаю, – говорил Теренс и переходил к другим темам.

Неподдельный, казалось бы, интерес проявлял он к моим английским контактам. Где познакомились, что делали вместе, что обсуждали? Дескать, надо же, Макс, какой ты энергичный и общительный, завидно даже. Что-то в его поведении было не так,

но при этом никаких, как говорится, резких движений.

Поделившись своими сомнениями с шефом Гордиевским, я услышал его смех.

– Да брось, Максим, себя накручивать, – заявил он. – На мой взгляд, все нормально, ведь тебя никто не вербует. Я бы посоветовал тебе продолжать встречаться с ним изредка. Если что-то пойдет не так, приходи, будем разбираться.

Ну, раз сам шеф рекомендует, то так тому и быть. Хотя из головы не уходили предчувствия. Я уже почти на 100 процентов был уверен в том, что меня пасет подстава из МИ-5. Самое страшное состояло в том, что это могло закончиться попыткой вербовки. Черная метка гарантирована в любом случае. Согласишься – станешь предателем. Откажешься и не сообщишь в резидентуре – озлившиеся англичане могут выслать под каким-нибудь предлогом. Откажешься и расскажешь своим – все равно тебя отошлют домой. Ведь кто тебя знает, может, ты не все рассказал, да и вообще от греха подальше.

В середине мая 1985 года без пяти минут резидент Гордиевский был срочно отозван в Москву и не вернулся. То есть он не стал руководить комитетской резидентурой, а до Англии-то добрался, причем с победой.

После этого напряжение у нас достигло апогея. Законсервирована была не только агентура, но и все мало-мальски значимые оперативные контакты. Нельзя сказать, чтобы англичане нас особо плотно опекали, но обманчивое спокойствие и вынужденное безделье казались нам зловещими, доводили многих почти до параноидального состояния. Затишье перед бурей, иначе не назовешь. Оно сильно нервировало каждого из нас, сотрудников резидентуры.

Где-то в начале лета мне позвонил Теренс и спросил, когда я собираюсь в отпуск.

Я ответил, что в последней декаде июля, и он сказал:

– Тогда нам нужно в скором времени встретиться и попрощаться. Я буквально на днях отбываю надолго, на несколько лет, в командировку в Гонконг.

«Постой, дорогой! – промелькнула у меня мысль. – Какая командировка? Ведь ты же вольный художник, который еще недавно уверял меня в том, что вся твоя работа здесь, в Англии, и уезжать ты никуда не собираешься».

Но вслух этого я, естественно, не произнес.

Теренс предложил мне поужинать у него дома, и от такой перспективы у меня сильно екнуло внутри. Вот она, вербовочная развязка и, скорее всего, конец оперативной карьеры.

– Лучше ты приходи ко мне, – нашелся я. – Ты холостяк, а я

все же семейный человек. Жена приготовит нам ужин, а сама пойдет с дочкой в кино.

После некоторого колебания Теренс все же согласился на такой вариант.

Гонконг вертелся у меня в голове. Эта важная британская колония должна была через двенадцать лет, в 1997 году, перейти под суверенитет Китая. Англичане, народ обстоятельный и дальновидный, загодя начали широкомасштабную работу по обеспечению своих интересов как в этом процветающем, обустроенном на британский лад городе-государстве, так и вокруг него. Нам было известно, что в Гонконг направляются лучшие кадры дипломатов, журналистов, госчиновников, организаторов бизнеса и, конечно же, спецслужб, основной задачей которых было сделать процесс перехода колонии под китайский флаг максимально безболезненным и, насколько возможно, сохранить позиции англичан во всех сферах гонконгской жизни.

Командировка Теренса на несколько лет как нельзя лучше укладывалась в гонконгский проект Великобритании. Следовательно, она служила еще одним, пусть и косвенным, свидетельством его возможной причастности к контрразведке МИ-5.

Мне очень хотелось посоветоваться с каким-нибудь опытным человеком. Гордиевского, моего начальника, рядом не было, а Москву запрашивать я не решился. Вдруг скажут, что я тут от страха совсем спятил, боюсь собственной тени?

Я выбрал себе в конфиденты молодого информационного сотрудника Вадима, находившегося в лондонской резидентуре в краткосрочной командировке. Этот человек, очень близкий по духу, часто приходил в наш дом, активно помогал мне на начальных этапах работы над кандидатской диссертацией.

Самым страшным мне казалось очутиться наедине с вербовщиком. Свои позиции я решил усилить с помощью Вадика, пригласил его в гости в тот же вечер, что и Теренса, предварительно посвятил в курс дела и объяснил, чего ожидаю от него. Мы с ним очень хорохорились, но, по сути дела, нам не удалось заранее выработать план действий в, так сказать, чрезвычайных обстоятельствах.

В конце концов мы, как обычно, положились на интуицию и русский авось, перед самым приходом Теренса нервно курили, опрокинули для храбрости по паре рюмок. В окошко мы увидели, как к дому подъехал и занял позицию напротив моей квартиры неприметный светло-серый минивэн, до боли похожий на всем известный передвижной пост прослушивания. Вскоре прибыл и

сам Уолтерс, но не пешком и не в такси. Он вылез с пассажирского сиденья обычной легковушки, которая потом припарковалась неподалеку от минивэна.

Гость появился в дверях с очередным сувенирным альбомом и бутылочкой вина, на липе – самая доброжелательная из всех возможных улыбок. Вид Вадика, стоявшего за моей спиной, заставил ее на мгновение исчезнуть. По лицу Уолтерса пробежало облачко недоумения и даже растерянности, но почти сразу его рот опять растянулся до ушей. Я объяснил ему, что мой близкий друг Вадик нагрянул совершенно неожиданно, но это даже к лучшему. Персонаж он интересный, и вообще у нас в России мужики предпочитают холостяковать на троих.

К отменному ужину, приготовленному женой, мы добавили солидную бутылку нашего национального напитка и наперебой стали обучать гостя традициям русского застолья и пития. Трещали мы без умолку, подогреваемые заранее принятым алкоголем и страхом перед тем, что гость вмешается в нашу болтовню и скажет что-нибудь для нас опасное.

Но мне казалось, что Теренс уже смирился с тем, что его постигла неудача, шанс для вербовочной беседы упущен. Он, по всей видимости, мысленно проклинал себя за то, что согласился встретиться со мной на моих условиях, с довольно печальным видом составлял нам с Вадиком компанию в деле опрокидывания рюмок, поедании борща и пельменей. Ужин прошел внешне дружелюбно, но внутренне крайне напряженно. Мы все это почувствовали. Если раньше аналогичные посиделки с Теренсом затягивались далеко за полночь, то на сей раз он откланялся сразу после кофе, даже отказался от кубинской сигары, предложенной ему. Такого с ним никогда еще не случалось.

В коридоре Теренс пожал мне руку, поглядел на Вадика, по-прежнему тенью маячившего за моей спиной, и расстроенно произнес:

– Очень жаль, что это последняя наша встреча. Мне о многом еще хотелось с тобой переговорить. Уезжаю послезавтра. Может, завтра где-нибудь перехлестнемся за кружечкой пива?

– Ой, нет, – заверещал я. – Завтра у меня как раз сумасшедший денек. С утра до позднего вечера буду крутиться как заводной.

– Ну, ничего не поделаешь. – Англичанин вздохнул. – Тогда прощай.

Я многое отдал бы за то, чтобы послушать запись нашею с Вадиком разговора, состоявшегося после ухода Уолтерса и зафиксированную из минивэна, припаркованного неподалеку. Вернее, не разговора, а безудержного веселья двух подвыпивших

русских мужиков, отмечающих не иначе как свое второе рождение. Мы пели под гитару окуджавскую «Госпожу Удачу», сотрясали потолок нижних соседей шотландской пляской под волынку. Опасность миновала, и фиг с ними, с англичанами, пусть думают, что хотят.

Сейчас это кажется жуткой наивностью и недостатком профессионализма, по в тот момент нас было не удержать. Напряжение последних недель прорвало волю и самоконтроль. Мы радовались хотя бы этой маленькой победе, тому, что удалось избежать вербовки, и надеялись надо, что дальше все уже будет путем.

Впоследствии, став хедхантером, я часто вспоминал Теренса Уолтерса в связи со своей новой профессией. В деле поиска и подбора персонала все было абсолютно так, как он рассказывал, либо очень похоже.

Есть основания полагать, что о наших с Теренсом контактах долго вспоминали и на английской стороне. Один отставник канадских спецслужб, с которым у меня в ходе совместных бизнес-проектов в новой России установились неплохие личные отношения, как-то раз спросил, как я сподобился стать хедхантером.

– Да так, музыкой навеяло, – отшутился я. – А что?

– Не берусь ничего утверждать, – ответил мой знакомый, который в то время еще поддерживал тесные контакты со своими бывшими сослуживцами в англосаксонских странах. – Но у меня сложилось впечатление, что англичане подозревают, будто ты позаимствовал эту идею именно у них. Болес того, они убеждены, что это прикрытие, пол которым ты продолжаешь работать на российскую разведку. Ты спрашивал меня, почему они упорно не хотят пускать тебя в Британию. Вот тебе одна из основных причин. Злы они на тебя. И завербовать себя не дал, и их хитроумную наработку не только раскрыл, но еще и использовал в своих интересах.

Моему канадскому приятелю, конечно, и в голову не могло прийти, что все обстояло совершенно иначе. В период распада СССР на рубеже восьмидесятых и девяностых годов прошлого века многие из нас, сотрудников советской разведки, чувствовали себя крайне неуютно. Идеалы и политические ориентиры менялись буквально на глазах. Кто наш главный противник? С кем мы, в конце концов, дружим и против кого боремся? В чем благо нашей страны, Советского Союза? Или наша страна – Россия?!

Помнится, в 1988 году я еле-еле успел защитить кандидатскую диссертацию об англо-американских отношениях. Начинал я писать о наших заклятых врагах, а к моменту зашиты

они официально превратились чуть не в невинных ягнят. Так что мне на ходу приходилось смягчать формулировки.

Занимал я тогда должность заместителя начальника одного из отделов информационной службы разведки. Начальником был соратник по Лондону, замечательный специалист и человек. Но он, к сожалению, грешил пристрастием к зеленому змию и по этой причине нередко отключался от дел. Так что немалую часть служебных вопросов приходилось решать мне.

Экспертов, работавших в нашем отделе, без преувеличения можно назвать выдающимися. Тут были гениальные аналитики, способные с точностью до цента предсказать грядущие цены на нефть, дать безупречный прогноз производства зерновых как в нашей стране, так и во всем мире, высчитать мировой спрос на золото и другие драгметаллы. В дальнейшем многие из этих ребят украсили российскую экономическую элиту. Один стал заместителем министра, несколько других – очень-очень крупными банкирами.

Партийные собрания, которые полагалось проводить ежемесячно, мы превращали в интереснейшие мозговые штурмы и горячо обсуждали на них пути решения проблем, стоявших перед страной.

Был у меня в то время знакомец по бывшей журналистской работе, грамотный экономист, который работал в ЦК КПСС, в аппарате советников Горбачева. Я частенько наведывался к нему на Старую площадь, и мы вдвоем замышляли проведение через разведку акции влияния на советское руководство. Делалось это приблизительно так. Определили мы, к примеру, что необходимо привлечь внимание руководителей государства к проблеме утечки мозгов из Советского Союза, вышли с этой инициативой на начальника разведки, умнейшего и дальновиднейшего человека Леонида Владимировича Шебаршина. Он нас, как правило, поддерживал и подписывал сформулированные нами вопросы для рассылки в качестве задания веем резидентурам.

Собранный урожай анализировал наш сотрудник. Если чего-то не хватало, то он добавлял идей, сгенерированных на партсобраниях отдела. Потом все это отправлялось в адрес высшего руководства страны как мнение западных экспертов. Дальше уже приятель из ЦК заботился о том, чтобы наша аналитическая записка была внимательно изучена нужными людьми. Срабатывала эта схема безошибочно, и не в последнюю очередь потому, что, как бы ни ругали высокие советские бонзы проклятый Запад, к мнению тамошних экспертов они весьма и весьма прислушивались.

Наши «западные эксперты» фонтанировали идеями одна

другой актуальней. Они рассуждали, не пойти ли Советскому Союзу по китайскому пути плавною перехода от социалистической экономики к капитализму при сохранении руководящей роли компартии.

Был, кстати, в нашем отделе уникальный человек, много лет проработавший под прикрытием международной организации в Чили. Мало кому из советских людей удавалось побывать в этой стране в годы диктатуры Пиночета. На основе его рассказов о расцвете чилийской экономики в период властвования твердой руки родилось очередное экспертное послание советскому руководству. В качестве одного из вариантов будущего государственного устройства предлагалось доведение режима до состояния полной тоталитарности с тем, чтобы опять же создать благоприятные условия для перевода экономики на капиталистические рельсы.

Эта аналитическая записка особенно понравилась председателю КГБ Крючкову. Он передал по инстанциям свою личную благодарность нашему отделу. В августе 1991 года мы с ужасом осознали, что, возможно, были соавторами бездарного путча, устроенного этим человеком и его компанией. Пиночета из Владимира Александровича Крючкова явно не получилось.

Первое после августовского путча партсобрание стало и последним. Все мы написали заявления о выходе из КПСС. Вокруг, за забором ясеневской штаб-квартиры разведки, бурлила новая жизнь, а мы изнывали от непонимания своих задач в условиях фактического безвластия в стране.

Развивались негосударственные банки, в Россию толпой повалили иностранные компании, открывающие свои представительства. Стали появляться все новые совместные предприя тия с участием западного капитала. А наши бесценные эксперты сидели без особого дела за забором.

Мне удалось убедить начальника информационной службы в том, что без хороших позиций в нарождающихся негосударственных экономических структурах мы не сможем полноценно освещать целый ряд проблем. Как только начальство дало добро, мы быстренько вывели в действующий резерв, то есть в банки и совместные предприятия, целых четырнадцать офицеров. У всех у них началась новая, намного более содержательная жизнь. Перед ними открылись прекрасные карьерные возможности за пределами разведки. При этом они продолжали оставаться в рядах и приносили немалую пользу в качестве квалифицированных сборщиков актуальной информации по экономической тематике.

Следующий шаг на пути от разведки к консалтингу был еще

интересней. Осенью 1991 года на меня каким-то образом вышел один из первых российских нефтяных олигархов, впоследствии зверски зарезанный вместе с семьей в ходе очередного передела сфер контроля над топливно-энергетическим комплексом. За обедом в гостинице «Космос» он поведал мне, что слышал о выдающихся аналитических способностях наших экспертов и хотел бы заказать прогноз развития мировою рынка черною золота.

Я вежливо уклонился от сотрудничества. Страшновато все-таки было мне, действующему старшему офицеру, подхалтуривать за деньги на стороне. Но заметку мы с ребятами для себя сделали. Значит, наша экспертиза может быть востребована рынком.

Порешили мы на всякий случай создать юридическое лицо, товарищество с ограниченной ответственностью «ЭПИКА», составили это по-гречески звучащее название из первых букв слов «экономика», «прогнозы», «информация», «консалтинг» и «аналитика». В товарищество вошел двадцать один человек, в том числе и те, которые еще продолжали службу в ясеневском центре. Один из этих товарищей со временем стал деятелем Госдумы, известным всей стране, другой в ельцинские времена входил в руководство Аппарата Правительства РФ. Еще один, выбившийся в крупные бизнесмены, погиб загадочной смертью. Для каждого из нас это было первое соприкосновение с предпринимательской деятельностью, волнительное и увлекательное. Всем нам было и немного боязно, тем более с учетом того, что мы продолжали пребывать в рядах.

Пока мы создавали «ЭПИКУ», через дружественное совместное предприятие появился и первый заказ. Мировой лидер табачного производства выходил на российский рынок и желал знать как можно больше об отечественной табачной промышленности.

Наш эксперт по сельскому хозяйству с блеском выполнил это задание. Мы получили первый и единственный гонорар – две тысячи долларов, что было по тем временам баснословной суммой. На эти деньги мы купили компьютер Apple. Да-да, тогда компьютеры были такими дорогими, хотя сейчас в это верится с трудом.

Но дальше бизнес у «ЭПИКИ» не пошел. Наше ТОО начало разлетаться в разные стороны по интересам участников.

Меня, не успел я толком распрощаться со шпионским прошлым, занесло в кадровый консалтинг. Но произошло это не благодаря урокам, полученным от Теренса Уолтерса и его службы МИ-5, а совсем по-другому. Лучший друг по Ленинградскому

университету и вообще по жизни Александр Филиппов, как и я, филолог, создал в конце восьмидесятых при университете кооператив по изучению русского языка для иностранцев. Кто только не приезжал туда – и бизнесмены всех стран, и юные цэрэушники, и даже сама Кондолиза Райс, ставшая впоследствии госсекретарем США.

Поучился у Саши и отпрыск главного руководителя гигантской американской корпорации «Проктер энд Гэмбл». Вернувшись домой, он рассказал отцу, что среди русских, оказывается, есть приличные люди. Там вот-вот возникнут рыночные отношения, и если что, его знакомые помогут организовать бизнес.

Вскоре эта корпорация действительно вышла на российский рынок, начала со скромного совместного предприятия с Ленинградским тогда еще госуниверситетом. Саша стал консультантом P&G, но когда его функции расширились до невероятных размеров, включая поиск персонала для представительства корпорации, он был вынужден создать целую консалтинговую фирму.

В 1992 году я еще сидел в Ясенево. Как-то раз Саша сообщил мне, что клиентов у него прибыло. Теперь в их числе помимо P&G была уже Coca Cola и кое-кто еще. Все они делали свои первые шаги в Северной столице, теперь уже переименованной в Санкт-Петербург, а сейчас намеревались перебираться в Москву. Это значит, что им потребуется обслуживание и там.

Мне подумалось, что это неплохое продолжение карьеры. Уход из разведки практически был предрешен, поскольку особых перспектив в профессии плаща и кинжала не просматривалось.

При этом друг Саша сделал мне поистине царский подарок. Для обучения нового московского партнера премудростям кадровой работы он командировал руководительницу своего отдела подбора персонала. Альянс с обворожительной Юлией сложился сразу, причем не только на профессиональном, но и на личном фронте. Довольно скоро мы оба вышли из предыдущих браков и поженились. А Сашина просьба подыскать в Москве первого торгового представителя для P&G – на дворе стоял октябрь 1992 года – с тех пор стала нашим совместным с Юлией семейным бизнесом.

Так что неисповедимы пути господни, уважаемые коллеги из МИ-5. Но Теренсу Уолтерсу я все равно премного благодарен. Во-первых, за замечательные марки и альбомы с английскими красотами. Во-вторых, за то, что он не стал меня вербовать и таким образом не подпортил продолжение карьеры хотя бы здесь, на родине. Ну и в-третьих, огромное спасибо ему за введение в

профессию, которой я посвятил всю свою дальнейшую жизнь.

Слуга чужому царю: Гордиевский

Про выдающегося предателя Олега Гордиевского, загубившего карьеры сотен советских разведчиков, включая мою, написано так много, что поневоле рискуешь повториться. Сам он в годы службы двум господам, не жался чернил, наваял десятки томов, хранящихся ныне в ясеневских и лондонских архивах. Потом, в отдельных книгах, Гордиевский щедро поделился с мировой общественностью всем, что ему было известно о КГБ, до мельчайших подробностей описал обстоятельства своего предательства и исторической эксфильтрации из Советского Союза в 1985 году.

Однако у меня есть что добавить к портрету Олега. Ведь недаром мы долго сидели с ним на чердаке, в лондонской резидентуре, за соседними столами и, естественно, много общались по рабочим вопросам. А последние два года перед драматическими событиями я служил под его непосредственным чутким руководством. Гордиевский был заместителем резидента по линии ПР, то есть политической разведки.

Англия, как известно, славится привидениями. Вот и Гордиевский еще долго после своего побега обитал на чердаке в облике своего профсоюзного билета. Когда в начале двухтысячных в обшарпанном помещении лондонской резидентуры наконец-то сподобились провести ремонт, в глубине ящика его стола обнаружили зеленую книжицу, хорошо знакомую каждому советскому служащему, с аккуратно наклеенными марками, свидетельствующими об уплате членских взносов вплоть до 1985 года.

Познакомились мы в конце семидесятых, когда Гордиевский находился в центре после второй датской командировки. Мне он показался весьма приятным в общении, интеллигентным человеком, который по своему общеобразовательному и культурному уровню выделялся в лучшую сторону среди коллег по отделу, кстати сказать, тоже далеко не последнему по качеству кадров.

Сидел Олег в отдельном кабинете. Ему было поручено заниматься созданием истории Третьего отдела. В этой связи он, естественно, интересовался у меня и у других сотрудников, учившихся на семинаре у Кима Филби, всем, что было связано с этим великим человеком. Мы, в свою очередь, охотно ему рассказывали, как проходили занятия, о чем беседовали. Каких-то особых секретов в этом не было. Это я к тому, что Гордиевский достаточно много знал о семинаре Филби, но сам никогда в нем

не участвовал.

Появление Гордиевского в Лондоне было для нас весьма неожиданным.

Тут вроде как своя мафия, и вдруг появляется какой-то «скандинав», неважно владеющий английским и несведущий в британских вопросах.

Но раз уж приехал, то придется вместе работать. Так можно сформулировать отношение к нему рядовых оперативных работников.

Руководство резидентуры, как свидетельствует и сам Олег в своей книге «Next Stop Execution», отнеслось к нему довольно настороженно, если не сказать враждебно, но вовсе не потому, что подозревало в нем шпиона, а по ряду других соображений. Во-первых, это был явный представитель политической линии Третьего отдела, а резидент Аркадий Васильевич Гук и его всемогущий заместитель Леонид Ефремович Никитенко оба были контрразведывательных корней. Во-вторых, уж слишком какой-то интеллигентный, ненашенский, не пьет с народом и так далее. Что это было – интуиция, случайное совпадение, стечение конъюнктурных обстоятельств, не знаю. Однако факт остается фактом. Руководство резидентуры Олега недолюбливало с самого начала.

Вот типичная картинка из тех времен. В небольшом центральном помещении резидентуры, у неработающего камина, коллектив разведчиков отмечает какой-нибудь праздник – то ли 7 ноября, то ли 23 февраля, толи Новый год. Все как положено. На столе бутерброды и фрукты, водка и виски для мужчин, бутылочка вина для немногочисленных дам. Мужчины с рюмками или стаканами крепкого по очереди, начиная с резидента, произносят дежурные тосты.

Гордлевский добровольно берет на себя роль обслуги, наполняет быстро пустеющие стаканы, а сам держит в руках единожды налитый бокал красного. Вроде ни к чему не придерешься. Предпочитает человек пить вино, а не водку, но ведь веселится вместе со всеми, а сколько он там выпил, особо никого не волнует. Только уши почему-то все время красные и брататься ни к кому не лезет.

Достаточно ли этого, чтобы заподозрить человека в измене? Вряд ли.

Странноватый какой-то, ну да и черт с ним. Разные люди попадаются в наших рядах. Вон у Кобахидзе язык как помело, а другой грузин, Махарадзе, иногда с таким свирепым видом ходит, что вот-вот «зарэжет».

Невзлюбили его и женщины, работавшие на нашем чердаке,

жены оперативников, выполняющие административные и технические функции. То ли они пронюхали о немилости к нему со стороны начальства, то ли опять же интуиция сработала, но наши дамы с самого начала командировки Олега объявили ему бойкот по части мытья именно его чашки!

Гордиевский, которого по приезде посадили за соседний со мной рабочий стол, сильно сокрушался по этому поводу, говорил, что и сам может помыть посуду. Мы с Кобахидзе жалели его, старались поддержать и как-то утешить в этом горе.

Раз уж речь зашла про женщин и интуицию, то приведу еще пару фактов, свидетельствующих в пользу того, что к женскому, кошачьему, мнению все-таки надо иногда прислушиваться.

Во-первых, четко помню, что Гордиевского на дух не переносила жена Юрия Кобахидзе Алла. Объяснить причины своей антипатии она не могла, да и никто этого от нее не требовал, но в целом эта женщина считала Олега каким-то неправильным, неестественным человеком с двойным дном.

Мы же, молодые мужики из резидентуры, даже не пытались как-то проанализировать то, что высказывали Алла и другие женщины.

Примерно то же самое было не только в резидентуре, но и в подразделениях центрального аппарата разведки, да и в других подразделениях КГБ тоже.

Вот тому доказательство. Где-то за год до драматических событий 1985 года во время моего отпуска пришла к нам близкая подруга жены, наша однокашница по университету. Нас с вей примерно в одно время забрили в органы, только меня в разведку, а ее, лингвистку, владеющую редким языком, в подразделение КГБ, занимающееся радиоперехватом и прослушкой телефонных переговоров.

Татьяна доверительно сказала мне как давнему другу и офицер офицеру, что работает вместе с первой женой Гордиевского. Та на каждом чаепитии в коллективе подружек – заметьте, в чине от капитана КГБ и выше! – говорила о том, какое ее бывший муженек дерьмо, неискренний, обманщик, опять же человек с двойным дном, явно способный на любую гадость вплоть до предательства.

Помнится, моя первая реакция на этот рассказ была такова: а чего еще можно ожидать от брошенной жены? Что ей еще остается, кроме злопыхательства?

Вероятно, так же рассуждали и участницы чаепитий. Ни им, ни мне даже в голову не пришло доложить об этом как о тревожном сигнале, возможно нуждающемся в проверке. Если они все-таки это сделали и никак последствий не было, то это другой

вопрос. Я, по крайней мере, точно поленился заниматься поклепами на моего приятного соседа по резидентуре.

Так или иначе, Гордиевский начал постепенно осваиваться в коллективе, налаживать отношения с народом. Хуже всего у него было с показателями информационной работы, так как наш сотрудник, руководивший ею, долго еще Олега гнобил.

Гордиевский страшно боялся ехать в первый отпуск. Он мотивировал это тем, что его будут критиковать за слабую работу, хотя на самом деле, скорее всего, боялся встречи с руководством, уже стал матерым предателем и в полную силу работал на противоположную сторону.

Действительно, насколько я знаю, был момент, когда Олег в личной телеграмме на имя начальника Третьего отдела просил прекратить его командировку. У меня, мол, ничего не получается. На что генерал ответил, дескать, что за чушь, перестань паниковать и продолжай работать.

Лично ко мне Гордиевский всегда относился лучше не придумаешь.

Началось с того, как он увидел мои муки от хронически заложенного носа, посоветовал закапывать отривин и объяснил, почему это лекарство самое лучшее. Я принимаю его до сих пор. Объединяла нас и любовь к классической музыке. Когда Олег стал заместителем резидента по линии «ПР» и переехал в отдельный кабинет, у него на столе появился приемник, всегда настроенный на канал, передающий серьезную музыку.

Гордиевский первым посоветовал мне заняться диссертацией по теме англо-американских отношений. Предложение написать ее я получил в Институте США и Канады АН СССР. Он не просто посоветовал, но и свел меня в руководстве Третьего отдела именно с теми людьми, которые поддержали эту мою инициативу. Хотя формально ее полагалось похерить. Что еще за выпендреж?! Зачем оперработнику писать диссертации? Добро бы еще в нашем Краснознаменном институте, на родную разведывательную тему, а то…

Получив повышение до заместителя резидента по линии ПР. Олег сразу как-то отмяк, раскрепостился и стал вести себя более спокойно и естественно. Это теперь мы знаем, что англичане целенаправленно прокладывали ему дорогу к руководству резидентурой, выдворяли под различными предлогами вышестоящих начальников. Но тогда все это выглядело вполне натурально.

Сам Гордиевский утверждал, что после выдворения Гука в центре шла нешуточная борьба за назначение резидентом именно его, а не заместителя по контрразведке Леонида Никитенко,

победившего в конечном итоге. Если принять эти слова на веру, то выходит, что и англичане, и наши политические разведчики стремились к единой цели, хотя и по разным мотивам. Абсурд? Нет, просто один из многочисленных парадоксов, которыми полна история разведслужб всего мира.

Итак, Олег Гордиевский стал постепенно входить в силу.

Он бегал по резидентуре и кричал:

– Ребята, тратьте деньги на представительские расходы. Мы в этом году очень мало израсходовали на угощение при проведении оперативных контактов и подарки агентуре. Если не погонимся, то на следующий год нам урежут смету.

Не думаю, конечно, что, призывая тратить деньги, Олег выполнял зловещее задание по разорению родного государства. Он просто выполнял свою функцию советского аппаратчика. Но теперь все это выглядит как минимум иронично.

С тех пор как Гордиевский стал продвигаться в гору по службе в резидентуре, я не помню, чтобы он злился или раздражался. За одним-единственным исключением, которое касалось Юры Кубасова, прибывшего в Лондон в 1983 году. Поведение озорного и шалопутного молодого разведчика под прикрытием корреспондента «Комсомолки» доводило Олега до бешенства, причины которого мы поняли только после финальной развязки.

Судите сами. Кубасов доложил Гордиевскому план встречи с оперативной разработкой, предстоящей через несколько дней. Мол, проверочный маршрут такой-то, встречаемся в таком-то ресторане. Олег кивнул и сообщил об этом своим английским кураторам, которые, в свою очередь, организовали необходимый контроль за этой встречей.

По возвращении в резидентуру Кубасов заявил:

– Знаешь, Олег, мы с Джоном передумали идти в тот китайский ресторанчик и пошли в итальянский за углом.

Подобные эскапады случались достаточно часто. Они, естественно, ставили Горд невского в неловкое положение перед англичанами. Мол, что же ты нас дезинформируешь, тратишь зазря наши ресурсы!

Олег выходил из себя и гневно кричал:

– Юра, ну нельзя же так нарушать правила конспирации. А если бы с тобой что произошло, повязали бы тебя англичане на встрече, где бы мы тебя искали?!

Вот каким заботливым начальником был Олег Антонович Гордиевский.

Апофеозом его разведывательной карьеры, причем как с советской стороны, так и с английской, явились подготовка и

проведение визита в Англию М.С. Горбачева, бывшего тогда «наследным принцем» советского руководства. Он прибыл в Англию в середине декабря 1984 года.

После этой встречи с будущим генсеком ЦК КПСС Маргарет Тэтчер произнесла слова, облетевшие весь мир: «Мне он нравится. Мы сможем работать вместе».

Гордиевский пишет в своих воспоминаниях, что успех этой встречи на высшем уровне, во многом проложившей путь к взаимопониманию между Горбачевым и Западом, обеспечили СИС, он лично, информационный работник резидентуры по имени Шатов и автор этих строк.

Мне до сих пор не по себе от этого утверждения. Однако надо признать, что мы действительно работали засучив рукава. Я писал для советской делегации углубленные меморандумы о принципиально важных аспектах британской политики и подробнейшие характеристики на всех участников переговоров с английской стороны. Гордиевский все это передавал резиденту Никитенко для доклада лично Горбачеву. Сам же он, по всей вероятности, писал такие же основательные документы о советских гостях, которые английские спецслужбы докладывали Тэтчер.

В общем, поработали мы на славу. Правительственную награду, правда, как это обычно бывает, получил резидент Никитенко. Но ни у кого в центре после этого успешного визита не осталось сомнений в том, что после окончания командировки Никитенко резидентом вместо него будет назначен Олег.

Что касается меня, то когда весной 1985 года я пожаловался на усталость от почти пятилетней командировки и попросился домой, Гордиевский твердо проговорил:

– И думать перестань! Скоро ты станешь вместо меня замом по политической разведке и поработаешь как миленький еще года два, не меньше.

В те времена Олег пребывал в каком-то благостном состоянии.

Спокойный, веселый, как будто с небес его кто-то поглаживал. Случился с ним, правда, один казус, который мы, его коллеги по резидентуре, до сих пор не можем объяснить. Его редкая, седеющая шевелюра вдруг приобрела желто-рыжий цвет. Неужели появилась юная любовница?

Или, не дай бог, без пяти минут резидент КГБ в Лондоне неожиданно поголубел?

Поначалу Олег на наши недоуменные вопросы отвечал с извиняющимся видом. Я, мол, по ошибке вместо шампуня вылил на голову красящее средство жены, хотя Лейлу с волосами такого

цвета никто никогда не видел. Когда же ошибки с шампунем приняли регулярный характер, мы вовсе перестали спрашивать, уважали право каждого человека на свои собственные странности.

В начале мая мы попрощались с Никитенко, и в кабинет резидента вселился Олег. Светило весеннее солнышко, всем было хорошо.

Особенно Гордиевскому, который вот-вот должен был получить коды от заветного резидентского портфеля, святая святых всех без исключения секретных операций резидентуры.

Где-то в середине мая, в обеденное время, ехал я на машине мимо небольшого скверика, расположенного рядом с домом советских дипломатов, где жил Гордиевский.

Вдруг наперерез машине бросился он сам и взволнованно выкрикнул в открытое окошко:

– Меня вызывают в Москву. Заходи после обеденного перерыва, поговорим.

Я так и сделал, зашел в кабинет резидента. Олег нервно ходил взад-вперед по помещению.

– Вызывают меня по убедительной причине, для окончательного утверждения у высшего руководства КГБ, но как-то все странно, неожиданно. В личных письмах никто не предупреждал. Вроде бы все уже было утрясено. Но делать нечего, поеду на несколько деньков, на месте разберусь, – проговорил он и добавил: – А тебя покамест назначаю исполняющим обязанности моего зама по ПР. Сидите тут на попе ровно и ничего не делайте до моего возвращения.

С этим наш дорогой начальник и отбыл. Больше мы не виделись.

Как только он пересек советскую границу, сразу же под каким-то предлогом была отправлена в Москву его жена Лейла, которую мы называли Лилей, и две симпатичные дочки дошкольного возраста.

Лейла сразу поняла, что это конец их командировки. Говорят, еще собирая в дорогу Олега, она громко, во всеуслышание причитала на эту тему.

Дальше начался кромешный ад. Из центра поступали категорические письма с приказами прекратить все операции, законсервировать агентуру.

«Ну с таким-то в порядке исключения разрешите, давно важная встреча назначена», – просили мы.

Ответом на это был грубый окрик:

«Вам русским языком сказано, что никаких исключений, всем замереть!»

Мы писали личные письма корешам в родном отделе, но даже

надежнейший, ближайший друг Кобахидзе отвечал так:

«Макс, ничего не спрашивай, сами не понимаем, что происходит.

Гордиевский ходит из одною начальственного кабинета в другой, в кармане рулон туалетной бумаги, которой он постоянно отирает пот с лица».

В следующем письме:

«Олег попросил меня достать путевку в наш санаторий в Семеновском.

Ты не представляешь, чего мне это стоило в самый разгар сезона, но я все-таки достал!»

В конце июля центр разрешил мне выехать в запланированный отпуск в Союз. В порту Тилбури, при погрузке на советский теплоход, мои документы подозрительно долго и тщательно изучали английские пограничники.

В Москве мне опять ничего не рассказывали, хотя там уже прошел слух, что Гордиевский куда-то исчез. Дескать, ты, Макс, кажется, просил путевку в Кобулети на Черном море? На, держи и поезжай отдыхать, потом все узнаешь.

Помню, гуляем мы с женой вечером по берегу Черного моря, и я ей говорю:

– Представляешь, а вдруг там, «темноте, Олежка на лодочке в Турцию гребет?

Оказалось, что это предположение было недалеко от истины.

За несколько дней до окончания отпуска, где-то в конце августа, начальник нашего ведомственного санатория вызывал меня к аппарату оперативной связи, расположенному в его кабинете.

Близкий друг и соратник по Лондону Володя Белов взволнованно сообщил мне:

– Макс, тебя срочно вызывают в Москву. Все объяснения на месте.

В центре от напряжения хоть топор вешай. Заместитель начальника отдела нервно проговорил, что Гордиевский сперва исчез, а затем проявился на стороне англичан. Теперь ожидаются самые крупные неприятности, какие только можно себе представить. Моя командировка прекращена, о возвращении в Лондон не может быть и речи.

Почему? Нельзя, мол, подвергать тебя риску. Ведь ты поддерживаешь связь с пятью ценными агентами.

Две следующие недели были, вероятно, одним из самых тяжелых и мрачных периодов в моей жизни. Конечно, еще в Лондоне мы с женой ощущали, что может случиться какая-то беда, даже подготовились к ней, на случай внезапной эвакуации

вещи в квартире разложили на три кучки: наше личное, хозяйское и корпунктовское. Но тут нагрянуло настоящее смятение от головокружительного изменения всех жизненных планов, усиливавшееся гробовой атмосферой в родном отделе. Кроме того, надо было решать бытовые проблемы и в первую очередь срочно устраивать ребенка в школу всего за несколько дней до 1 сентября.

Тяжелее всею было смириться с гем, что тебя предали. Даже не знаю, с чем это ощущение сравнить. Может быть, с потерей близкого человека, когда еще долго строишь иллюзии и отказываешься верить, что происшедшее необратимо, а потеря невосполнима. Рана от предательства со временем зарастает, но остается в душе навсегда. Ты уже на всю жизнь отличаешься от тех людей, которых никто никогда не предавал.

В один из таких невеселых дней, 12 сентября 1985 года, я сидел в своем ясеневском кабинете и думал о том, что же мне делать дальше.

Ответ на мои размышления ворвался в кабинет в облике приятеля из информационного подразделения, занимавшегося английской тематикой.

– Максим, только что пришла телеграмма о высылке большой группы советских представителей. Ты среди них.

Он только успел выпалить эти слова, как пронзительно зазвонил аппарат прямой связи с начальником отдела:

– Немедленно ко мне!

Я ворвался в кабинет Николая Петровича Груздева и увидел, как ему плохо жить на свете в эту минуту. Еще бы! Он являлся одним из ближайших друзей Гордиевскою, усерднее других продвигал его на должность резидента. На него в первую очередь падет ответственность как за предательство, так и за бегство Олега. За последнее – особенно.

Полное смятение первых мгновений несчастья, беспомощность. Нет, лучше не буду описывать тот момент и часы, последовавшие за ним, пока и наш начальник, и мы все не пришли в чувства.

Через пару дней мы всем отделом поехали в Шереметьево встречать спецрейс с выдворенными товарищами и нашим барахлом и в аэропорту разделились на две группы. Одна помогала развозить по домам чемоданы изгнанников, вернувшихся домой. Вторая, куда назначили и меня, повезла багаж Гордиевского на ночевку в Ясенево.

Там над ним до утра колдовали специалисты из оперативно-технической отдела. Они искали микроточки и прочие доказательства шпионской деятельности владельца этих вещей,

однако, по слухам, нашли всего пару порнографических журналов, которые впоследствии фигурировали в качестве обвинения Олега в моральной развращенности.

Утром мы отвезли багаж на квартиру Гордиевского, где встретили одинокую, совершенно подавленную Лилю. Ни она, ни мы не знали, о чем говорить, точно как на похоронах.

Потом были беседы с представителями внешней контрразведки и даже вызов на допрос к следователю в Лефортово. Меня поразила абсолютная формальность этих процедур. Контрразведчик задавал мне какие-то дурацкие общие вопросы, которые не имели никакого отношения к выяснению сути предательства и его мотивов. А ведь и я, и другие сотрудники резидентуры могли бы рассказать ему много интересного и важного.

У меня создавалось впечатление, что все заранее предопределено.

Гордиевский – предатель чуть ли не с детского сада. Никто из нынешних начальников не несет ответственности за факт его вербовки англичанами.

В Лефортово я провел ровно полдня в обществе добродушного пожилого следователя. Он беспрестанно дымил «Беломором», задавал мне какие-то казенные вопросы и старательно, подолгу записывал ответы самой что ни на есть дешевой шариковой ручкой. Только раз в его общении со мной промелькнуло нечто вроде юмора.

Узнав, что я возвращался на теплоходе по Балтике в таких-то числах в конце июля, он улыбнулся и спросил:

– Ну и что? По дороге вы его не встретили?

Такое вот было расследование предательства века! Позже один высокопоставленный генерал, лично ответственный за принятие решения о направлении Горд невского в Лондон, с удовольствием показывал прямо в коридорах Ясенево, как пережил эту неприятную историю.

Он распахивал пиджак, тыкал руками под него и приговаривал:

– Вот здесь пуля прошла и здесь, а сам жив!

Его подъем по карьерной лестнице в разведке и затем в центральном аппарате КГБ продолжался вплоть до путча 1991 года.

Серьезно пострадал только Груздев. Его отстранили от руководства Третьим отделом и отправили в ссылку в неоперативное подразделение разведки. До последнего момента своего пребывания в прежней должности Николай Петрович надеялся на какое-нибудь чудо. Однажды осенью 1985-го я

пришел к нему отпроситься на промышленную выставку с участием англичан, куда меня пригласили, что называется, по старой памяти как корреспондента газеты, обеспечивавшей мне крышу.

Груздев необычайно оживился.

– Обязательно иди. Это не случайность. Вполне возможно, что тебе передадут какое-нибудь послание от Олега, – заявил он.

Впоследствии Николай Петрович зарекомендовал себя стойким бойцом, сумевшим не только выбраться из опалы, но и упрочить свои позиции в разведке, но тогда мне было искренне жаль его.

Впрочем, наваждения на грани умопомешательства посещали тогда не одного начальника английского отдела. Оперативный работник, близко знавший Гордиевского по датской командировке, пришел как-то к руководству ПГУ со следующим планом. Он предложил забросить его в Афганистан. Там этот тип перебежит к талибам, они переправят его к англичанам, где он, естественно, встретится с Гордиевским и убьет его!

Мы, сотрудники английского направления знаменитого Третьего отдела, оказались на пепелище. Лондонская точка была уничтожена до основания. Практически весь доступный кадровый резерв не имел никаких шансов получить британскую визу. Гордиевский наверняка сдал этих людей.

Перед нами стояла труднейшая задача по возрождению резидентуры из праха. Мы ломали голову, как перехитрить коварного изменника и англичан. Помнится, я вырезал название газетной статьи «А ты как думаешь, Олег?» и приклеил его прямо перед глазами.

Жизнь брала свое. Постепенно у нас стало что-то получаться, но это уже другая тема.

Со временем пришло и душевное успокоение, осознание того, что могло быть и хуже.

Я часто вспоминал фразу из песни Высоцкого:

«А в тридцать три распяли, но не СИЛЬНО».

Мне как раз исполнилось именно столько лет, возраст Иисуса Христа. В последующие годы я еще много чего успел сделать именно благодаря этому, «но не сильно». Однако теперь уже мне ясно, что вершина пришлась именно на тот возраст.

К концу 1985 – начал у 1986 года мы уже были способны шутить на темы, связанные с предательством Гордиевского. Доказательство тому – новогодний розыгрыш Кобахидзе с визиткой Олега, описанный в небольшом рассказе «Предательская визитка», приведенном в этой же книге. Вероятно, не было в то время в Ясенево ни единого сотрудника, кто не слышал бы об

этой истории.

С юмором, кстати, у сотрудников ПГУ все было в порядке. Осенью 1985 года, спустя пару месяцев после оглушительного провала, нашему Третьему отделу сверху спустили установку, велели провести партийное собрание, обсудить на нем проступок Горд невского и принять подобающее партийное решение. Надо сказать, что все ясесневцы знали о предстоящем собрании и сгорали от любопытства.

На следующий день шел один из наших по длинному коридору кон горы.

Его быстрым шагом догнал коллега из другого подразделения, славившийся здоровым чувством юмора, и спросил, не моргнув глазом:

– Ну и как собрание провели? Что решили? Из партии исключили или по первому разу строгача дали?

Наш человек на полном серьезе ответил:

– Все-таки исключили. Решили, что исключение из рядов КПСС гораздо сильнее ставит Олегу на вид.

Сейчас, по прошествии многих лет можно признаться, что я несколько раз пытался выйти с Гордиевским на связь, используя знакомства по бизнесу с такими же, как я, отставниками из западных спецслужб, предлагал ему хотя бы по телефону поговорить либо установить контакт по электронной почте. Но Олег словно сквозь землю провалился.

Однако он не обошел меня своей благодарностью и выражением уважительного отношения. В его книгах есть целый ряд лестных упоминаний о моей работе в Англии.

А апофеозом явился следующий абзац в одной из его публикаций:

«В годы моей лондонской командировки… в резидентуре работало много никчемных людей, но были и высокоодаренные сотрудники – Максим Баженов, Юрий Кобахидзе, Леонид Никитенко, – способные совершить реальные прорывы на разведывательном фронте. В большем количестве хороших агентов КГБ и не нуждался».

Экземпляр этой публикации Олег все-таки прислал мне с одной из оказий, уже не помню, с кем именно.

На первой странице стояла лаконичная надпись:

«To Maxim. Best wishes. Oleg Gordievsky».

До сих пор не разберусь, хорошо или плохо, когда тебя хвалит враг. С английской стороны все более-менее ясно. Гордиевский явно перестарался, расписав меня как опасного сотрудника лондонской резидентуры, к тому же любимого ученика Кима Филби. Поверив ему, англичане, по-видимому,

твердо решили сделать меня пожизненной персоной нон грата.

А с российской стороны? Многие бывшие коллеги, конечно же, читали литературные творения Олега Антоновича, и поначалу я побаивался, как бы в Ясенево не сочли его лестные высказывания обо мне за признак нашей с ним идейной близости.

Но сработал, на удивление, противоположный эффект, суть которого выразил однажды подвыпивший высокопоставленный генерал СВР в разговоре с моей женой:

– Гордись, дорогуша, своим мужем! Мы-то знаем, что он был способным разведчиком.

С генералом тем я никогда рядом не служил, поэтому судить о моих оперативных достоинствах он мог не иначе как из книг Гордиевского.

И на том спасибо тебе, Олег!

А что стало с ним самим? В начале девяностых его семью выпустили из постсоветской России. Но Лейла накоротке повидалась с Олегом и тут же от него ушла вместе с дочерями. Она не могла простить ему предательства. Нет, не Родины, а того, что, спасая собственную шкуру, он, как последний трус, бросил семью, фактически оставил жену с малютками в заложниках у жестокого режима, с которым Олег якобы боролся. Неизвестно еще, что было большим предательством.

Насколько мне известно, полноценной новой семьи у Гордиевского так и не сложилось. Он получил от британского начальства жилье и пенсию клерка средней руки, написал несколько книг, разоблачающих КГБ.

Первые годы, считаясь непревзойденным экспертом по Советскому Союзу, Олег раздавал направо и налево комментарии на события, происходящие в нашей стране, постоянно намекал на то, что он – Ким Филби наоборот. Если бы не его геройский поступок, то холодная война могла перерасти в настоящую термоядерную.

С годами, однако, экспертный потенциал Гордиевского улетучился.

Наблюдая за его выступлениями в прессе, я стал замечать раздражающую однобокость. Любое событие в России двадцать первого века он трактовал как происки спецслужб. Начались и явные провалы в памяти.

Однажды, например, на меня вышел английский журналист, интересовавшийся шпионскими делами в британских профсоюзах.

На вопрос, почему именно ко мне – я никогда и рядом не стоял с этой проблематикой, – он убежденно ответил:

– Ну а как же, мне лично Гордиевский посоветовал именно к

вам обратиться! Ведь он, как ваш бывший начальник, хорошо помнит, что вы этим занимались.

Последний подобный контакт с английской пишущей братией вообще напоминал конфуз. Журналист заявил, что Гордиевский утверждает то-то и то-то, но поскольку у его редакции есть сильные сомнения в обоснованности точки зрения эксперта-эмигранта, от него потребовали проверить, не напутал ли чего шпион-пенсионер Олег Антонович.

В 2007 году королева вручила Горд невскому ордена Святого Михаила и Святого Георгия. Мировые газеты облетел снимок благообразного джентльмена во взятых напрокат фраке с цилиндром и с орденской лентой на шее. Мне тогда почему-то подумалось, насколько же приятней вешать красивое украшение на шею любимой женщине! Есть ли такая в Англии у Олега вместо Лейлы, преданной им? Появились ли у него в Англии настоящие друзья взамен тех, кого он предал в России?

Не знаю. Бог ему судья.

Но в качестве подсказки этому суду над Олегом Гордиевским мне хотелось бы привести цитату из книги «Next Stop Execution», написанной им, в которой он описывает обстоятельства своей вербовки англичанами:

«Я заявил, что хочу работать на англичан с чистой совестью и поэтому желаю изложить три условия. Во-первых, я не хочу причинить вред кому-либо из коллег по резидентуре, поскольку среди них есть хорошие люди.

Во-вторых, не хочу, чтобы меня тайно фотографировали или записывали беседы со мной. В-третьих, никаких денег: я готов помочь Западу по идейным соображениям, а не ради материальной выгоды…

После паузы Майкл ответил:

– Никаких проблем. Относительно второго и третьего требований – полный ОК. Что касается твоего первого пункта, то как мы можем навредить твоим коллегам? Начать с того, что мы не хотим этого и, кроме того, в этом нет оперативной необходимости».

Выкручивайся сам, Олег!

Под звуки португальского фадо и финской летки-енки

В мае 2012 года наша семья на обратном пути из Бразилии остановилась на пару дней в Лиссабоне. Тогда-то я и вспомнил о своих шпионских встречах в этой столице, а также в соседнем курортном городке Эшторил, происходящих в середине девяностых.

В предыдущем рассказе я упоминал, что в сентябре 1985 года англичане торжественно объявили меня персоной нон грата как на Британских островах, так и во всех более-менее союзных им странах. Весной 1991 года мне, еще служившему в разведке, удалось на излстс Советского Союза проскочить в Чехословакию, с которой пока еще не был введен визовый режим. В 1993 году, немного поворчав, меня пустили в свою страну израильтяне.

Но в натовские страны, как советовали сведущие люди, лучше было не соваться. Британские доброхоты приложили максимум усилий, чтобы я пожизненно фигурировал в самом черном из всех возможных списков.

Особой редкостью это не было. Еще в 1986 году я столкнулся в Москве с одним из светил отечественной математической науки, действительным членом целого десятка академий крупнейших стран мира. Он рассказал, как в середине пятидесятых, будучи молодым ученым, он при посещении в Англии завода имел неосторожность из любопытства положить в карман испорченную болванку какой-то мелкой детали, имевшей отношение к военному производству. В течение последующих тридцати лет этот человек так и не смог вторично посетить Туманный Альбион. Ему даже не разрешили присутствовать на собственной инаугурации в одном из престижных британских университетов.

К началу 1995 года я уже несколько лет как распрощался со службой и активно занимался собственным консалтинговым бизнесом. Вместе с партнером, таким же, как я, отставником, мы презентовались директору по корпоративной безопасности всемирно известной компании «Моторола», бывшему английскому высокопоставленному полицейскому. Когда этот пожилой отставной коп узнал, что мы тоже из спецслужб, он принял нас как родных по крови, твердо заявил, что только людям, прошедшим закалку в органах, можно доверять в любой стране. Этот господин вскоре представил меня пожилой английской даме, отвечавшей в «Мотороле» за весь

корпоративный PR, Public Relations – связи с общественностью. Она предложила мне приехать в качестве почетного спикера – guest of honor – на ежегодный всемирный слет пиарщиков «Моторолы», происходящий в Португалии.

Спасибо, конечно, но как быть с визой? К счастью, в Москву частенько заезжал в то время представитель аукционного дома Sotheby's Питер Батлер. За год до этого мы тесно сотрудничали в удачном проекте по организации продажи на аукционе коллекции Кима Филби. Одного взгляда на Питера, не говоря уже о его поведении, было достаточно для того, чтобы безошибочно определить: этот малый так или иначе работает на спецслужбу своей страны, а может быть, и не только своей.

Выслушав мою проблему, Батлер уверенно заявил, что все уладит. Через пару недель он действительно пригласил меня на конфиденциальную встречу, которая состоялась за завтраком в самом центре переполненного зала ресторана «Метрополь». Под звуки арфы, ублажающей посетителей, Питер наклонился к моему уху и сообщил мне следующее. Англичане договорились с португальцами, что те дадут мне одноразовую визу, но только при условии, что я соглашусь встретиться и побеседовать с их представителем.

«Почему бы и нет, – решил я. – Терять нечего, а вести себя на подобных встречах я умею».

Честно говоря, мне было даже любопытно попробовать себя с другой стороны. Ведь до этого в роли сотрудника разведки, вербовщика выступал я сам. Заодно и посмотрю незнакомую мне далекую страну, в которую, может, никогда больше не попаду. Короче, ударили мы по рукам, и через положенный срок я получил паспорте португальской визой.

Это была одна из первых шенгенских виз. В день моего отлета, 1 апреля 1995 года, в Европе случилось знаменательное событие – ликвидация границ на всем пространстве Шенгенского соглашения, простиравшемся на том, первом, этапе от Германии до Португалии. Мне предстояла пересадка во Франкфурте.

В ожидании лиссабонского рейса я несколько часов бродил по бутикам аэропорта и вдруг наткнулся на пункт паспортного контроля в лице рослого немецкого майора.

Он внимательно изучил мой шенгенский штамп и неожиданно констатировал:

– Шенгенская виза у вас однократная, а вы уже вышли в Германию, и второй раз я впустить вас не имею права.

Сейчас это кажется абсурдом, но в те, первые, дни существовало, как выяснилось, именно такое дурацкое правило. Вот кошмар-то, накрылась моя Португалия!

Однако я принялся показывать майору, насколько неправильно у них стоят заграждения, позволившие мне очутиться за пределами вожделенного Шенгена. Слава богу, пограничник попался понятливый и даже доброжелательный. Посоветовавшись с начальством, он запустил меня обратно и тут же кинулся переставлять неправильные заграждения.

Добравшись до Португалии, я обосновался недалеко от Лиссабона, в курортном местечке Пенья Лонга, где проходил слет моторольских пиарщиков. Прогулялся я по шикарному полю для гольфа и начал обдумывать тезисы своего выступления на прощальном ужине. Мне было велено уложиться в двадцать минут, между десертом и кофе. Тема: «Как работали в советское время журналисты-международники за рубежом».

Забегая вперед, отмечу, что я, конечно же, успешно справился с этой задачей, исчерпывающе рассказал о своем опыте. Только потом, проанализировав вопросы из зала, мне удалось понять истинный смысл освещения такой проблемы и приглашения в качестве спикера меня на слет, который был полностью посвящен геме «Действия сотрудников службы PR в кризисных ситуациях». На взгляд организаторов этого мероприятия, именно советские журналисты-международники должны были быть непревзойденными мастерами обмана и подтасовки фактов. Им приходилось умело защищать перед иностранцами дышащую на ладан советскую систему и убеди тельно доказывать своему читателю тезис о загнивании капитализма.

Рандеву в знаменитом отеле «Паласио»

По возвращении в номер я услышал звонок.

– Здравствуйте, Максим. Меня зовут Алан, мы должны с вами встретиться. Как насчет завтра в отеле «Паласио» в Эшториле? Сможете доехать на такси? Это совсем недалеко».

О, «Паласио»! Редкий разведчик не слышал об этом отеле, где в годы Второй мировой войны обитали чуть ли не все свергнутые монархи Европы, а вокруг них роилась бесчисленная шпионская тусовка, жадно клюющая крохи информации и строящая бесконечные заговоры. Позднее «Паласио» стал излюбленным местом отдыха британской эли ты. Вроде бы именно здесь Ян Флеминг подарил миру великого Джеймса Бонда.

Спустя 17 лет, в 2012 году, португальская дама-экскурсовод, ничего не знающая о моем прошлом, ехидно говорила о том, что было известно любому жителю Эшторила. Английские шпионы, видите ли, по сей день останавливаются исключительно в

«Паласио», потому что у них гигантская корпоративная скидка, накопившаяся за последние сто лет или около того.

Алан оказался приятным рыжеватым человеком тридцати пяти – сорока лет, типичным британцем спортивного вида. Он явно волновался, вел себя чрезмерно вежливо и мягко. Я поймал себя на мысли о том, что он весьма похож на меня в годы оперативной работы. Этакий интеллигент, которому с трудом удается взять быка за рога.

Позднее я узнал от Питера Батлера, что Алан по специализации арабист и скорее информационщик, нежели оперативник-вербовщик. Батлер также рассказал мне, что вскоре после нашей лиссабонской встречи Алан был переброшен на горячий североирландский участок работы. Не исключено, что он мог уйти из жизни в конце девяностых в печальной авиакатастрофе. Тогда в результате крушения вертолета погиб чуть не весь руководящий состав британских спецслужб, задействованный на ольстерском направлении.

Как в первых раундах боксерского поединка, мы поначалу долго примерялись друг к другу, улыбались, шутили и обменивались ничего не значащими фразами. По-английски это называется small talk. Сперва решили искупаться в Атлантическом океане. Для этого Алан надел видавшие виды шорты. Да и вообще все его курортное одеяние свидетельствовало о том, что человек он экономный, на отдых выбирается нечасто. Выезд по оперативной необходимости в теплую страну для него большая удача, даже праздник.

Поплескавшись в океанских волнах, мы устроились в ближайшей таверне за огромным блюдом морских гадов под пиво. Сей напиток, как известно, располагает к откровенности. Постепенно разговор стал задушевным. Посыпались примеры предчувствий, экстрасенсорной связи между близкими людьми и прочая, прочая.

Алан, в частности, поведал, как его однажды спас от неминуемой смерти покойный отец. Глубокой ночью, усталый, он вез всю свою семью по извилистой неосвещенной сельской дороге, на секунду задремал, и тут ему привиделся отец, громко выкрикнувший: «Алан!» Он очнулся и успел затормозить в нескольких сантиметрах от огромного придорожного дерева.

Алан время от времени и как бы между прочим демонстрировал осведомленность о содержимом моего личного дела. Он поинтересовался моими отношениями с Кимом Филби, спросил, когда я ушел из разведки и почему.

Услышав, что я только что, после двадцати трех лет брака, развелся с женой, этот англичанин ошарашил меня вопросом, не

связано ли это с моим уходом из разведки.

Прочитав на моей физиономии гигантский вопросительный знак, сопровождаемый восклицательными, он пояснил:

– Ну как же, ведь она тоже полковник разведки, не так ли? Разве вы не были оперативной парой?

Я ответил, что подобный абсурд комментировать не собираюсь, и со своей стороны преподнес ему сюрприз, достал из кармана и вручил заранее приготовленный пакетик со своими фотографиями в военной форме, от лейтенанта до полковника, и попросил приобщить к моему личному делу, хранящемуся в архиве МИ-5.

– Все это в прошлом. – сказал я. – Мне хотелось бы поставить точку, зафиксировать для истории годы нашею с вами противостояния.

Мой собеседник, явно не готовый к подобному жесту, ошалело взглянул на меня и после долгой паузы выдавил:

– Да, конечно. Но вообще-то мы не верим, что ты ушел из разведки.

– Почему?

– Мы уверены, что такого хорошего сотрудника просто не могли отпустить.

– Ну, как хотите, – заключил я и продемонстрировал Алану свое пенсионное удостоверение, которое тот, впрочем, воспринял со скептицизмом.

Мол, вы, русские, и не такие документы прикрытия способны изготовлять.

Естественно, я задал ему вопрос, сильно интересовавший меня в ту пору. Почему даже по прошествии десяти лет мне закрыт въезд в Великобританию, хотя для ряда моих бывших коллег с аналогичным статусом этот запрет давно отменен?

Тут Алан понес какую-то пургу, сказал, что пересмотры у них имеют место не чаще чем раз в десять лет, а моя «десятка» истекает лишь в сентябре. Потом он неожиданно стал жаловаться на бедность английской контрразведки. Времена, мол, тяжелые, бюджет сократили до такой степени, что не хватает средств на содержание наружного наблюдения для контроля над всеми иностранцами с подозрительным статусом. Да и мой личный статус самый тяжелый для дарования мне прощения. Однако Алан отказался уточнять, почему именно.

Мы договорились продолжить посиделки через день. Будучи абсолютно уверенным в прослушке номера в отеле, я нарочито откровенно отчитался по телефону моей невесте обо всех деталях беседы с новым знакомым.

На следующий день я поехал осматривать Лиссабон, где, к

своей радости, быстро обнаружил, что еще не разучился выявлять наружное наблюдение. Оно действительно было, причем не слишком изощренное. В магазине национальной португальской музыки купил несколько кассет самой лучшей исполнительницы народных песен фадо Амалии Родригез. Вечером даже успел на ужин с руководством моторольской тусовки.

Пиаровская начальница, пригласившая меня в Португалию, доверительно шепнула мне на ухо:

– Теперь я точно знаю, что ты бывший шпион. Ко мне подходили местные полицейские и просили проследить за твоими передвижениями и контактами. Не волнуйся, все будет хорошо. Кстати, ты тут у нас оказался без пары. Почему бы тебе не взять шефство над той очаровательной американской брюнеткой? Хочешь, познакомлю?

Честно говоря, очаровательная брюнетка мне показалась крокодилом, и я вежливо отказался от потенциального легкого романа.

Встретились мы с Аланом на балконе его номера в «Паласио», заказали какой-то еды и простенького вина. Не знаю, как сейчас, но тогда, в 1995 году, о номере, закрепленном за британской контрразведкой МИ-5, можно было подумать, что его в последний раз ремонтировали лет этак с полсотни назад. Обшарпанные обои и потолки, затхлый запах старой мебели, доисторические кондиционеры, допотопный телефонный аппарат. Не исключено, что союзных контрразведчиков португальцы держали в черном теле, в то время как миссионеры британской разведки МИ-6 проживали в куда более комфортабельных апартаментах в награду за Джеймса Бонда. Но не видел, не знаю.

На второй встрече Алан, видимо, решил, что уровень человеческих отношений, установившийся между нами, достаточен для того, чтобы перейти к допросу. Он вооружился блокнотом и ручкой и начал, изредка скашивая взгляд на бумагу, потихоньку надавливать на меня вопросами о том, как устроена наша разведка. Наблюдать за этим было забавно. Я был начеку, начал снабжать его общей информацией строго в рамках того, что могло быть известно Олегу Гордиевскому на начало 1985 года. Мой визави напрочь забыл про сэндвичи и вино, прилежно скрипел ручкой. Так продолжалось минут сорок.

Потом Алан сделал паузу, чтобы отхлебнуть вина, внимательно прочитал свои записи, и лицо его вдруг приняло озабоченное выражение.

– Слушай, Максим, – разочарованно произнес он. – Мне кажется, все тобой рассказанное мы уже знаем.

– А чего бы ты хотел, Алан? Я отвечал на вопросы,

поставленные тобой.

– Разве не было каких-то существенных изменений в последние годы? К тому же ты не назвал ни одного имени. Мне этого явно недостаточно. Кто сейчас возглавляет основные отделы Службы внешней разведки? Кто конкретно работает на английском направлении?

– Во-первых, я точно не знаю, кто там именно сейчас. Ведь говорил тебе, что ушел оттуда больше двух лет назад. Во-вторых, меня, если честно, напрягает такой разговор. Твоя контора просила меня о встрече. Я согласился, думая, что мы потреплемся о былом, торжественно подведем черту под моим прошлым. Ведь очень многое изменилось в этом мире. Я живу в другой стране – в России, а не в СССР, более не принадлежу к спецслужбам. Наши страны теперь вроде как партнеры, особенно в борьбе с международным терроризмом, наркотрафиком и преступным отмыванием денег. А то, что ты предлагаешь, меня совсем не устраивает. Мы об этом не договаривались.

Мой собеседник поежился и заявил;

– Тебе-то хорошо говорить. А я по-прежнему на службе и выполняю приказы. Ладно, закончили об этом. Давай напоследок по стаканчику виски.

Когда финальный стакан был опустошен, Алан предложил мне еще через день съездить вдвоем на экскурсию в Синтру, очаровательный старинный городок, расположенный неподалеку, резиденцию португальских королей и аристократии.

Гуляя по Синтре, Алан объявил, что вечером отбывает домой. Он получил срочный вызов на работу и перед отъездом хотел бы открыто выложить карты на стол. Его служба предлагает поддерживать со мной контакт на регулярной основе с целью получения интересующей ее информации об известных мне деталях оперативной деятельности российской разведки.

– Более того, – расстроенно произнес Алан. – Боюсь, что исключительно от твоего согласия или несогласия будет зависеть возможность пересмотра статуса персоны нон грата.

– Иными словами, вы видите меня, отставного полковника Службы внешней разведки России, в качестве коллаборациониста?

– Примерно, если ты выбираешь такое слово.

До сих пор не могу попять, почему с языка у меня сошел тогда именно «коллаборационист». Видимо, все-таки я волновался в предчувствии вербовки.

Реакция моя была почти моментальной. Я заявил, что это предложение прямо-таки оскорбительно для меня. Оно свидетельствует о том, что английская сторона, видимо,

недостаточно изучило мой психологический портрет. Если уж я не использовал тысячу и одну возможность перейти на другую сторону в течение пятилетней командировки, то почему должен сделать это сейчас? Где мотив для предательства? Идейные соображения? Но мы в России вроде как тоже строим капитализм. Деньги? Но я вполне преуспевающий бизнесмен, способный заработать гораздо больше того, что, по моим сведениям, обычно предлагают изменникам. Ну а с морально-психологической основой у меня все нормально. Не голубой, не наркоман и даже, увы, не страшный бабник.

Алан понуро выслушал эту лекцию и сказал:

– Как хочешь. Вот тебе на всякий случай моя визитка. Может, когда-нибудь передумаешь, тогда дашь знать.

Я ее долго хранил, но потом все-таки куда-то задевал. В течение следующего десятилетия у меня так и не возникло позывов изменить отношение к перспективе стать английским шпионом.

Надо отметить, что, несмотря на внутреннее напряжение, беседа наша, как и обе предыдущие, протекала вполне умильно. Мы без конца корчили улыбчивые гримасы, поддерживали друг друга за локоток, увлеченно советовались, какой сувенир подобрать дражайшей половине и деткам. В общем, ворковали, как два голубка, только один еще сидел в ведомственной клетке, а другой подлетел к нему уже со свободы. Оба это подсознательно понимали.

Проводив Алана до такси, я начал корить себя за извечную вспыльчивость и недостаточную рациональность. Разве не дурак?! Надо было подробно узнать, что именно он от меня хочет, что за условия предлагает, в том числе какое количество сребреников посулит. Упустил такой шанс собрать интереснейшую оперативную информацию, а отказаться всегда успел бы. Но, как известно, после драки…

Со мной это, к сожалению, часто бывает. К тому же Алан вряд ли выдал бы все на этой встрече, а вступать в новые контакты с его коллегами, которые вполне могли оказаться более жесткими, не входило в мои планы.

В Москве я, ничего не скрывая, рассказал о вербовочном подходе нескольким близким друзьям, занимавшим в ту пору высокие генеральские должности в СВР.

Один из них отреагировал на это примерно так:

– А нашим внутренним контрразведчикам ты рассказывал? Нужно бы. Надо же, какие сволочи! Что за наглость!

Через пару недель я увиделся в Москве с Питером Батлером, приехавшим из Лондона. Тот сказал, что уже в курсе, и передал

мне подарок от Алана – компактный диск с записью песен фадо в исполнении Амалии Родригез. Точно такой же репертуар, что и на магнитофонной кассете, купленной мною. С другой стороны, намек на то, что я был под очень плотным контролем португальского наружного наблюдения.

Не знаю, что Алан написал про меня в своем отчете о неудавшейся попытке вербовки в Португалии. Видимо, ничего хорошего, ибо за три года, последовавшие за нашей встречей, мне удалось выехать только в Грецию на отдых по национальной визе.

С греками оказалось все на редкость просто. Волнуясь, я подошел к паспортному контролю в афинском аэропорту. Верная жена стояла сзади, мечтательно смотрела на море, маячащее вдали, но готова была улететь с мужем домой, так и не искупавшись.

Пограничник пробил мой паспорт по компьютеру. По его лицу видно было, что он узнал очень много интересного обо мне.

Чуть поколебавшись, красавец-офицер спросил:

– Деньги есть?

– Да.

– Сколько?

– Тысяча долларов.

– Покажите.

– Вот.

– Проходите.

Вот так, оказывается, Греция соблюдала свои обязательства по НАТО! Тысяча баксов, предназначенная для трат в его стране, оказалась для пограничника весомее натовского черного списка.

Подход с другого конца Европы

В конце лета 1998 года в Москву приехал мой финский партнер по кадровому бизнесу и пригласил меня в Хельсинки на юбилей его фирмы. Якко знал о моем шпионском прошлом, и оно его ни капельки не волновало. Наоборот, он рассказывал всем направо и палево, что партнерствует в России аж с генералом КГБ.

За обильным возлиянием в ресторане гостиницы «Националь» Якко обещал в два счета решить мои визовые проблемы, поскольку близко знаком с министром юстиции Финляндии.

Он схватился за мобильник и радостно закричал:

– Хей, Юкка!

После этого начался разговор по-фински.

Министр Юкка явно был озабочен неожиданной просьбой, но

еще до конца нашего ужина сделал ответный звонок. Он сказал, что финские власти готовы дать господину Баженову визу ровно на сорок восемь часов, однако с условием, что тот согласится на встречу с официальными представителями местной службы безопасности.

Встретиться с финнами? Да мне это раз плюнуть, после того как я самих англичан оставил с носом!

Только мы с женой и партнером из Петербурга подъехали с хельсинкского вокзала к гостинице, ко мне подошли двое представительных мужчин, вежливо представились как Йорма и Харри и попросили уделить им минут двадцать-тридцать.

– Можно мне душ принять после поезда? Буду минут через пятнадцать.

– Да, господин Баженов. Ждем вас в лобби.

Освежившись и состроив приветливую гримасу, я спустился к спецслужбистам, попивающим кофе. Они предложили мне побеседовать за ланчем в ресторане либо в их служебной машине. Я предпочел второй вариант в надежде на то, что таким образом потрачу меньше времени на эту обязательную процедуру.

В тот день в Хельсинки как из ведра лил дождь. Машина, которую вел Йорма – Харри расположился рядом со мной на заднем сиденье, – почему-то остановилась у еврейского кладбища. Бесконечные ряды почти одинаковых серых надгробных камней добавляли жутковатости пейзажу и без того безысходно мрачному, состоявшему из серой завесы дождя и свинцового неба. Дождик неприятно заливался в окна, которые мы были вынуждены открыть, чтобы избавиться от духоты и влажного испарения. Автомобильный приемник наигрывал финские национальные мотивы типа летки-енки, популярной в СССР.

Харри, щупленький человечек лет тридцати пяти, в очочках и со светлой бороденкой, был, видимо, за старшего. Он держался очень серьезно, но явно волновался. В самом начале разговора этот субъект произнес какие-то ни газы из юридических документов, извещающие о моих правах – отвечать или нет на вопросы, требовать адвоката или что-то в этом духе.

Покончив с формальностями, он вдруг неожиданно сказал:

– Мы знаем о вас очень многое. Например, что вы – ученик Кима Филби. Интересно, чему он вас учил?

– Вы хотите, чтобы я прямо здесь, у еврейского кладбища, в течение двадцати минут пересказал вам весь курс?

– Да нет, это я так, – ответил Харри, даже не сподобившись улыбнуться. – Мы действительно знаем о вас многое от наших английских друзей. Вы работали в Третьем линейном отделе ПГУ,

занимающемся, как известно, не только Британией, но и Скандинавией с Финляндией. Нам было бы интересно получить от вас некоторую информацию, касающуюся нашей страны.

– И что это за информация, позвольте узнать?

Тут Йорма перегнулся с водительского сиденья и начал показывать мне альбомы с ламинированными черно-белыми фотографиями. Некоторые из них были весьма старыми, плохого качества. Финны указывали пальцами на то или иное фото и спрашивали, знаю ли я данного персонажа. Я узнавал лишь отдельные физиономии. Среди них были и те люди, которых мы уже давно похоронили. Как я потом понял, мне был продемонстрирован весь набор советских представителей в Финляндии за последние три десятка лет и подозревавшихся в работе на разведку КГБ или ГРУ.

Сперва я упорно говорил в отношении каждого фото «нет, не знаю», но вскоре не выдержал и заявил:

– Послушайте, меня ото начинает напрягать. Вы что, хотите сделать из меня финского шпиона?

От подобной прямоты Харри смутился и пробурчал:

– Зачем же так? Хотя в принципе вы правы. Мы хотели бы добиться от вас сотрудничества. Повторяю, вы для нас очень интересны.

Меня внезапно одолел приступ смеха.

– Вы считаете, что я, полковник советской разведки, всегда мечтал стать финским шпионом? Вы всерьез думаете, что это для меня наилучшая перспектива на всю оставшуюся жизнь?

Харри выглядел уязвленным. Откровенно говоря, сейчас я его хорошо понимаю. Нельзя было так бестактно принижать достоинство его страны.

– Если вы откажетесь, то, скорее всего, больше никогда не приедете в Финляндию, – натянуто произнес он.

– Финляндия – отличная страна. Моей жене нравится здесь шопинг. Но ради этого я не готов пойти на предательство.

Машина отъехала от мрачного еврейского кладбища и доставила меня в гостиницу.

– Боюсь, что мы видимся в первый и последний раз, – сухо вымолвил Харри, пожимая мне руку. – Прощайте, очень жаль. Хорошего вам вечера.

«Черт побери! – мысленно ругал я самого себя, одеваясь к вечернему торжеству. – Опять не спросил про количество сребреников, не узнал, какое именно задание они собирались мне дать».

Неосторожная фраза насчет любви жены к финскому шопингу имела любопытное продолжение. Мы не поверили в угрозу

закрытия для меня Финляндии навсегда и через пол года подали на визу. Каково же было наше удивление, когда финны отказали не только мне, но и супруге, с которой мы расписались спустя годы после того, как я ушел из разведки. Знакомцы с еврейского кладбища, без сомнения, слышали мой подробный отчет в гостиничном номере о вербовочном подходе. Вероятно, они решили, что моя жена, страдающая без местного шопинга, будет беспрестанно пилить меня, склонять согласиться с их предложением.

Но, опять же, никогда не говори «никогда». Мое отлучение от Суоми закончилось со вступлением Финляндии в Шенген. К тому времени благодаря голландцам и французам я уже стал въездным в это почтенное европейское сообщество.

Голландцы оказались гораздо большими джентльменами, нежели англичане. Часовой беседы без каких-либо вербовочных выходок им хватило для того, чтобы удостовериться в моем пенсионерском статусе и открыть мне зеленый свет в Шенген.

Ну а французы, как и всегда, были в своем антибриганском репертуаре.

Узнав, что англичане не дают мне визу, их представитель в Москве тут же воскликнул:

– Тогда мы с удовольствием дадим!

Чего не сделаешь, чтобы напакостить любимому соседушке!

Вдоволь поездив туристом по Европе, я через несколько лет после описываемых событий заглянул и в Финляндию. Ничего, спокойно впустили. Жаль, не догадался взять телефоны Йормы и Харри, позвонил бы им из Хельсинки.

В заключение этого экскурса по постшпионскому периоду моей жизни позволю себе пару наблюдений.

Во-первых, анализируя уровень профессиональной подготовки моих несостоявшихся вербовщиков из британских и финских спецслужб, я поневоле вспоминаю незабвенного своего учителя Кима Филби.

В сопроводительном письме к характеристикам на молодых советских разведчиков, слушателей его первого семинара в 1975–1976 годах, он написал:

«Уровень подготовки каждого из них – и „отличников“, и „хорошистов" – намного выше, чем у их коллег из ЦРУ, СИС и других западных спецслужб».

Раньше это высказывание великого разведчика казалось мне не более чем проявлением вежливости в благодарность за предоставленную возможность поработать с молодежью. Но нет, контакты с Аланом, Йормой и Харри убедили меня в том, что Филби, по-видимому, был прав.

Вербовочная подготовка на их стороне и впрямь оставляет желать лучшего.

Если бы только не одно обстоятельство, связанное со вторым моим наблюдением.

Итак, во-вторых. В конце первого десятилетия нынешнего века в Москве прошли несколько громких судебных процессов по обвинению в шпионаже, главным образом на Великобританию, отставных разведчиков и военных. Как раз в описанные мною годы хитроумные англичане первыми додумались использовать пенсионерский канал. Они с завидным упорством и нахальством начали выходить на отставников, недавно покинувших службу, во время их выездов за границу, начиная с Прибалтики и даже Украины. Сам знаю такие случаи, происшедшие с моими бывшими коллегами. Британцы сулили финансовую и прочую поддержку в обмен на выполнение заданий по сбору информации от своих друзей, находящихся на действительной службе.

Судя по всему, улов получился неплохой. Это сформировало презрительное отношение к отставным полковникам и генералам, оказавшимся легкой добычей. Ну да, куда они от нас денутся, если возраст уже за пятьдесят, пенсия скромная, а пожить красиво еще хочется?! Зачем нам тщательно готовиться к вербовкам, если они сами гроздьями на нас падают? Вполне вероятно, что с проявлениями этого феномена самоуверенной наглости мне как раз и пришлось столкнуться.

Тем более приятно, что удалось преподать урок расслабившимся и обнаглевшим оппонентам, или как их там? Не расслабляйтесь, уважаемые партнеры!

Предательская визитка. Детективная история под Новый год

Давно известно, что самые печальные поминки порой заканчиваются безудержным взрывом веселья.

Мой ближайший друг со времен совместных шпионских похождений и по сей день Юра Кобахидзе, он же просто Коба, – абсолютно уникальный персонаж. В последние десятилетия он покорил своей неподражаемой харизмой не только разведку, но и журналистику, и современный российский бомонд. Этот высокий, грациозный, пластичный, обладающий величественными манерами и роскошным басом красавец-грузин всегда славился сногсшибательным юмором. В искусстве розыгрышей ему трудно сыскать равных не только в Москве, но, вероятно, и во всей России-матушке.

Но однажды…

Дело было под наступающий 1986 год. В сентябре уходящего, как моим уважаемым читателям уже известно, случилось одно из самых печальных, даже трагических событий в истории советской разведки – предательство Олега Гордиевского и сдача англичанам всей нашей лондонской резидентуры. Провалено было все – явки, пароли, адреса. Практически вся группа советских разведчиков была в одночасье изгнана из Англии.

Коба не попал в число высланных службистов, поскольку за год до этого вернулся в Москву, в центр, успел мирно отшпионить свой срок на земле Туманного Альбиона.

Понятно, что настроение в британском отделе было похоронным. По линии Англии все было зарублено, шло расследование. Напряжение стало запредельным.

В один из таких унылых дней мой коллега Юра Кубасов вдруг сказал мне:

– Слушай, я нашел у себя в ящике стола визитную карточку Олега Гордиевского. На ней написано: «С приветом, Олег». Он мне полгода назад ее дал.

Идея пришла мгновенно.

– Давай пошлем ее Кобе!

– Отличная мысль! Как это сделать?

Начали думать. Нашли конверт, вложили в него визитку. Если отправлять по почте, могут вскрыть. Так настоящие шпионы не поступают. Это насторожит Кобу. Все должно быть очень достоверно.

Написали левой рукой фамилию и адрес получателя.

– Отправителя как укажем?

– Давай так: газета «Советский спорт», адрес редакции.

Чтобы все выглядело официально и правильно, из школьного ластика вырезали мы печать, похожую на заграничную, и шлепнули ее с другой стороны конверта.

Как послать? У нас тогда работал молодой сотрудник, который жил недалеко от Кобы. Попросили мы этого парня, чтобы 31 декабря он опустил письмецо в его почтовый ящик. Мол, поздравление с Новым годом.

Все было исполнено в лучшем виде.

Дальше начались «страдания юного Вертера».

1 января новоявленного года Коба проснулся, в шлепанцах и халате вальяжно потопал за почтой. Открыл он почтовый ящик, увидел письмо, распечатал его и похолодел: «С приветом, Олег».

На следующий день Коба с женой были приглашены к друзьям в гости на дачу, в Серебряный бор.

Настроение ужасное, послепраздничное, похмельное. Коба сидел за рулем своего старого ржавого «жигуленка» мрачнее тучи и проклинал бывшего своего партайгеноссе.

Приехал на место. Кругом сугробы, припарковаться негде. Изловчившись, он приткнул свое приметное желтое авто напротив какой-то дачи, глянул на нее и обомлел. Это была дача британского посольства.

«А вдруг этим я дал врагам знак, что на все согласен?!» – с ужасом полу мал Коба.

Настроение у него упало ниже плинтуса. Вечер был окончательно испорчен. На даче веселье, компания не шпионская, народ не в курсе печалей Кобы. Даже поделиться своим горем не с кем.

В первый рабочий день Коба приехал в Ясенево пораньше, не к девяти, а к восьми часам утра. Как выяснилось позже, он сделал это специально, чтобы до прихода начальства обсудить происшествие с еще одним лондонским другом, Володей Беловым. Тот по совместительству был еще и при должности, на момент описываемых событий служил помощником Виктора Федоровича Грушко, который сначала был начальником нашего доблестного отдела, а потом – заместителем В. Крючкова, командовавшего разведкой.

Коба влетел в кабинет Белова и чуть не с порога заявил:

– Ты знаешь, я вчера получил письмо от Гордиевского.

– Да ты что! Елки-палки, а я вчера дома сижу, и вдруг звонок из Рима! Впечатление такое, как будто условные фразы говорят. Потом сказали, мол, по ошибке. А может, не ошибка?! Странные знаки. Ты письмо получил, мне из Италии звонили. Что за

совпадения?

Он помолчали, подумали. К девяти на работе появится начальство. Решили, что делать нечего, надо сдаваться.

Коба рванул писать рапорт, а Володя – докладывать Грушко.

Тот выслушал сто и сказал:

– Может, разыгрывают?

– Кто может разыгрывать? В карточке почерк Гордиевского. Мы его из тысячи узнаем! Да и письмо пришло по почте.

В девять часов Коба пришел к начальнику отдела и сказал, так, мол, и так – Гордиевский, визитка.

Прошло буквально две-три минуты, и Ясенево стояло на рогах. Уже доложено было начальнику внутренней контрразведки, весь карательный аппарат поднялся во фрунт.

– Я все сказал, – заявил Коба и побрел в свой кабинет по длинному-длинному коридору.

Навстречу ему шагал я, увидел его и сказал с искренней радостью:

– Коба, с Новым годом! Как дела?

– Максик, ты не представляешь. Я письмо от Гордиевского получил! – ответил измочаленный Коба.

– Да?! – почти непритворно ужаснулся я.

– Сообщил начальству. Уже на самый верх докладывают, – промямлил он и пошел дальше, весь в кручине.

– Коба! – крикнул я. – Это наша шутка!

Он развернулся и простонал:

– Да ты что!

Коба схватил меня, и мы кубарем вкатились в кабинет начальника отдела, с которым были на «ты».

– Игорь, это шутка была! Шутка! – сказал я ему.

Он кивнул, тут же позвонил начальнику внутренней контрразведки и повторил мои слова:

– Слушай, это шутка была.

Из трубки крик, нет, даже бешеный ор:

– Шутка?! Ко мне! Срочно! На ковер всех этих шутников!

– Подожди, мы сами разберемся. – Начальник отдела тут же набрал номер Грушко. – Виктор Федорович, это шутка была. Товарищи над ним пошутили.

– Разобраться! – коротко громыхнул тот.

Наше счастье, что никто не успел доложить Крючкову. Все прикрытие взял на себя его первый заместитель, человек, который нас растил, воспитывал, пестовал, был нам чуть не как отец родной. Он принял огонь на себя, но, естественно, сказал, чтобы шутников пропесочили по полной программе.

Через несколько часов в офисе появляется заместитель

начальника отдела, который отвечал за английскую линию. Он тоже пребывал в неважном здравии после новогодних застолий. Ему тут же сообщили, что надо вызвать на ковер меня и Кубасова и всыпать вам от всей души.

Вызывает он меня, смотрит мрачно, грозно.

– Как ты мог? Что за шутки?! Ты понимаешь?..

– Да. – Я виновато кивнул. – Понимаю. Так уж получилось. Это была шутка.

– Вон из кабинета, а то я тебя сейчас!.. Шутки у них!

Пошел я понуро к выходу, открыл на выходе дверь и вдруг услышал за спиной взрыв оглушительного, гомерического хохота. Повернулся я и увидел, что наш заместитель начальника отвалился на спинку кресла, содрогался в конвульсиях и едва не сполз под стол.

– Что такое? – осторожно спросил я.

Заместитель начальника в промежутках между приступами хохота лишь громко всхлипывал:

– Кобу нае…ли! Ха!.. Кобу! Нае…ли!

Сам Коба, тонкий ценитель и перманентный организатор подобных штучек, был в полном восхищении от нашего розыгрыша.

Этой истории уже несколько десятков лет, но эхо все еще доносит хохот из ясеневских кабинетов. Ее знали все без исключения сотрудники старшего и среднего поколений. Подозреваю, что и до молодежи она дошла в виде винтажного ведомственного фольклора. По крайней мере, до сих пор, когда меня представляют незнакомым бывшим или действующим коллегам по плащу и кинжалу, многие из них мгновенно узнают во мне человека, организовавшего розыгрыш с визиткой Гордиевского. Мне при этом всегда немного неловко. Ведь, по сути дела, это была единственная моя удачная шутка за всю жизнь. Причем непреднамеренная.

Мои англичане

Примерно через полгода после возвращения из лондонской командировки мне захотелось положить на бумагу воспоминания о встречах с особенно интересными англичанами, и я сделал несколько первых набросков. Они, кстати, оказались самыми живыми, детализированными и в конечном итоге увлекательными для чтения. Но жизненная текучка постепенно загасила мой писательский пыл. Я снова вернулся к этому занятию спустя пару десятилетий, когда отчетливо почувствовал, что если не заставлю себя сделать это сейчас, то все бесповоротно сотрется из памяти.

Полистав картотеку времен английской командировки, чудом пережившую многочисленные переезды и даже один пожар, я обнаружил в ней порядка пятисот визиток. Это значило, что за пять английских лет я перемолвился несколькими словами как минимум с таким вот числом англичан и едва ли не каждому из них, наверное, пожал руку. Тут вот что интересно. Подавляющее большинство из них мне удалось вспомнить. Я представлял себе, как выглядел тот или иной человек либо при каких обстоятельствах мы встретились и о чем говорили, а иногда и то и другое. С некоторыми из них у меня сложились достаточно долговременные и плотные отношения. С другими контакт был коротким, но оставил яркое впечатление.

Вот, например, музыкант-валторнист из оркестра гвардейского полка, охраняющего Букингемский дворец. Уж не помню, каким образом он оказался в гостях у меня дома. После первой рюмки водки этот человек по моей просьбе достал из своей машины гвардейский мундир со знаменитой меховой шапкой, по-английски bearskin, дал мне их примерить и поведал массу познавательного про различия между пятью королевскими гвардейскими полками, удостоенными чести охранять ее королевское величество.

После второй рюмки он неожиданно впал в мрачное настроение и признался, что вместе с коллегами по оркестру недолюбливает королеву за ее недоброжелательность. Заметив малейшую помарку в движениях марширующих перед ней музыкантов – а играть на ходу ой как нелегко! – она немедленно требует строгого наказания провинившихся.

Вот всемирно известный путешественник сэр Ранульф Файнс, еще молодой в ту пору. Я как-то раз взял у него основательное интервью как у первого человека, совершившего кругосветку через два полюса Земли.

Я спросил, как ему в таком раннем возрасте удалось получить приставку «сэр». Она ведь дается человеку пожизненно, за выдающиеся личные заслуги, обычно в конце карьеры. Файнс ответил, что это особый случай.

Сэрами будут и его сын, и внук, и так далее, поскольку титул этот родовой.

Дело в том, что его предок участвовал в 1066 году в битве при Гастингсе на стороне Вильгельма Завоевателя. Именно он выпустил стрелу, попавшую в глаз англосаксонскому королю Гарольду, что предопределило исход битвы в пользу нормандцев. Так что все Файнсы до скончания веков будут сэрами.

Вот президент Королевскою географического общества лорд Шэклтон, сын знаменитого исследователя Антарктики и сам крупный политический деятель Великобритании. С ним мы долго обсуждали полярные проблемы на великосветском рауте в присутствии его королевского высочества принца Кентского, кузена королевы.

Величественный старик-лорд напрочь перевернул мои представления о возможных допущениях в манере одеваться. На нем был основательно поеденный молью смокинг и стоптанные почти до дыр кожаные штиблеты. Однако я в своем новеньком темно-синем костюме и недешевом цветастом галстуке выглядел рядом с ним настоящим низкородным провинциалом. Что позволено Юпитеру, то есть лорду…

Эх, поводить бы почаще на такие приемы некоторых наших олигархов и госчиновников, искренне, видимо, полагающих, что их статус определяют запредельно дорогие костюмы от Бриони и прочих кутюрье!

А вот чистокровный шотландец профессор Эдинбургского университета Джон Эриксон, выдающийся военный историк, первым из крупных западных специалистов подробно исследовавший события на Восточном фронте Второй мировой войны. Эриксон знал все про все без исключения виды оружия, от пистолетов до стратегических ракет. В качестве хобби он собственноручно мастерил уникальные образцы огнестрельного оружия. Кто знает, если бы не историческая профессия, кормившая его, то он, может быть, превзошел бы в этом самого Михаила Калашникова.

Не сумев почему-то найти себе спутницу жизни в родной Шотландии, Джон Эриксон женился на словенке с приятным именем Любица. Почему же не на девушке из соседней Англии? Мать категорически запретила, была убеждена в том, что все англичанки – никудышные жены, эмансипированные бездельницы, не способные даже накормить мужа вкусной

домашней едой. А вот на словенскую невесту для сына она согласилась с куда большей радостью.

Или вот еще один профессор шотландского происхождения – Малькольм Дандо из Йоркширского университета. Он поразил меня тем, что в середине зимы, правда, английской, а это около ноля градусов, явился на совместную прогулку по Гайд-парку в пиджаке, шарфе и перчатках.

На мой удивленный вопрос, не холодно ли ему, Малькольм ответил так:

– Ну что ты, это же твидовый пиджак.

Заинтригованный тем, что за два часа прогулки Дандо не превратился в сосульку, я принял спонтанное решение приобрести такой же чудо-пиджак и попросил профессора помочь с выбором.

Вручая мне в магазине покупку, продавец произнес загадочную фразу:

– Спасибо, что приобрели наш товар. Ждем вас через пятнадцать лет.

Малькольм Дандо удовлетворенно хмыкнул и заявил:

– Значит, у меня еще два года в запасе!

Твид, это гордость Шотландии. Такие изделия из плотной чистой шерсти действительно носятся бесконечно долго, правда, с годами подсаживаются. В Британии нередко можно увидеть странновато выглядящих джентльменов в пиджаках с рукавами чуть не по локоть. То ли эта одежда куплена еще в подростковом возрасте, толи побывала под парой сотен ливней. Российским телезрителям такой типаж известен по юмористическим программам известного английского комика Роуэна Аткинсона.

Не на каждого персонажа из моей визитницы наберется по отдельному рассказу. Подробных историй будет всего с десяток. О тех, с кем я прочно дружил, или о тех, кто даже после нескольких встреч врезался в память навсегда.

Для затравки расскажу о двух англичанах, пожать руку которым было моей мечтой с самого начала командировки на Британские острова.

Пожать руку политическим антиподам

«Левак» Тони Бенн (1925–2014)

Итак, видный деятель левого крыла Лейбористской партии Топи Бенн, Anthony Neil Wedgwood Benn. Человек, претерпевший удивительную метаморфозу, от откровенно правого к левому, самому радикальному лейборизму. Политический деятель с потенциалом гигантского масштаба, который, как никто другой, способствовал сдвигу влево своей партии.

Тони Бенн родился в 1925 году в известной аристократической семье потомственных политических деятелей. Отец его был лейбористским министром, а оба деда – членами парламента, либералами. Поэтому уже в детском возрасте мальчика Тони гладили по головке премьер-министры Рамсей Макдональд с Ллойд Джорджем и даже сам Махатма Ганди.

После Второй мировой войны, в которой Тони воевал в качестве пилота королевских ВВС, он женился на американке. Впоследствии этот человек выкупил у оксфордского муниципалитета парковую скамью, на которой сделал предложение своей избраннице, и водрузил ее в саду семейного дома как символ нерушимой любви.

В парламент Бенн попал в 1950 году, стал самым молодым депутатом. В шестидесятых-семидесятых годах он занимал ряд крупных министерских постов в лейбористских правительствах. Начиная с восьмидесятых, когда лейбористы надолго перешли в оппозицию, Тони превратился в выдающуюся личность на левом фланге английской политики. В стране даже появился термин «бенниты» для обозначения кого-то более леворадикального, чем средний лейборист.

«Самый харизматичный лидер левых, очаровательный, забавный и страстный, столь же искусный в телестудии, как и на массовых митингах». Именно такую оценку дают Бенну британские историки.

Бенн явно родился раньше своего времени и в конечном итоге был фактически размазан по стенке своими политическими оппонентами. В более поздние времена для этого даже был придумал специальный термин – image killing. Как только не измывалась над ним буржуазная печать за его левые взгляды!

В результате обыватели, ни разу не встречавшие его лично, стали говорить:

«Разве можно верить человеку с такими узко посаженными

глазами? Он призывает к социализму, а сам, наследственный аристократ, живет в роскошном особняке около лондонского Холланд-парка, к тому же женат на богатой американке».

На меня лично Бенн такого впечатления не произвел. Мы впервые встретились и минут пятнадцать беседовали на ноябрьском приеме в посольстве СССР спустя всего пару месяцев после моего прибытия в Англию осенью 1980 года. Бенн с сочувствием говорил о жертвах советского народа в Великой Отечественной войне, рассказал о положении в лейбористской партии, которую, как он обещал, лет через пять нельзя будет узнать. Никакого фанатизма или игры на публику.

Ясная, логичная мысль, огромная эрудиция и в то же время подкупающая простота.

Многое из той беседы я оформил в резидентуре в виде информационной телеграммы, первой из сотен в своей разведывательной карьере. Она, самая первая, получила высокую оценку центра! Так что у меня есть все основания считать Тони Бенна своим крестным отцом на поприще информационно-аналитической работы в разведке.

Осенью 1981 года звезда Бенна достигла апогея. Он чуть не стал заместителем лидера партии. Тысячи людей, затаив дыхание, слушали его выступление на ежегодной лейбористской конференции. В пятиминутную речь вместилась целая революционная программа для лейбористов, которая впоследствии почти полностью была претворена в жизнь.

Бенн, вероятно, был одним из наиболее убедительных ораторов современной Англии. Экономные, но мощные аргументы, лаконичность и выпуклость каждого тезиса, стройность изложения! На той конференции ему, по мнению многих наблюдателей, удалось силой убеждения и логики в пух и прах развести своего маститого оппонента Дениса Хили.

В конечном итоге победил все-таки Хили, в большей степени олицетворявший основное течение партийной мысли. Однако, несмотря на высочайший интеллект и гигантский политический вес, он выглядел на фоне Бенна настоящим пережитком прошлого.

Перед моими глазами до сих пор стоит сцена из заседаний той конференции.

– Можно выступить в прениях? – спросил Бенн.

– Сколько времени просите?

– Десять-пятнадцать минут.

– Нет, могу дать только три минуты, – отрезал председательствующий.

Тони, методично загибая пальцы, умудрился изложить по

пунктам всю свою программу по перестройке Лейбористской партии.

Впоследствии я многократно специально приходил на митинги, где выступал Бенн. Уважением к его личности прониклась даже моя дочка.

Она страшно гордилась гем, что стояла рядом с политиком на митинге протеста против фолклендской войны. Это было весной 1982 года.

К тому времени Бенн, уже наученный горьким опытом общения с английскими журналистами, никогда не давал интервью без того, чтобы не записывать их на свой диктофон. Вел он себя крайне настороженно, так что беседовать с ним было сложно.

Тони Бенн, конечно же, чистый социалист, к тому же идеалист. Но временами меня не покидало ощущение, что логика политической жизни в Англии той поры неумолимо толкала его влево, вплотную к марксистскому мировоззрению. Хотя сам он весьма критически относился к Ленину и в меньшей степени – к Марксу. Может быть, я глубоко заблуждался, но тогда мне казалось, что при определенных обстоятельствах Бенн, подобно чилийскому президенту-социалисту Сальвадору Альенде, мог бы окончить свою жизнь с автоматом в руках.

Так это или нет, но я разделяю мнение тех многочисленных исследователей политической истории, которые считают, что Бенн имел все необходимое для того, чтобы стать одним из лучших английских премьер-министров.

Впоследствии, уже из Интернета, я узнал, что, покинув парламент в 2001 году, Тони Бенн полностью посвятил себя общественно-политической деятельности, в частности, стал председателем антивоенного движения Stop the War. По версии журнала New Statesman в 2006 году он был признан двенадцатым в списке «Героев нашего Времени». Это вполне справедливо!

Тони Бенн умер 14 марта 2014 гола.

Крайне правый Энок Пауэлл

Это второй английский политик, которому я мечтал пожать руку. Политический антипод Тони Бенна. Но тоже необычайно цельная, глубокая натура, в полной мере оцененная своими соотечественниками уже после смерти. По результатам общенационального опроса, проведенного Би-би-си в августе 2002 года, имя Энока Пауэлла появилось в списке «100 величайших британцев всех времен».

Рыцарь-командор ордена Британской империи (MBE), парламентарий с 1950 по 1987 год и член консервативных кабинетов в пятидесятых-шестидесятых годах, Джон Энок Пауэлл – John Enoch Powell – прожил без малого восемьдесят шесть лет, с 1912 по 1998 год. Будучи необычайно одаренным к языкам, он начал читать по-древнегречески с пяти лет, а в семидесятилетием возрасте приступил к изучению двенадцатого языка, иврита. В начале тридцатых изучал языки и классические предметы в Тринити-колледж Кембриджского университета.

Информация к размышлению. Ровно в это же время в Тринити учился советский разведчик Ким Филби, помогавший вербовать из числа своих однокашников знаменитую «кембриджскую пятерку» выдающихся советских агентов. Интересно, был ли в числе рекомендованных им к вербовке лиц студент Энок Пауэлл, который, правда, не принимал активного участия в политической жизни?

Пауэлл привлек мое пристальное внимание и вызвал искреннее восхищение благодаря сложившемуся мнению, что он является негласным духовным наставником Маргарет Тэтчер, для которой его одобрение или осуждение было самой важной оценкой. В первые дни фолклендского кризиса Пауэлл заявил в парламенте, что этот конфликт покажет, из какого металла в действительности сделана железная леди. Говорят, что Тэтчер встрепенулась при этих словах. В конце войны старый Энок снова взял слово в палате общин и констатировал, что, как показали события, леди сделана из металла наивысшей пробы. Лучшей похвалы для премьер-министра трудно было сыскать.

Как-то раз в начале восьмидесятых Пауэлл пришел в Ассоциацию иностранных журналистов – Foreign Press Association – для того, чтобы изложить свою теорию истинной подоплеки ольстерского кризиса. В последний период своей парламентской деятельности он представлял в Вестминстере Ольстерскую юнионистскую партию.

После выступления Пауэлл остался на ланч, на котором ему и были представлены мы с Юрием Кобахидзе. Он отнесся к нам очень дружелюбно, во время еды неоднократно подмигивал нам. Вспомнил, как в начале Второй мировой войны ему, полиглоту, владеющему в том числе и русским языком, доверили переводить советское пособие по парашютному спорту. По его словам, с этого пособия и началось парашютное дело в Англии.

Он с глубоким уважением отзывался о советском маршале Михаиле Тухачевском, которого считал потенциально величайшим полководцем первой половины двадцатого века, утверждал, что тот точно стал бы таковым, не казни его Сталин в

1938 году. Пауэлл приводил многочисленные доказательства своей правоты. Из них мне запомнилось только то, что Устав внутренней службы Рабоче-крестьянской Красной Армии, созданный по инициативе Тухачевского, – лучшее в мире произведение в этом жанре.

В том, что Энок Пауэлл серьезно знаком с военным делом, не приходилось сомневаться. Многие ли люди, не говоря уже о политических деятелях, могут похвастаться тем, что, придя в армию простым солдатом, проделали за шесть лет войны головокружительный путь до бригадного генерала?! Военная карьера Пауэлла изобиловала необычными поворотами и драматическими событиями. В беседе с нами Энок шутливо упомянул лишь о том, что во время войны его, британского офицера, дважды арестовывали по подозрению в шпионаже. На Германию, за то, что он распевал в публичном месте немецкую песню, и на Японию, когда вследствие перенесенной желтухи его кожа стала желтой.

В ходе затянувшегося ланча Энок Пауэлл рассказал нам, что в 1980 году он охарактеризовал бойкот западными странами Олимпиады в Москве из-за вторжения советских войск в Афганистан как патетику на грани фарса. Он также высказался в поддержку одностороннего ядерного разоружения своей страны, против размещения на Британских островах американских крылатых ракет.

– Но, мистер Пауэлл, почему у вас такая необычная для консервативного, в общем-то, деятеля позиция? – осведомился я, почти не веря своим ушам.

– Да все очень просто, – уверенно отвечал собеседник. – На основании своего знания истории я утверждал и продолжаю утверждать, что СССР никогда не вторгнется в Западную Европу. Так зачем же огород городить? Кроме того, как вы наверняка знаете, я закоренелый антиамериканист, – доверительно добавил Пауэлл. – Еще во время мировой войны мне показалось, что главной целью Америки является уничтожение Британской империи. Я видел уже тогда, что на горизонте вырастает более грозная опасность, чем гитлеровская Германия и милитаристская Япония. Америка – это наш страшный общий враг.

Услышали мы от нашего собеседника и другие любопытные высказывания. Пауэлл крайне неодобрительно отзывался о своем парламентском коллеге Дэвиде Оуэне, бывшем лейбористе, создавшем в начале восьмидесятых годов Социал-демократическую партию Великобритании:

– Этот человек никогда не чистит ботинки, а это свидетельствует о том, что он сказочно богат.

С горечью говорил он и о том, что никогда не поступался своими принципами, поэтому так и не смог преуспеть в политике.

– Посмотрите на большинство моих коллег по кабинету, министров начала шестидесятых, – сокрушался Энок. – Сплошные лорды и сэры, уважаемые, богатые люди. А мне дай бог заработать скромную пенсию.

Что правда, то правда. Трудно найти более принципиального государственного деятеля на британском политическом небосклоне, чем Энок Пауэлл. Уже в середине тридцатых годов он понял, что вскоре начнется война с фашистами, и стал публично выступать против политики правительства консерваторов в отношении гитлеровской Германии. В 1945 году Пауэлл, придерживавшийся в целом консервативных убеждений, проголосовал на выборах за лейбористов, желая наказать партию тори за умиротворение Гитлера.

В 1959 году Энок резко выступил против убийства колониальными властями одиннадцати кенийцев, отказавшихся работать в заключении. Оправдывая эту акцию, некоторые парламентарии-консерваторы называли африканцев недочеловеками. Суть выступлений Пауэлла сводилась к тому, что не должно быть двойных стандартов по отношению к африканцам и англичанам. Вот тебе и расист Пауэлл! А ведь именно так его впоследствии часто называли как в Британии, так и в других странах.

Еще в 1964 году Энок Пауэлл говорил, что иммиграция из стран Содружества должна быть срочно ограничена, иначе она превратится в колоссальную внутриполитическую проблему. В 1968 году он произнес в Бирмингеме знаменитую речь «Реки крови», предсказывая обострение расовых и межконфессиональных отношений на Британских островах еще до конца двадцатого века. На следующий день он был окончательно изгнан из состава правительства и заклеймен прессой как отъявленный расист.

Любопытно, однако, что, согласно социологическим опросам, его позицию уже тогда разделяли 74 % британцев при 15 % несогласных с ней. Характеризуя нынешнюю ситуацию в британском обществе, остается только констатировать, что Пауэлл как в воду глядел.

После ланча, уже в дверях, мы с Кобахидзе спросили у Пауэлла, согласится ли он на еще одну встречу с нами.

– Напишите в парламент, – ответил он.

Мы так и сделали, предложили ланч или ужин в любое удобное для него время. Из вежливого, обтекаемого ответа явствовало, что старик отказывается.

Буквально через несколько дней нам стало понятно, в чем причина. Пауэлл выступил с серией речей, остро критикующих размещение в Англии американских крылатых ракет, и речи эти были выдержаны в выгодном для СССР духе. В частности, в них говорилось и о том, что Советский Союз – объективный союзник Великобритании, к которому она будет вынуждена повернуться лицом после развала НАТО.

Выходит так, что даже этот старый эксцентрик, гордящийся своей независимостью, был недостаточно свободным для того, чтобы скомпрометировать себя контактами с советскими представителями.

Ходячая энциклопедия: Денис Хили

Денис Уинстон Хили, барон, один из крупнейших государственных деятелей Великобритании. В 1964–1970 годах министр обороны, в 1974-1979-х – министр финансов в лейбористских правительствах. В восьмидесятые годы – теневой министр иностранных дел.

Этот человек произвел на меня наибольшее впечатление на заключительном этапе английской командировки. Возможно, встречи с ним были вершиной, самым важным достижением моей лондонской карьеры. Они неимоверно обогатили меня в плане личностного развития.

О том, что Хили является ходячей энциклопедией, знали все. Но надо было видеть его близко, в действии, чтобы до конца оценить всю мощь личности и интеллекта.

6 февраля 1985 года Хили, бывший тогда теневым министром иностранных дел, пришел на ланч в Ассоциацию иностранных журналистов. Я, член исполкома ассоциации, был представлен ему лично перед началом мероприятия и сидел напротив него за начальственным столом.

Поначалу Хили выглядел немного грустным, особенно когда ему пришлось отвечать на назойливые вопросы относительно его политического будущего. Дескать, да, мне уже никогда не быть лидером лейбористской партии, а тем более премьер-министром. Да, я действительно потерял свой исторический шанс, когда в 1980 году партия предпочла Майкла Фута. Но я намерен лояльно поддерживать нынешнего лидера Нила Киннока и надеюсь вновь обрести себя на посту творца внешней политики будущего Лейбористского правительства. Ну и что же, что мне под семьдесят? Все мои предки были долгожителями, матери сейчас за девяносто. Я буду английским Громыко!

Хили ушел из жизни в 2015 году, не дотянув до своего столетия каких-то пару лет.

Разговевшись вином, он начал дружелюбно шутить в мой адрес:

– Что делают советские подлодки в шведских фьордах? Как? Сами не знают, что делают, когда экипаж напьется? Ха-ха!

Потом Хили вдруг становился серьезным и конструктивно обсуждал военно-стратегические проблемы. Речь его изобиловала полу шутливы ми ссылками на «мистера Баженова», которого, в зависимости от тезиса, он призывал согласиться с ним или возразить ему. В целом Хили выступал с весьма резких антиамериканских позиций. Чувствовалось, что его, поборника

политической логики, коробит от нелогичных и подчас дилетантских действий администрации Рейгана.

Хили спросил, может ли он побеседовать со мной о моей диссертации, посвященной англо-американским отношениям. Я, разумеется, ответил согласием и 7 марта 1985 года в 17.00 был в его рабочем кабинете, расположенном в Вестминстерском дворце. Пробежав глазами план диссертации, он заявил, что это слишком много. У него нет намерения выполнять за меня мою работу.

Наша беседа почти сразу перешла на общеполитические гемы, в частности, мы затронули положение в советском руководстве. Дело было за несколько дней до смерти нашего предпоследнею генсека Черненко. Хили интересовали позиции Горбачева, а также то, поддержит ли его КГБ.

Он внимательно выслушал мои ответы и сказал:

– Ты вроде мозговитый парень. Если пообещаешь быть еще и паинькой, то я тебе кое-что покажу.

С этими словами Хили извлек из потрепанного кожаного портфеля статью, подготовленную им для журнала «Обсервер», и дал ее мне почитать. Материал касался последствий для советской внешней политики предстоящей смены руководства в Кремле, выдержан был в довольно правильном, с нашей, советской, точки зрения, ключе.

Хили поблагодарил меня за комментарии и вдруг засуетился, вспомнил, что опаздывает на заседание какого-то комитета.

Однако он охотно согласился на ланч в итальянском ресторане «Буссола», записал дату и место в дневнике, в дверях шутливо приставил свой кулачище к моему подбородку и заявил:

– Ты, кажется, отличный парень, Макс. Мне было с тобой интересно.

В центральном лобби я столкнулся с известным общественным деятелем Стэном Виндассом. Тот с нескрываемой завистью выслушал мое сообщение о том, что я провел наедине с Хили больше часа, и сухо заметил, что этим следует гордиться, поскольку такая удача выпадает далеко не каждому.

Признаться, я мало надеялся на то, что Хили явится на ланч, но почти точно в назначенное время он вылез из такси перед «Буссолой». Вышколенные официанты почтительно расступились при появлении именитою гостя. Нам отвели привилегированный столик в углу. Проходя через зал, Хили раскланялся с несколькими видными консерваторами министерского ранга, сидевшими там.

Он аппетитно, смачно вкушал изысканные итальянские яства, запивал их превосходным вином, справлялся у каждого официанта, откуда тот родом, и тотчас же пускался в

воспоминания о той или иной области Италии. Особенно мой гость обрадовался, узнав, что один из официантов был из Бриндизи.

Я по-английски вступил в разговор, шедший на итальянском языке, – Хили, как я понял, рассказывал о своих военных годах в Италии – и поинтересовался, не то ли это место, где разбили Спартака.

– Господи, чего только не знают эти русские! – воскликнул Денис и обозначил у моей челюсти нокаутирующий удар.

Избыток алкоголя, выпитого тогда, а также годы, прошедшие с момента этого события, не позволяют мне подробно передать канву беседы на том памятном ланче. Помню только, что наибольшее впечатление на меня произвел разговор о давнем членстве Хили в компартии Великобритании.

– Расскажите, пожалуйста, бывший товарищ Хили, почему вы порвали с коммунизмом? – спросил я и тут же пожалел о своем ерничанье.

Денис на полном серьезе рассказал, как в тридцатые годы вступил в КПВ, ибо был убежден, что компартия – единственная реальная сила, боровшаяся с фашизмом. После войны он порвал с ней, так как был не согласен ни с ее политикой, ни с философскими устоями научного коммунизма.

Хили был энциклопедистом, к тому же в университете специализировался на философии. Мне было неловко чувствовать свое полное бессилие перед лицом его профессиональной критики марксизма-ленинизма, разбиваемого в пух и прах по всем параметрам.

Он, правда, отдал определенную дань исторической роли Ленина, но звучало это примерно так:

– Если честно, Ленин был вшивый философ и слабый стратег, но при этом гениальнейший тактик и практик. – Тут он заметил мое немалое замешательство и сказал: – От тебя, верноподданного коммуниста, я не ожидаю одобрения моих взглядов. Спасибо и на том, что ты терпеливо выслушал меня и не стал оспаривать моего права на собственную точку зрения.

После политики разговор наш почти полностью переключился на темы искусства. Хили рассказал, что у него колоссальная коллекция виниловых пластинок, собиравшаяся на протяжении нескольких десятилетий.

– Я научился не замечать качества записи, – отметил он. – Главное для меня не шипение, а исполнение.

От Хили я впервые услышал, что легендарный Герберт фон Караян, может быть, не является лучшим в мире дирижером. Он назвал ряд других маэстро, в том числе и малоизвестных мне,

сыну симфонического дирижера.

Мы сошлись на гениальности Моцарта, и Хили с упоением стал рассказывать, что в свое время привез из Америки редкую пластинку с записями похабных песенок великого австрийца. Оказывается, Моцарт сочинял и для своих собутыльников, приятелей по пьяному кабаку! Денис обещал достать мне такую пластинку, как только поедет в Штаты.

Хили перемежал свою речь пространными цитатами из немецких философов, конечно же, на языке оригинала. Мне пришлось робко заметить, что немецкого я не знаю, только чуть-чуть французский, после чего Денис буквально замучил меня еще и этим языком.

Под конец ланча я попытался в как можно более сдержанной форме выразить свое восхищение личностью Хили, откровенно сказал ему о своем желании познакомиться с самыми интересными англичанами – Тони Бенном, Эноком Пауэллом, – к которым теперь добавился и он. Видимо, эти излияния все же звучали слишком льстиво. По крайней мере, мне показалось, что собеседник среагировал на них кисло.

Чтобы хоть как-то восстановить свое достоинство, я закончил панегирик так:

– Не сомневаюсь, Денис, что вы станете министром иностранных дел. Торжественно обещаю: где бы ни был в тот момент, я изыщу способ поздравить вас.

Хили оживился и ответил:

– По рукам. Я не забуду тебя, Макс.

Когда пришло время уходить, Хили вдруг помрачнел и сказал, что за свою жизнь утерял немало хороших советских контактов.

– Особенно запомнился мне один молодой советский дипломат, – проговорил он и вздохнул. – Звали его Майкл Любимов. Ты не слышал ли случайно о нем?

Я, естественно, ответил, что нет, хотя речь шла о человеке, принимавшем меня на работу в разведку.

– Впрочем, Майкл принадлежит к другому поколению, и сейчас ему должно быть около пятидесяти, – продолжил мой собеседник. – Мы встретились в начале или в середине шестидесятых, когда я был начинающим теневым министром, облазили вдвоем лучшие лондонские рестораны. Затем пришлось отказаться от всего этого, так как меня назначили министром обороны. А Майкл?.. Его обвинили в шпионаже и выдворили из Англии.

Я часто вспоминаю грустное загорелое лицо Хили, когда его, только что вернувшегося из отпуска, вытащили вместе с

действующим министром иностранных дел Малькольмом Рифкиндом комментировать по телевидению массовую высылку советских представителей, среди которых был и я, состоявшуюся накануне. Хили тогда согласился практически по всем статьям с министром-тори. У меня создалось впечатление, что он умышленно уходил от обсуждения шпионской темы. Что же должно было твориться у него на душе?!

В дверях «Буссолы» Хили обещал, что обязательно пригласит меня с семьей к себе в гости, в загородный домик в Сассексе. Я проводил его до начала Уайтхолла, где он, немного покачиваясь на нетвердых ногах от изрядной дозы спиртного, вскочил в автобус, следовавший в направлении парламента.

Из вечерней программы новостей я узнал, что буквально через пару часов Хили уже гневно обличал южноафриканских расистов на митинге солидарности с коренным населением не то ЮАР, не то Намибии. Его поведение было обычным, только лицо краснело больше, чем всегда.

В мае 1985 года Хили, единственный из английских политических деятелей, отправился в Москву на празднование сорокалетия Победы. Вернулся он полный впечатлений от краткой встречи с Горбачевым, о чем подробно рассказан по телевидению.

А через несколько дней Денис выступил в шоу одного известного английского комика. Его коронная история, сорвавшая взрыв хохота, выглядела примерно так.

После возложения иностранными делегациями венков к могиле Неизвестного солдата Хили замешкался и не заметил, как все иностранные гости куда-то исчезли. Поглазев по сторонам, он увидел дверь в Кремлевской стене, охраняемую часовым из КГБ. Денис уверенно направился туда, недолго думая, показал этому парию, вопросительно глядящему на него, какой-то документ, вытащенный из кармана. Часовой почтительно взял под козырек, и Хили оказался в Кремле. Только тут он понял, что предъявил свою пенсионную книжку.

– В этом нет ничего удивительного, – заявил Денис. – Как бывший боевой офицер, я знаю, что для проникновения в любой штаб, даже самый высший, главное не предъявляемый документ, а уверенность в себе и подобающий внешний вид.

Таков Денис Хили, бесспорно, выдающийся политик и государственный деятель Англии двадцатого века, в то же время великий балагур и эксцентрик. Грубиян и эрудит. Один из отцов натовских доктрин и одновременно едкий критик американской внешней политики. Экс-коммунист, ренегат, с теплом вспоминающий личные контакты с советскими представителями.

Думаю, он, как никто другой, приблизил меня к пониманию сути традиционного лейборизма и вообще западноевропейской социал-демократии.

«Доведется ли нам, Денис, встретиться вновь после моего неожиданного и вынужденного отъезда из Лондона летом восемьдесят пятого года?» – раздумывал я.

Довелось!

Менее чем через год после нашего выдворения из Англии, в конце мая – начале июня 1986 года, Хили находился в Союзе в качестве заместителя главы парламентской делегации. Возглавлял ее заместитель Тэтчер, министр внутренних дел Великобритании Уильям Уайтлоу. Сначала встречи в столице на высшем уровне, затем – Тбилиси.

Я получил от «Нового времени» заказ на интервью, приехал в гостиницу «Советская» к моменту возвращения англичан из Тбилиси, ждал в вестибюле. Хили, взмокший от жары, стоявшей тогда в Москве, в своем неизменно темном, добротном костюме, появился в дверях первым.

Он пристально посмотрел на меня и воскликнул:

– А, Максим Баженов! Как поживает КГБ?

– Не хуже обычного, – ответил я. – Мне, собственно, хотелось бы взять у вас интервью.

– Ну что же, поднимайся ко мне в номер через пятнадцать минут.

С самою начала беседы Хили вел себя чрезвычайно тактично. Ни слова о случившемся в сентябре 1985 года. Он интересовался моей работой над диссертацией, обстоятельно отвечал на вопросы интервью, выражал восхищение стилем нового советского руководства.

– Ты не представляешь, они теперь не только говорят, но и слушают!

Единственное, с чем Денис был в корне не согласен, так это с антиалкогольными мерами, которые, по его мнению, ничего, кроме провала, не сулили.

Разговор наш был прерван телефонным звонком. Хили договаривался об интервью для английских журналистов.

Вдруг раздался стук в дверь, и на пороге появился Вилли Уайтлоу.

– Денис, я думал, ты один…

Хили поспешно встает из-за стола и направляется к двери. Между англичанами произошел непродолжительный разговор на тему о том, где и что сегодня вечером выпить. По крайней мере, это единственное, что мне удалось уловить.

Выпроводив Уайтлоу, Хили сказал:

– Прошу прощения, что не представил тебя. Боюсь, старика хватила бы кондрашка, узнай он, с кем я тут беседую.

– Все понятно, нет проблем, – ответил я. – В этой связи, может, вообще не ставить мою подпись под журнальным материалом?

Хили сперва сказал, что ему все равно, а потом поправился:

– Ты, наверно, прав. Лучше не дразнить гусей. Ведь и меня могут съесть в два счета. Спасибо за предложение. Между прочим, я не забыл о приглашении тебя с семьей к себе в Сассекс.

– Последний вопрос, Денис, – сказал я. – Естественно, не для публикации, а исключительно для моего понимания. Общаясь в Лондоне со мной, а до этого с Майклом Любимовым и другими советскими представителями, догадывались ли вы о том, что имеете дело с вражескими разведчиками?

– Понимаешь, Максим, у вас же добрая половина представителей чистые шпионы, а другая половина все равно вынуждена докладывать в КГБ о своих контактах. Это для нас, британских политиков, аксиома. Дело в другом. Ты же не будешь отрицать, что в Советском Союзе Комитет госбезопасности является самой информированной организацией и что к его мнению в первую очередь прислушиваются в Кремле? Значит, общаясь с разведкой, мы, британские политики – чаще лейбористы, но иногда и консерваторы, – имеем возможность напрямую и на более влиятельном уровне довести свои соображения и аргументы до высшего руководства СССР. Некоторые, конечно, опасаются открытых контактов с врагом, но люди вроде меня – самодостаточные и уверенные на все сто в своей идеологической правоте – не боятся использовать этот канал для продвижения своих политических целей. По крайней мере, таким был подход лейбористского руководства со времен Гарольда Вильсона. К тому же и от вас, советских разведчиков, порой можно узнать интересные детали, характеризующие советский политический курс. Ведь вы иногда неосознанно демонстрируете намного более высокую степень осведомленности, чем ваши чистые дипломаты и журналисты.

Тут настала моя очередь задуматься. Не правда ли, любопытно получается? Оказывается, не только мы их используем, во и они нас. Ведь мы действительно описываем в телеграммах аргументы и нюансы, почерпнутые от высокопоставленных представителей противоположной стороны, которые не всегда возможно или целесообразно озвучить в ходе протокольных дипломатических контактов и даже на встречах в верхах. Иными словами, мы делаем чрезвычайно полезную закулисную работу, приводящую к лучшему пониманию истинных

позиций и намерений друг друга.

В дальнейшем я неоднократно убеждался в том, что скрытая разведка, как это ни парадоксально, способствует прозрачности отношений между странами. Но в первый раз мне открыл на это глаза именно Денис Хили.

Рандеву было окончено. Хили спешил на ужин. Мы тепло попрощались, выразили обоюдную надежду на новую встречу.

Интервью вышло, как я и обещал, без моей подписи. Оно было направлено в Лондон вместе с благодарственным письмом от руководства «Нового времени» и даже гонораром, причитающимся Хили.

Через год после очередного приезда Хили в Москву, последнего в качестве теневого министра иностранных дел, я узнал, что Денис интересовался моей персоной. После поражения лейбористов на выборах 1987 года он ушел в отставку, навсегда распрощался со своей мечтой возглавить британский Форин-офис.

Живой памятник: Феннер Брокуэй

Если бы у разведчиков существовала собственная Книга рекордов Гиннесса, то я наверняка попал бы в нее как человек, работавший с самым возрастным агентом всех времен и народов в современной истории. Про древнееврейских патриархов судить не берусь. Моем у оперативному контакту лорду Феннеру Брокуэю на момент последней нашей встречи в 1985 году было девяносто семь лет. Умер он в восемьдесят восьмом, не дотянув шести месяцев до своего столетия.

Обидно, конечно, что об этом моем подвиге мало кто знает, но что поделать. Разведка дело скромное. Нам, солдатам незримого фронта, не пристало гоняться за публичной славой.

Когда Феннеру перевалило за восемьдесят, в Москве решили, что он окончательно вышел в тираж, сдали его оперативное дело в архив и присвоили ему говорящий псевдоним «Даст», по-английски «пыль», «прах». Но во второй половине семидесятых годов приехал в Лондон мой замечательный коллега Александр Медин, специализирующийся на работе с лейбористами и профсоюзниками. Он встретился с престарелым лордом и выяснил, что курилка-то еще как жив! Он извергает вулканы политической энергии, борется за всемирное разоружение, поддерживает движение неприсоединения и «наставляет на путь истинный» таких своих знакомцев, как Эдвард, для него просто Тедди, Кеннеди, Индира Ганди и прочая, прочая.

Медин возобновил работу с ним как с доверительной связью и по праву гордился в нашем тесном кругу тем, что он – непревзойденный рекордсмен в мировой разведке. Но последнее слово все-таки осталось за лордом, вернее, за его здоровьем. После окончания Сашиной командировки с Феннером почти три года проработал еще и я. С Мединым мы большие друзья, но Феннера Брокуэя он мне никогда не простит.

Уже не помню, когда начались контакты Брокуэя с советскими спецслужбами, но вероятно, еще задолго до Второй мировой войны.

Возможно, в середине двадцатых годов, когда он играл активную роль в борьбе Ирландии за отделение от Великобритании, а также поддерживал антиколониальное движение в Индии. Дело не столько во временном стаже или ценности его разведывательного вклада, а в самом титаническом масштабе и легендарности этой личности.

Брокуэй сам написал о своем жизненном пути свыше двадцати книг, в Интернете ему посвящены десятки страниц.

Перечислять все его деяния просто не имеет смысла. Поэтому упомяну только основное.

Самый молодой член британского эквивалента нашего Союза журналистов. Коллега Бертрана Рассела и Бернарда Шоу по Фабианскому обществу. Убежденный пацифист, сидевший в британских тюрьмах, включая сутки в Тауэре, за отказ от участия в Первой мировой войне. Борец за избирательные права англичанок. Достойнейший оппонент Уинстона Черчилля на парламентских выборах в одном избирательном округе, где он проиграл будущему великому государственному деятелю всего несколько голосов. Друг и союзник Махатмы Ганди и Джавахарлала Неру в деле организации антиколониального движения в Индии. Феннер с большим теплом рассказывал мне, как нянчил на руках только что народившуюся дочку Неру – Индиру Ганди. Вдохновитель добровольческих отрядов, направлявшихся в Испанию для борьбы с фашизмом. Один из самых пламенных и убедительных ораторов в обеих палатах британского парламента. Основатель крупной антивоенной общественной организации Всемирная кампания за разоружение, World Disarmament Campaign. И это далеко не все.

Как бы ни относились к политическим воззрениям Брокуэя его соотечественники, особенно оппоненты из консервативного лагеря, надо отдать им должное. Феннеру Брокуэю, вероятно, единственному в английской истории политическому и общественному деятелю, при жизни, в 1985 году, был поставлен памятник в самом центре Лондона, на Ред-Лайон-сквер. Ни Черчилль, ни Маргарет Тэтчер не удостоились такой чести, а Феннер имел возможность самолично оценить себя в бронзе!

Феннер Брокуэй, несомненно, представлял для советской разведки немалый интерес в силу своего огромного влияния на общественное мнение, причем не только Англии, но и многих других важных стран, а также уникального круга связей. При этом, не будучи коммунистом, он всегда по-доброму, МОЖНО сказать, по-товарищески относился к советским представителям и был открыт к сотрудничеству по всем вопросам, которые нас объединяли. Прежде всего это борьба за мир и разоружение.

Но для меня, тридцатилетнего молодого человека, он стал великим учителем жизни, образцом приверженности своим принципам и несгибаемости характера. Мы встречались много раз, с промежутком в несколько месяцев. Сейчас, когда я по прошествии нескольких десятилетий взялся за эти воспоминания, невозможно восстановить каждую отдельную беседу. Постараюсь описать то, что ярче всего врезалось в память, в формате одной встречи периода 1983–1984 годов.

Это будет недалеко от истины, поскольку свидания наши были неторопливыми и длились порой по много часов.

Итак, приехал я, как и обычно, к полудню в скромный домик на севере Лондона, где Феннер жил со своей дочерью, семидесятилетней бывшей медсестрой.

Она встретила меня у машины и предупредила:

– Сегодня с ним поосторожней. Он плохо спал, и руки-ноги какие-то холодные. Я напичкала его лекарствами.

Я зашел в садик с подарком в руках, двумя бутылками виски. Это был обычный «Johnny Walker Red Label». Дорогих сортов старик не признавал.

Феннер сидел в кресле, был укутан пледом, неровно выбрит чужой рукой, видимо, дочерью, одет в поношенный темный костюм и старый-престарый ярко-красный лейбористский галстук с дырками от трубочного табака, падавшего на него. Перед ним на подносе стоял высокий стакан с виски, разведенным водой.

– А, мой советский друг! Спасибо за подарок, очень кстати, а то прошлую твою бутылку я как раз допиваю. Куда поедем на этот раз? В итальянский?.. Превосходно!

Я повел лорда под руку и осторожно помог ему опуститься на переднее пассажирское сиденье машины, защищая его голову от соприкосновения с дверью.

Путь до ресторана был неблизкий. Мы ехали медленно и коротали время за беседой. Естественно, вопросов у меня хватало.

– Скажите, Феннер, а вы встречались в Лондоне с Лениным?

– Вашего Ульянова-Ленина не припомню, – последовал ответ. – Возможно, он использовал тогда какой-то другой псевдоним. Из тех, предреволюционных, времен вспоминаю только меньшевика Ивана Майского. Впоследствии он долго был послом Советского Союза в Великобритании. Ну и, конечно же, Александру Коллонтай. Эту женщину забыть невозможно! – Тут мой пассажир не на шутку оживился, глаза его загорелись. – Я, начинающий журналист, впервые увидел ее в группе других русских революционеров примерно в двенадцатом или тринадцатом году. Ты просто не представляешь, какая это была женщина! Было тепло, солнечно, на ней было прозрачное платье, через которое… Между нами тогда сложились очень нежные отношения.

«Боже! – подумал я. – Так у него, оказывается, был роман с Коллонтай во времена, когда моя бабушка только собиралась выходить замуж. Уму непостижимо!»

Помечтав о прекрасной Александре Коллонтай, Феннер принялся рассказывать о своем недавнем девяностопятилетнем юбилее.

– Ты знаешь, что я сделал к этой дате со своей огромной библиотекой?

Подарил ее полностью индийскому посольству. Зачем мне эти книги?

Все самое главное в моей жизни вот здесь, в голове. Слава богу, память пока не подводит.

Память у старика действительно была кристальная. Причем чем дальше в глубину лет, тем лучше он представлял себе каждую деталь пережитого.

– И вообще, я же тебе, кажется, говорил о своем моральном принципе.

Если ты претендуешь быть лейбористским деятелем, защищающим интересы рабочего класса, то будь добр жить, как простые люди, – продолжал Феннер. – Давным-давно я определил для себя, что мои расходы на жизнь не должны превышать среднего заработка английских трудящихся. Ты не обижайся, по в этой связи я хочу сказать вот что. Я смотрю с неодобрением на советских профсоюзных боссов, приезжающих сюда, да и на ваше партийное руководство. Все в дорогих официальных костюмах, белых рубашках и при галстуках, вид начальственный, щеки надуты. Прямо буржуи какие-то, а не лидеры социалистического государства. Честно говоря, не очень это все здорово выглядит со стороны.

Я вспомнил, как в предыдущем году, в морозные январские дни, Брокуэй приехал в Москву по приглашению Советского комитета защиты мира. Я тоже оказался там в это время, не помню только, случайно или не совсем. По указанию начальства мы с Сашей Мединым организовали для Феннера обширную деловую и культурную программу. Одним из ее пунктов было посещение Александровского сада около Кремля, с подходом к Вечному огню у могилы Неизвестного солдата и стеле с именами великих социалистов прошлою.

Стела эта была перелицовкой царского монумента времен Александра Третьего. В 2013 году она обрела свой первоначальный вид, имена социалистов были стерты с нее.

Кто из нас может похвастаться, что знает их всех наперечет? Ну, Плеханов, Бакунин, Томас Мор и Прудон, еще несколько имен, но чтобы всех полностью, весь список – этого, как говорится, нам никто не задавал.

И вдруг мы с Мединым увидели, как глаза Феннера набухли от слез. Он буквально сотрясался от эмоций, нахлынувших на него.

– Боже, Уинстенлей! Это же один из величайших социалистов семнадцатого века. Я о нем написал целую книгу. Какие молодцы,

что и его не забыли! Я тронут до глубины души, в очередной раз снимаю шляпу перед людьми, которые делали Октябрьскую революцию!

Шляпу, то есть меховую шапку-ушанку, мы снять Феннеру, конечно, не позволили, так как на улице стоял мороз, лютовало градусов двадцать пять, но момент этот нам отчетливо запомнился.

Наконец-то мы пробились сквозь лондонские пробки и доехали до итальянского ресторана. В зале было довольно оживленно. Феннер настроил на максимум слуховой аппарат, обвивающий его ухо, и начал говорить очень громко.

Для начала нам были предложены аперитивы, и мы остановились на виски, после чего попросили привести бутылочку анжуйского розового вина. Официантка осведомилась, что мы собираемся откушать.

Феннер улыбнулся, хлопнул аппетитную итальянку по попе и громко, на весь зал заявил:

– Дорогая, я вегетарианец с семидесяти пятилетним стажем. Принеси мне чего-нибудь сырного и овощного.

Девушка отошла от нас. Она явно пребывала в шоке. Люди, сидевшие за соседними столиками, начали с интересом поглядывать в нашу сторону.

За одним из них я заметил Хелен Виндзор, симпатичную девятнадцатилетнюю племянницу королевы, трапезничающую в обществе пожилой благообразной дамы. Озорная Хелен пыталась строить глазки мне, тогда еще молодому и смазливому. Но ее строгая дуэнья мигом разглядела красный лейбористский галстук моего компаньона, сделала настороженное лицо и отвлекла ее внимание на что-то другое.

Тут-то и начался настоящий кошмар оперативного работника.

– Дорогой мой! – провозгласил Брокуэй громким скрипучим голосом. – По твоей просьбе я поговорил с Тедди Кеннеди, и он поддержал идею проведения нашей акции против размещения в Британии крылатых ракет. После нашей последней встречи я также связался с Индирой Ганди, и она сказала, что миллионы индусов готовы взяться за руки и образовать гигантскую цепочку в знак протеста против ядерного оружия.

– Тише, Феннер, – сказал я. – Не надо посвящать в наши дела весь ресторан.

– А? Что? Тише? А я что, предосудительные вещи говорю?

В таком вот духе и продолжалась наша беседа. Я ничего не мог с этим поделать. В машине ведь тоже особенно не поговоришь, там, скорее всего, установлена подслушивающая техника. Слава богу, пород потихоньку терял интерес к

чудаковатом у старику и возвращался к содержимому своих тарелок.

Отведав итальянского вегетарианского, Феннер потребовал еще стаканчик виски к кофе и закурил какую-то смешную, полностью обгоревшую трубку.

– Что, неказистая с виду? – осведомился он. – Ее мне подарил Александр Медин на одной из первых наших встреч. Ничего лучшего у меня не было в жизни. Представляешь, в ней куда-то исчезает никотиновая смола, так что мне почти никогда не приходится чистить ее.

Разумеется, после такого застолья вести Брокуэя и сажать его в машину было еще сложнее, чем утром. Я с помощью официанта сперва запихнул туда ногу старика, потом тело и голову, аккуратно предохраняя ее от контакта с дверным проемом, сам сел за руль и взял курс на парламент.

Брокуэй посасывал догорающую трубку, обильно посыпал пеплом галстук и костюм.

– Следующая наша встреча состоится перед самым Рождеством. Что тебе подарить, Феннер? – спросил я.

Старик потрепал меня по коленке и ответил:

– Я знаю, что ты и твои друзья готовы подарить мне что угодно. Но мне ведь ничего в таком возрасте не надо. Впрочем, если ты настаиваешь, я был бы рад недорогому шерстяному свитеру.

Наконец мы оказались у Вестминстерского дворца. Полисмен, дежурящий у ворот, заглянул в машину, узнал Брокуэя и пропустил нас на внутреннюю стоянку. Тут же из здания палаты лордов выбежали два служителя с креслом-каталкой, пересадили туда Феннера и аккуратно повезли.

На прощание он помахал мне рукой.

На выезде со стоянки женщина-полицейская перекрыла движение у Вестминстерского аббатства, чтобы пропустить авто, доставившее лорда на заседание.

Вечером я уселся перед телевизором, чтобы посмотреть девятичасовые новости.

«Выступая сегодня в дебатах по вопросу размещения в Англии крылатых ракет, лорд Брокуэй гневно обличил… призвал мировую общественность…» Старик великолепным ораторским языком изложил практически все вопросы, о которых мы беседовали несколькими часами раньше. Невероятно? Мне самому до сих пор не верится.

Говорят, что после моего выдворения из Англии британская пресса, явно с подачи спецслужб, неоднократно пыталась подковырнуть Брокуэя на предмет связей с советской разведкой.

Его постоянно провоцировали на скандальные откровения, впрямую ничего не приводили, но грязных инсинуаций было море. Девяностосемилетний Феннер стоически выдержал эту атаку, так и не проронил ни слова. А привлекать такую глыбу, живую историю страны к судебной ответственности было просто немыслимо, даже если и имелись бы веские улики против него. Как в том нашем фильме: «Кто его посадит? Он же памятник!»

В моем домашнем кабинете на стене висят четыре фотографии пожилых англосаксов, сформировавших из неопытного советского журналиста-разведчика то, что я представляю из себя сейчас как личность. Один из них, мой канадский гуру по нынешней профессии, не имеет никакого отношения ни к плату, ни к кинжалу. Второй – Ким Филби. Третий – мой фактически второй отец, замечательный журналист Брайен Бойден, о котором я обязательно расскажу отдельно.

Четвертый, самый выразительный – портрет Феннера Брокуэя. На нем этот человек еще «молод», ему не более восьмидесяти. Массивные роговые очки, губы в полуулыбке, взор устремлен немного вверх и вдаль.

Мне все время кажется, что этим своим взглядом он хочет переместить весь богатейший опыт своей жизни в будущее, подарить его грядущим поколениям. Если мне удалось дополнить хотя бы несколькими штрихами портрет этого выдающегося человека, великого гуманиста двадцатого века, то я уже счастлив.

Элегантный платочек и запах духов: Джоан Раддок

Она родилась в 1943 году, окончила лондонский Imperial College, в 1982–1985 годах была председателем антивоенной организации Кампания за ядерное разоружение, Campaign for Nuclear Disarmament, Си-Эн-Ди. Член парламента с 1987-го. До 1988 года принадлежала к левому крылу Лейбористской партии. В 2007–2010 годах занимала ряд министерских постов в лейбористском правительстве. В 2012-м произведена в рыцарское звание Dame Commander of the British Empire, DBE.

В эту женщину трудно не влюбиться. Когда мы встретились зимой 1982 года, ей было уже под сорок. Чертовски привлекательна, хотя и не красавица в классическом смысле. Безукоризненная манера поведения и элегантная одежда. Мягкость и женственность в сочетании со спокойным, глубоким умом. Какое-то всеобъемлюще материнское, притягивающее начало и в то же время ореол недоступности.

В 1982 году Джоан была уже почти на гребне своей популярности. Совместно со священником Брюсом Кентом она, председатель Си-Эн-Ди, Кампании за ядерное разоружение, превратила эту хиреющую организацию в грозу правительства. Двухсопысячные митинги в Гайд-парке ставили под огромный вопрос успех консерваторов в деле размещения на Британских островах американских крылатых ракет. А раз так, то Си-Эн-Ди, в первую очередь лидеры этой организации, становились врагом номер один правительства Тэтчер.

Немало разноречивых мнений можно услышать о политических взглядах Джоан. Критики слева обвиняли ее в умеренности и соглашательстве, которые выражались, по их мнению, в том, что она возглавляла организацию среднего класса. Приписывали ей и антисоветизм. Однако возьму на себя смелость утверждать, что Раддок, как бы ни заставляла ее жизнь выступать на публике, являлась по меньшей мере преданной сторонницей левого лейборизма и с немалой долей симпатии относилась к нашей стране.

У меня, естественно, и в мыслях не было затевать роман. Но личность Джоан очень уж сильно притягивала меня, когда видел ее по телевидению. В результате я по личной инициативе, благо ежедневные журналистские дела не требовали согласования с руководством резидентуры, решил во что бы то ни стало вступить с ней в контакт.

Задумал я познакомиться с этой известной англичанкой под предлогом интервью к 8 Марта и смело написал ей письмо на адрес Си-Эн-Ди. Вскоре пришел рукописный ответ из ее родного города Рединга. Да, интервью, в принципе, возможно. Джоан просила меня позвонить ей, только домой поздно вечером, а не на основную работу в Бюро социальной поддержки населения, Citizen's Advice Bureau, чтобы не было пересудов, что она, мол, использует рабочее время для выполнения своих общественных обязанностей.

Я позвонил, и мы договорились встретиться на вокзале Паддингтон. Она – по пути на заседание правления Си-Эн-Ди, а мне это совсем рядом с домом.

На перроне, весьма многолюдном, я без особого труда нашел со вкусом одетую женщину с шелковым платочком на шее и значком Си-Эн-Ди на бежевом плаще. Я предложил ей пройти ко мне домой, она отказалась. Я заикнулся об угощении, Джоан ответила, что не имеет права давать повод кому-либо интересующемуся подозревать, будто она «кормится, за счет русских. Но на чашку кофе в привокзальном кафетерии она все же согласилась.

Джоан просто и скромно рассказала о себе, вернее, о своей работе, о целях Си-Эн-Ди и о положении в антивоенном движении. В беседе с глазу на глаз – если кто-то за нами и следил, то только издалека – она чувствовала себя достаточно свободно для того, чтобы выразить поддержку советских инициатив в области разоружения.

Я спросил, не опасается ли она подрывных действий в отношении организации или ее лично со стороны английских спецслужб. Джоан ответила, что такая вероятность существует, она вполне реальна. Но Си-Эн-Ди нечего бояться. Ведь эта организация не имеет никаких тайн и идет в бой с открытым забралом. А вот в том, что СССР представляет меньшую опасность для дела мира, чем США и НАТО, Джоан была твердо убеждена, хотя из тактических соображений предпочитала это не подчеркивать в своих публичных выступлениях.

После часовой беседы Джоан встрепенулась, взглянула на часы и побежала в метро, чтобы поспеть к началу заседания правления. А я, очарованный ее обаянием и даже запахом духов, не спеша пошел домой, где тут же написал материал «Секрет популярности», который получился, как говорится, «от души», что впоследствии подтвердилось многочисленными положительными отзывами читателей моей газеты.

Между нами, видимо, что-то промелькнуло. Через несколько дней Джоан уже с готовностью согласилась на повторную встречу

на Паддингтоне. Телефонный разговор был примерно такой: завтра там же, тогда же.

Я устно перевел ей текст статьи. Она в целом ее одобрила, попросила только смягчить моменты, связанные с деятельностью спецслужб, сказала, что ей не хочется вступать с ними в открытый конфликт. На этот раз Джоан гораздо больше улыбалась и выглядела намного более раскрепощенной.

Впоследствии, встречаясь со мной на массовых мероприятиях, Джоан подчеркнуто не выделяла меня из других журналистов, хотя было ясно, что беседы наши ей запомнились. Она, вероятно, стеснялась своей откровенности во время той первой встречи и поэтому держалась умышленно холодно.

Джоан стремительно превращалась в признанного лидера антивоенного движения, в его символ и быстро училась осторожности. К концу 1983 года стало очевидным то, о чем мы с ней могли только догадываться. Си-Эн-Ди превратилась в объект самого пристального внимания со стороны английской контрразведки.

И вот на стыке 1984–1985 годов произошло чрезвычайное событие. Недавно ушедшая в отставку мятежная сотрудница МИ-5 Кэти Масситер рассказала в интервью телекомпании «Четвертый канал» об обстоятельствах оперативной разработки руководства Си-Эн-Ди, и в частности Джоан Раддок. По словам Масситер, Джоан трудно было подогнать под категорию подрывных элементов. Для того чтобы добиться официального разрешения на ее разработку, руководство контрразведки пустилось наследующее ухищрение.

«В свое время, как нам удалось установить, Раддок дала интервью советскому журналисту, который в действительности являлся кадровым офицером КГБ, – заявила Масситер. – Раддок, конечно, не могла знать об этом, но данный факт позволил нам завести на нее дело».

Правая печать пыталась не раздувать потенциально назревающий скандал, смущенно молчала. А вот левая пресса, в том числе, кстати, и коммунистическая «Морпинг Стар», стала активно требовать расследования, добивалась, чтобы непременно был назван этот советский журналист. Но Масситер к этому времени, по всей вероятности, уже успели заткнуть рот, а Раддок благоразумно отмалчивалась, заметила лишь, что за время пребывания на посту председателя Си-Эн-Ди она, вероятно, дала интервью не менее чем дюжине советских журналистов.

Однако как ей, так и мне было абсолютно ясно, о чем и о ком идет речь. Далеко не каждый журналист звонил ей домой, получал от нее письма и встречался для частных разговоров в

кафетерии. Последний раз я видел Джоан на приеме в советском посольстве по случаю сорокалетия Победы. Мы лавировали в толпе приглашенных и усиленно избегали личной встречи. Но однажды наши взгляды все же перехлестнулись. Лицо Джоан было совершенно спокойно, но в ее выразительном взоре читалось очень многое – и удивление, и немного гнева, и даже уважение. Друг на друга смотрели люди, между которыми было нечто, известное только им двоим.

Если мне не изменяет память, я не написал о Джоан Раддок ни одной оперативной справки. Никто меня за это не ругал, хотя о контактах наших было известно руководству резидентуры. Это я к тому, что, вопреки устоявшемуся мнению, советские оперативные работники вовсе не были роботами, обязанными письменно фиксировать все мало-мальски значимые контакты с иностранцами.

Вероятно, у каждого из нас были свои, скрытые от начальства и коллег уголки сознания и аспекты деятельности, которые мы предпочитали не класть на бумагу, по крайней мере до поры до времени. До определенного предела это нам дозволялось.

Знаю случаи, когда коллеги-разведчики на свой страх и риск ничего не докладывали о ведущейся оперативной разработке даже такого исключительно важного контингента, как шифровальщики! Они не делали этого практически до того момента, когда клиент был готов, его можно было вербовать. Потом придумывалась легенда, по которой, скажем, полугодичная работа изображалась как нечто скоротечное. Пара-тройка встреч за последние недели, и вот тебе результат! Делалось это, как правило, из суеверного страха спугнуть добычу. Да и в случае неудачи никто не стал бы ругать за недостач очное мастерство. Иногда такое сходило с рук, хотя и не всегда.

Однако вышесказанное не имеет отношения к Джоан Раддок и советскому то ли журналисту, то ли разведчику. Скорее всего, Джоан, по крайней мере тогда, не удостоилась персонального файла в ясеневских архивах из-за запаха своих духов и платочка, элегантно повязанного на шее.

Лейборист из собственного замка: Тэм Диэл

Полные имя и титул – сэр Томас Далиелл (1932–2017), одиннадцатый баронет Биннза. Член парламента от Лейбористской партии с 1962 по 2005 год. С 2001 года старейшина палаты общин. Член Европейского парламента в 1975–1979 годах. В 1978–1979 годах свыше ста раз голосовал против собственного правительства.

Инициатор антитэтчеровской кампании в период Фолклендской войны 1982 года. Активно выступал также против политики Великобритании во время войн в Персидском заливе, в Косово и Ираке.

В 2003–2006 годах ректор Эдинбургского университета.

Тэм Диэл – самый незаурядный из «моих британцев». Чистокровный шотландец, он наверняка обиделся бы, узнав, что я назвал его англичанином. Один из самым дорогих моему сердцу друзей, оставленных на Британских островах.

Познакомились мы в парламенте осенью 1980 года, когда я привел туда заезжего профессора Московского университета. Тэм, бывший в то время теневым министром науки, потратил на нас почти целый день. Он обстоятельно, с интереснейшими комментариями показал нам все помещения Вестминстерского дворца, накормил нас в буфете палаты общин. Особенно мне запомнилась его манера покупать, в зависимости от сезона, черешню или виноград в пакетике и шоколадки к кофе. После этого Диэл усадил меня и профессора в почетную ложу для высокопоставленных гостей, откуда я впервые слушал выступление Маргарет Тэтчер.

С тех пор Тэм неоднократно оказывал такую услугу мне, жене, моим гостям. Он даже предлагал стать экскурсоводом для группы одноклассников моей дочери из советской школы.

В кулуарах парламента Диэл познакомил меня с лидером лейбористов Майклом Футом, ковылявшим в ту пору со сломанной ногой, одетым в поношенную одежду и вельветовые туфли и производившим поистине жалкое впечатление, с теневым министром иностранных дел Денисом Хили, стоявшим с подносом в очереди в парламентском кафетерии, со старейшим парламентарием Бобом Эдвардсом и многими другими именитыми личностями. Диэл неизменно представлял меня как ленинградца, своего друга из «Советской индустрии». Он никак не мог запомнить правильное название газеты –

«Социалистическая индустрия».

Именно Тэму Диэлу я обязан знанием большинства традиций и правил работы английского парламента. Он показал мне человеческое лицо этого незыблемого оплота британской власти.

При первой же встрече Тэм мне рассказал историю своего предка, генерала Томаса Далиелла, служившего в армии царя Алексея Михайловича Романова.

– Во время афганских событий восьмидесятого года, когда я выступил с резкой критикой западной позиции, про меня в парламенте так и говорили. Ну что, мол, от Диола ожидать, ведь еще его предки преданно служили русским, – лукаво произнес он.

Тэм тогда обратился ко мне с просьбой по возможности отыскать в Москве сведения о его прародителе. В отпуске я специально отправился в Государственный архив СССР, где обнаружил следующие сведения.

Генерал-поручик Томас Далиелл прибыл в Москву 21 июля 1656 года и подал царю Алексею Михайловичу грамоту от короля Карла Второго, жившего тогда в Кельне, с рекомендацией о принятии его и нескольких других английских офицеров в российскую службу, «яко весьма искусных людей в знании военных дел». Документы Разрядного приказа, главного военного ведомства в России семнадцатого века, свидетельствуют о том, что Томас Далиэлл в чине генерал-поручика командовал полком солдатского строя, в котором числилось 28 начальных людей, то есть офицеров, и 973 рядовых, участвовал в боевых действиях против польско-литовских войск в Полоцке, под Невелем и Великими Луками. Он, вероятно, пользовался расположением царя Алексея Михайловича, который в грамоте воеводе И. Л. Хованскому летом 1660 года писал, чтобы тот «к генералу Томасу Далиеллу держал привет и ласку, и в ратном ученьи воли у него не отнимал, и учинил бы его енералом надо всею пехотою и над стрельцами для того: ведомо ему, великому государю, учинилось, что он. Томас, служит ему и радеет и ратное ученье и всякой ратный строй ему за обычай».

Диэл на удивление доброжелательно относился к Советскому Союзу. Сам он бывал в нашей стране трижды и подробно описал свои впечатления в материале, заказанном ему для моей газеты. В период очередной антисоветской кампании, последовавшей за выдворением в марте 1983 года трех советских представителей. Тэм выступил в печати с резким осуждением политики консерваторов, направленной на подрыв англо-советских отношений.

После объявления меня персоной нон грата он оказался единственным из моих знакомых, который нашел в себе мужество

направить министру внутренних дел Дугласу Херду открытое письмо. В нем, в частности, говорилось, что он хорошо лично знал одного из выдворенных русских и может поручиться, что его поведение было безупречным. Это заявление обошло тогда все британские газеты.

По своей принципиальности и чувству справедливости из знакомых мне британских политиков с Диолом мог сравниться разве что ольстерский юнионист Энок Пауэлл. Тэм с огромным уважением относился к Майклу Футу, хотя в семидесятые годы они ожесточенно бились, стояли по разные стороны баррикад по вопросу об отделении Шотландии. Несмотря на близкие личные отношения с Денисом Хили, он тем не менее в 1981 году на исторических выборах заместителя лидера партии голосовал за его оппонента Тони Бенна. Почему? Диэл чувствовал в нем перспективного политика, хотя и не разделял его левых взглядов.

С особой силой бескомпромиссность Диэла проявилась в период Фолклендского кризиса, превратившего его в политического деятеля национального масштаба.

Вот как он описывает обстоятельства начала для него лично этой войны в своей книге «Фолкленды в одиночку».

«Во вторник 23 марта я угощал ланчем в кафетерии палаты общим молодого ленинградца Максима Баженова, лондонского корреспондента „Советской индустрии", Мы обсуждали вопрос отношения Лейбористской партии к международному научному сотрудничеству и другие проблемы, входящие в мою компетенцию в качестве теневого министра науки.

Неожиданно на в нутрипарламентском телемониторе появилось объявление:

„Обсуждается инцидент на острове Южная Георгия".

Мой гость и я удивились тому, насколько же важные события должны были произойти на Южной Георгии, чтобы их обсуждали в парламенте. Разговор перешел на тему о Договоре об Антарктиде 1959 года. Я упоминаю эту незначительную деталь для демонстрации того, насколько мало члены парламента знали о надвигающейся Грозе в Южной Атлантике всего за 9 дней до решения премьер-министра направить туда военно-морскую армаду».

Тэм Диэл фактически возглавил кампанию против войны в Южной Атлантике или, по крайней мере, стал ее идейным вдохновителем. При этом он прочно опирался на свой опыт военно-морского офицера и знание Латинской Америки. Помогали и личные связи среди высшего генералитета страны, в частности родственные отношения с Артуром Теддером, который в период Второй мировой войны был заместителем Эйзенхауэра,

верховного главнокомандующего союзных войск в Европе.

От дяди Тэм, например, узнал, что решение о направлении армады было принято Тэтчер вопреки мнению военной верхушки. Опираясь на эту информацию, Диэл неоднократно публично предостерегут правительство против эскалации конфликта. Нет нужды говорить, что очень скоро он превратился в любимый предмет насмешек шовинистически настроенной прессы.

При обсуждении в парламенте в начале апреля 1982 года вопроса о Фолклендах лейбористская фракция воздержалась при голосовании о направлении армады. Тэм оказался среди тридцати трех бунтовщиков, ослушавшихся рекомендаций руководства партии, и был уволен с поста теневого министра науки. С другой стороны, это развязало ему руки. Он превратился в самого беспощадного критика политики консерваторов, вызывавшего смятение и замешательство в рядах своих противников. Ох, как непопулярно это было в те дни.

Но вот что интересно. На выборах в июне 1983 года Лейбористская партия, занявшая соглашательскую позицию по Фолклендам, серьезно ухудшила свои позиции в парламенте, в то время как Тэм Диэл победил в своем округе с возросшим большинством. Он получил от своих избирателей сотни писем. Всего лишь в одиннадцати из них они критиковали его за Фолкленды.

Да, обязательно надо отметить, что Диэл всегда был депутатом, на редкость уважаемым избирателями, которого почитали в округе за отца родного. В этом я имел возможность убедиться, побывав однажды на его приеме избирателей, именуемом по-английски surgery.

Кульминацией фолклендской кампании для Диэла стали его публичные выступления в связи с гибелью аргентинского крейсера «Генерал Бельграно». В процессе самостоятельного расследования он пришел к выводу о преднамеренном характере затопления крейсера английской подводной лодкой «Конкорер». Правительство Тэтчер пыталось спровоцировать вооруженное столкновение.

Тэм вцепился в консерваторов как клеш… Он систематически выжимал из смущенных министров все новые противоречивые показания, свидетельствующие о том, что тори умышленно затирали правду об обстоятельствах трагедии. И Тэтчер, и министр иностранных дел Фрэнсис Пим, и министр обороны Майкл Хезлтайн затравленно взирали на дотошного парламентария как на кару небесную. Его называли эксцентриком, одержимым, психом.

Конфуз властей достиг апогея, когда Диэл выдвинул свой

знаменитый тезис:

«Премьер-министр, отдавшая приказ о неспровоцированном затоплении „Бельграно“ ради достижения своих политических амбиций, также держит палец на ядерной кнопке».

Странное дело, английская печать, еще вчера соревновавшаяся в изобретении для Тэма уникальных эпитетов, неожиданно принялась популяризировать его позицию. По всей видимости, сказалось общее падение популярности Тэтчер, утеря ею ореола славы, приобретенного в ходе фолклендского конфликта. Хотя, с другой стороны, можно предположить и иное. Именно кампания, развернутая Диэлом почти в одиночку, способствовала дискредитации Тэтчер.

Вскоре появилось и нашумевшее дело Клайва Понтинга, высокопоставленного чиновника Министерства обороны. Тот нарушил законы и прислал Диэлу документы, свидетельствовавшие о том, что военный министр Хезлтайн умышленно искажал перед парламентом и народом правду о фолклендской кампании. Тэм торжествовал.

Здесь справедливо будет спросить, где же в этом рассказе про Тэма Диэла и его фолклендскую кампанию советская разведка? Резонный вопрос. Если отвечать на него по-честному, то надо признать, что на моей дружбе с Диэлом и я, и вся наша служба заработали немало очков. Учитывая отсутствие в наших отношениях какой-либо конспирации, статус у него в Ясенево был скромный – официальная информационная связь.

Но от Диэла порой поступали настолько интересные сведения, что далеко не все глубоко законспирированные агенты способны были добыть нечто подобное. Тэм полностью сосредоточился на сборе в своих целях сведений об этой войне, имел обширные связи в высших военно-политических кругах. Он выдавал мне нюансы, крупинки очень ценной информации, которые после аналитической обработки удачно дополняли мозаику общей картины южноатлантической кампании Тэтчер.

Помимо этого, все, что Диэл озвучивал в своих парламентских выступлениях и в прессе, практически целиком совпадало с позицией Советского Союза. Более того, его речи были намного более талантливы и креативны, чем тезисы так называемых активных мероприятий, поступавшие в лондонскую резидентуру из Ясенево. Мне оставалось только изредка мягко, по-дружески посоветовать Тому обратить особое внимание на тот или иной аргумент. Как правило, он с благодарностью принимал мои советы и пользовался теми подсказками, которые усиливали его позицию.

Здесь будет уместно сказать несколько слов об активных

мероприятиях, только что упомянутых. Это направление занимало в пашей деятельности, вероятно, второе место после сбора информации. Не помню точного определения, придуманного в Краснознаменном институте. Но суть этой деятельности состояла в том, чтобы добиться появления в СМИ или публичного озвучивания выгодных нам тезисов. От книги или статьи, полностью подготовленной ясеневскими аналитиками, до включения в самостоятельное произведение какой-либо персоны, авторитетной в своей стране, хотя бы одного нашего тезиса. Сюда же относилось инспирирование мероприятий, отвечающих нашим интересам, к примеру массовых протестных акций различного рода.

В центре разработкой активных мероприятий занимались самые хитроумные и литературно одаренные сотрудники, объединенные в специальную службу. Многие из них и сейчас дали бы сто очков вперед самым изощренным современным политологам, мастерам грязных технологий по оболваниванию населения с целью, например, выигрыша депутатских или даже президентских выборов.

Но вернемся к Тэму. Он, безусловно, был эксцентриком, человеком одержимым, но, если хотите, очаровательным, где-то расчетливым, стремящимся привлечь внимание к своей проповеди. Диэл порой вел себя странновато. Достаточно было взглянуть на каплю пота на его носу, когда он в двадцатипятиградусную жару щеголял в твидовом пиджаке, шерстяных джемпере и носках. Но Тэм вовсе не сошел с ума. Он просто был избыточно честен и порядочен. Рыцарь. Дон Кихот нашего времени.

Летом 1984 года, узнав, что я с семьей собираюсь в Шотландию, Диэл пригласил нас к себе. Мы выехали из Эдинбурга и вскоре оказались в родовом поместье Диэлов – Биннз, о котором Тэм много рассказы вал мне.

Говорили, что Диэл был единственным парламентарием, к тому же лейбористом, жившим в собственном замке. Злые языки утверждали также, что на воротах лейбористского замка висит надпись «Плата за вход – 80 пенсов». Ходила также молва, что не одного гостя Диэла спугнули привидения, а предок его, Томас Далиелл, тесно общался с самим дьяволом.

Все это соответствовало действительности. С той только разницей, что плату за вход взимало не семейство Диэлов, а Национальный трест, в чью опеку сдано имение в 1974 году матерью Тэма. Семье Диолов предоставлена в вечное пользование часть апартаментов. У въезда же нас встретило стадо павлинов, чьи крики и впрямь нетрудно принять за вой привидений. Плюс к

этому зловещий скрип ступеней дубовой лестницы, иссушенной веками, когда ночью, в оглушающей тишине, направляешься в туалет.

Тэм встретил нас у крыльца, познакомил с женой Кэтлин, сыном-студентом и пятнадцатилетпей дочкой. Он сразу же сообщил, что специально по случаю нашею приезда сюда приглашены признанный мировой авторитет по вопросам гонки вооружений профессор Джон Эриксон с супругой и родители Кэтлин. Ее отец – верховный судья Шотландии. Здесь и восходящая звезда Лейбористской партии Джон Смит, который вот-вот должен возглавить британскую оппозицию. В скором времени он действительно был избран лидером лейбористов, причем многообещающим, но стать премьер-министром ему было не суждено по причине неожиданной смерти в довольно молодом возрасте.

Нет нужды говорить, что непринужденный дружеский вечер, проведенный в такой компании, нагрузил меня по уши бесценной военной и политической информацией, получившей самые высокие оценки в штаб-квартире советской разведки.

Гостеприимный хозяин для начала предложил нам прогулку по парку.

Мы остановились у пруда, и Тэм сказал:

– Про моего предка, первого баронета Томаса Далиелла, ходит множество легенд. Одна из них о том, что он как-то сел играть в карты с дьяволом и обыграл его. Разгневанный дьявол схватил карточный стол и запустил им в Томаса, но промахнулся, и стол упал в пруд. Самое интересное, что когда мы несколько лет назад осушили пруд, чтобы его почистить, на дне действительно оказались останки карточного стола семнадцатого века.

За этим последовал беглый осмотр помещений и распределение жилья. Нашей дочери досталась комната короля, апартаменты с лепными украшениями семнадцатого века, предназначавшиеся специально для Карла Первого.

Помнится, нас тогда поразила свежесть и сухость воздуха и вообще здоровый климат замка. Вероятно, впервые в жизни мы ощутили, какое это счастье, жить на лоне природы, в помещении, построенном из натуральных материалов, без какой-либо примеси химии.

Вот гравюра с изображением царя Алексея Михайловича, старинный русский самовар, тысячи мелких украшений и предметов, заботливо разложенных на свои места, вплоть до какого-то сувенира, подаренного уже нами. Знаменитые кожаные ботфорты кровавого Томаса Московита, которые, как мне

кажется, не сносятся веками. Портреты и все такое прочее.

Вот она, многовековая история, сказочно богатая этими мелочами, традициями. У семьи Диэлов есть прошлое, имеются корни. Значит, она спокойно живет в настоящем и уверенно смотрит в будущее. Насколько же важно беречь историю, как семьи, так и государства!

Подобное чувство мы испытали, посетив тем же летом имение герцогов Мальборо Блэнэм-пэлас. Там я впервые осознал, что, впитав в себя вековые традиции предков, гуляя по дышащему историей парку, молодые Мальборо – там же, кстати, был взращен и Уинстон Черчилль, родственник этих герцогов? – должно быть, учатся без суеты взирать на настоящее, по-философски, с достоинством относиться к жизни.

Но вот ироническое добавление к моим высокопарным рассуждениям. Вскоре я узнал, что наследник рода Мальборо – законченный наркоман и педераст.

Мой английский отец Брайен Бойден

Настало время рассказать о моем самом любимом англичанине – Брайене Бойдене, которого я искренне считаю своим вторым отцом. Пока я писал эту книгу, его не стало. Брайен ушел из жизни весной 2015 года, в восемьдесят семь с половиной лет. Почти до самой его кончины мы регулярно обменивались письмами по электронной почте и постоянно планировали встретиться где-нибудь в континентальной Европе. Например, в швейцарском замке, расположенном недалеко от Цюриха, принадлежащем его жене Барбаре, урожденной баронессе Цоликофер, энергичной аристократке одного с Брайеном возраста, бывшей балерине.

Детей Брайену с Барбарой Бог не послал. Жили они всегда в окружении кошек в скромном домике, правда, в престижном лондонском районе Уимблдон, известном благодаря знаменитому теннисному турниру. В доме было полно книг. Они не только стояли на стеллажах, но и лежали стопками на всех столиках.

В то же время в доме никогда не было телевизора. Брайен говорил, что информацию он получает из сообщений радио. Ему достаточно узнать только факты, а дальше мозговой компьютер опытнейшего журналиста достраивает всю картину события.

В буфете теснилась масса разнокалиберных бокалов. По мнению хозяина, так, во-первых, было экономнее. Во-вторых, преимущество состояло в том, что каждый гость пил из своего индивидуального сосуда и не мог взять по ошибке бокал другого человека.

На стенах висело целое море фотографий. Вот Брайен стоит в обнимку с выдающимся госсекретарем США Генри Киссинджером. Вот он получает какую-то награду из рук американского президента, ведет оживленные беседы с высшими политическими руководителями других стран. Короче, чуть не вся история второй половины двадцатого века.

Когда я впервые увидел Брайена Бойдена, ему было пятьдесят с небольшим. Крупный приятный мужчина, лысоватый, с бородкой и в очках. Почему-то он все время напоминал мне Солженицына, хотя если приглядеться, то сходство было весьма отдаленным. Носил Брайен в ту пору свободно сидящие серые костюмы-тройки с обязательными карманными часами на элегантной золотой цепочке, погруженными в жилетный карман.

Все эти детали в совокупности с тем, о чем мы с Брайеном беседовали, настолько повлияли на формирование моей натуры, отношение к англичанам, политике и к жизни в целом, что без

них я однозначно был бы абсолютно другим человеком. Временами я ловлю себя на том, что поведением, жестами, интонациями повторяю своего настоящего, генетического отца, и так же часто замечаю, что одеваюсь, курю трубку, пью вино, вообще веду себя и даже рассуждаю, как Брайен.

Как-то раз зимой он пришел ко мне в гости в потрепанной куртке-парке, осторожно стянул это старье с плеч и с гордостью произнес:

– Подарок израильских солдат, когда я ночевал с ними в пустыне Негев. Если бы не эта парка, то я точно замерз бы насмерть.

Так я впервые узнал, что в пустыне, оказывается, можно умереть от холода. Эта парадоксальная мысль постоянно бередила воображение. Спустя четверть века я все же выбрался посмотреть на эту самую пустыню Негев, а еще через четыре года отважился переночевать в палатке в соседней иорданской пустыне Вади Рам. Там действительно было холодно, даже под верблюжьим одеялом!

Познакомились мы с Брайеном через пару месяцев после моего приезда в Лондон, осенью 1980 года, и с тех пор не расставались почти пять лет. Знакомство состоялось, можно сказать, в лучших английских традициях. Видный в то время банкир, бывший дипломат Квентин Дэвис пригласил меня на ланч в один из самых престижных клубов Пэлл Мэл – Junior Carlton. Откушав в ресторане, мы, как водится, переместились на кофе с портвейном и сигарой в библиотеку клуба, где, утопая в потертых кожаных креслах, изучали газеты несколько солидных джентльменов.

Квентин по-дружески поздоровался с одним из них и представил нас друг другу. При этом он выразил убеждение в том, что мы обязательно должны познакомиться, ибо нам есть о чем говорить.

– Брайен, вне всякого сомнения, один из самых лучших английских журналистов-международников, заместитель главного редактора «Экономиста», – охарактеризовал Квентин моего нового знакомца.

Последовал обмен визитками и обещание Бойдена связаться где-нибудь через недельку.

Я возвращался домой в взволнованных чувствах. Не каждому начинающему разведчику удастся уже через пару месяцев после начала первой командировки попасть в один из самых крутых английских клубов, да еще познакомиться там со светилом британской журналистики.

Едва дождавшись конца недели, я не вытерпел и сам набрал

телефон многообещающего контакта. Брайен откликнулся с готовностью. Он сам как раз собирался мне звонить.

Мол, почему бы нам не встретиться за ланчем через пару дней в ресторане таком-то? Не возражаю ли я, если он возьмет с собой начинающую журналистку, специализирующуюся у него в отделе на России и даже немного говорящую по-русски?

И вот мы встретились – я, Брайен и Эдвина Мортон, молодая женщина с пшеничными волосами родом из Йоркшира, о чем свидетельствовал ее акцент, не перебиваемый никаким образованием. С ней тоже связано множество дружеских воспоминаний. Забегая вперед, скажу, что из подающего большие надежды новичка, какой Эдвина была в 1980 году, она выросла в очень крупного журналиста и после ухода Брайена Бойдена на пенсию сменила его на посту редактора международного отдела «Экономиста».

Для начала мне пришлось выдержать компетентный перекрестный допрос по СССР, из которого стало понятно, что мои собеседники – великолепные специалисты по нашей стране. Но взамен и я получил немалую порцию информации, интересной не только в журналистском плане, но даже и с точки зрения политической разведки.

И пошла писать губерния. С Брайеном мы очень быстро подружились и стали встречаться регулярно, вдвоем на ланчах или в его офисе на Сент-Джеймс-Сквер, иногда семьями в симпатичных ресторанчиках либо наносили друг другу домашние визиты.

С одним из таких визитов на званый ужин в дом Бойденов связаны воспоминания, от которых меня до сих пор бросает в дрожь. В тот вечер туда званы были один из лидеров Социал-демократической партии Великобритании, высокопоставленный сотрудник Госдепа США и видный индийский журналист. Дело было в 1981 году, когда мировым ньюсмейкером стала польская «Солидарность» во главе с Лехом Валенсой, возглавлявшая борьбу с коммунистическим режимом в Польше. При обсуждении этой темы за столом дернул меня черт уничижительно отозваться о неблагодарных поляках, о которых, дескать, с подозрением отзывались еще Достоевский и Энгельс.

После гробовой паузы вдруг неожиданно взорвалась Барбара Бойден, швейцарка по происхождению. Она ледяным тоном заметила, что русским всегда был присущ великодержавный шовинизм в отношении не столь крупных наций.

– В своем доме я привыкла принимать людей, не страдающих комплексом национального превосходства!

Ужин, а вместе с ним и многообещающие знакомства едва

удалось спасти. Вернувшись домой, я первым делом вспомнил, как на семинарах в Москве Ким Филби внушал нам, начинающим оперативным работникам, что никогда не следует допускать в присутствии англичан критических высказываний в адрес той или иной нации, даже самой малой.

Чаще всего мы с Брайеном шушукались вдвоем на встречах в незатейливых ресторанчиках или у него в офисе. По форме общения это был не чинный обмен информацией, а скорее горячий, порой даже ожесточенный спор идеологических антиподов, проамериканскою империалиста и адепта светлого коммунистического будущего.

Надо сказать, что Бойден в западных политических кругах давно приобрел репутацию ястреба. Еще в начале шестидесятых, работая корреспондентом «Экономиста» в США, он получил прозвище Бомба Брайен за призывы окончательно разбомбить Вьетнам. Кстати, по этой причине ему в конце шестидесятых отказали в советской визе. Это сильно огорчило и напугало Брайена.

С тех пор он так и не попытался посетить ни СССР, ни постсоветскую Россию. Тем не менее этот человек испытывал глубокий интерес и симпатию ко всему русскому, объяснял это своими национальными корнями. Его бабушка по имени Нина была наполовину русской, наполовину итальянкой.

– Думаю, я с удовольствием выбрал бы для жизни одну из сверхдержав, Америку или Россию, но на пятьдесят один процент все же Америку, – говаривал он в те годы. – Англия для меня слишком местечковая страна, с мелочными интересами и консервативным менталитетом.

Приведу еще одно доказательство скрытой симпатии моего любимого англичанина к России.

– Как-то раз мы с Барбарой долго-долго путешествовали по Китаю, недели три, если не месяц, – рассказывал мне Бойден. – Вокруг, а также по телевидению и радио, китайская речь. Утром, днем и вечером – тамошняя еда. Она хоть и вкусная, но тоже надоедает. Короче, полная тоска по чему-нибудь нашему, европейскому. И вдруг в одной из северных провинций, недалеко от границы с СССР, наше радио уловило программу на русском языке. Мы, конечно, не поняли ни слова, но она показалась нам такой родной, что мы чуть не заплакали от умиления. Насколько же вы, русские, ближе нам, чем китайцы!

Не будем забывать, что в ту пору я, начинающий разведчик, был не просто обязан докладывать начальству обо всех своих контактах, но и предпринимать целенаправленные усилия по развитию отношений с наиболее перспективными из них.

Конечной целью являлась вербовка в качестве агента или, на худой конец, доверительной связи.

Для сведения скажу, что агент – ото тот человек, который по той или иной причине – идея, деньги или наличие на нею компромата – сознательно сотрудничает с иностранной разведкой, выполняет ее поручения. В паре «оперативник-агент» последний всегда занимает подчиненное положение. Ведь он, так или иначе, расписывался в своей готовности сотрудничать и поэтому нарушить свое обещание не может, не должен. Агентурная работа на иностранную разведку – это прямое нарушение законодательства любой страны. Поэтому связь с агентурой всегда осуществляется на сугубо конспиративной основе.

С доверительной связью обстоит по-иному. В большинстве случаев это человек, который не даст никаких формальных обещаний, по собственной воле – и, добавим, часто до определенных пределов – поставляет информацию иностранному представителю. Как правило, он знает или догадывается, что имеет дело с разведчиком, но бывает, что и нет.

Создается иллюзия, что он вроде никаких законов не нарушает, а на случай попадания в поле зрения контрразведки всегда может сделать круглые глаза. Боже, неужели этот милый русский парень шпион?! Спасибо за предупреждение, обязательно учту и больше не буду с ним общаться.

Контакты с доверительными связями разведчики особо глубоко не прячут, хотя по мере возможности стараются приучить их к конфиденциальности отношений, особенно в деле назначения даты и места встреч. Сами они делают все возможное, чтобы не притащить за собой на рандеву с доверительной связью наружку.

В резидентуре сразу же определили, что Брайен Бойден тянет на доверительную связь, причем очень хорошую. В ходе наших бесед от него поступала интереснейшая информация. Он, конечно, не имел прямого доступа к секретным материалам, но постоянно общался с представителями высших военных и политических кругов Великобритании, США, других натовских и не только стран. В совокупности с гигантским журналистским опытом и выдающимися аналитическими способностями этот факт делал его уникальным источником информации, ценнее многих формальных агентов.

Какое-то время ушло на проведение процедур, предусмотренных в разведке, включая, конечно, комплекс всевозможных проверочных мероприятий. После этого Брайен был утвержден моим руководством в качестве доверительной

связи под псевдонимом Барков. Я заработал первую собственную галочку в вербовочной работе, или, выражаясь на разведывательно-бюрократическом сленге, добился конкретного результата.

Впрочем, наши отношения от этого никак не изменились. Я частенько приходил в офис к Бойдену в конце рабочего дня, чтобы потом вместе переместиться на ужин в ресторане. На столе у Брайена, давно бросившего курить и только изредка позволявшего себе хорошую сигару с коньяком, стояла огромная коробка с коллекцией трубок. В ходе беседы, особенно когда она принимала оживленный характер, он начинал посасывать одну из них.

– Научился потворствовать старой привычке без табака, хватает лишь немного горечи во рту и чуть-чуть запаха, – говорил при этом Бойден.

Но поскольку я был начинающим любителем курения трубки, он однажды вызвался завести меня перед ужином в знаменитый табачный магазин, где всю жизнь отоваривался сам Уинстон Черчилль.

Любезный продавец помог мне выбрать изящную трубку, не самую дорогую, но все же за шестнадцать фунтов. В те годы британский рабочий класс добивался того, чтобы минимальная еженедельная зарплата по стране была не ниже восьми фунтов.

Вечером дома я приступил к неприятной процедуре раскуривания новой трубки, набил ее, как всегда делал раньше, смесью табака и сахара и вдруг услышал странное потрескивание. Трубка начала прогорать насквозь. Мне удалось вовремя залить ее водой, но снаружи осталось черное пятно.

Брайена рассказ об этом приключении позабавил, и он предложил на следующую нашу встречу принести трубку с собой. Брак обязательно поменяют.

Так оно и вышло. Продавец был сильно удивлен, но тут же предложил мне бесплатно выбрать новый товар из той же коллекции.

– Бракованную трубку сэр, естественно, может оставить себе, с нашими извинениями за причиненные неудобства.

С новой трубкой случилась еще большая неприятность. Раскуривая ее тем же способом, я в какой-то момент почти задремал и очнулся от сильного треска и запаха гари. На боковой стейке трубки зияла обугленная дыра!

Снова поход к любимым табачникам Черчилля. Продавец в полуобморочном состоянии.

– Но что вы с ними делаете?!

– Да ничего, просто обкуриваю.

– Ради бога, выбирайте третью, а эту, с вашего позволения, я помешу в наш небольшой музей. Если не ошибаюсь, за двести лет существования нашего магазина это первый подобный случай. Тысяча извинений, сэр.

Я выбрал трубку с самыми толстыми стенками и курю ее до сих пор, как, впрочем, и первую, не успевшую до конца прогореть. Так советский разведчик Баженов попал в анналы британского производства курительных трубок. Мы с Брайеном потом долго вспоминали эту смешную историю.

Об эпопее с трубкой и прочих проявлениях нашей искренней человеческой дружбы с Бойденом я в центр не отписывался, как делали многие коллеги, когда им не хватало более серьезной фактуры для составления оперативных справок или информационных телеграмм. Результатов каждой встречи с Брайеном мне всегда хватало с лихвой.

Прихожу я, например, к нему в половине седьмого вечера, чтобы накоротке перетереть свежие политические события. Через полчаса стук в дверь, и в кабинет заваливается заместитель министра обороны США, одетый к ужину и с каким-то подарком. Они крепко обнимаются с Брайеном. Тот представляет нас друг другу и извиняется передо мной. Дескать, скоро мы должны отбыть в ресторан вместе с супругами. А пока время еще есть, давайте по-мужски, по стаканчику виски.

Брайен и высокопоставленный янки, видимо, настолько соскучились друг по другу, что тотчас же начинают обмениваться информацией о военно-стратегических новостях с обеих сторон океана. При этом Бойден понимает, что мне может быть не все понятно из их разговора, и время от времени делает комментарии специально для меня. Я отчаянно пытался запомнить все эти бесценные сведения, даже покраснел от натуги, но, слава богу, все списалось на стаканчик виски. Зато в резидентуре потом меня похвалили за активное участие в работе над информационной телеграммой, ушедшей прямиком в Министерство обороны СССР!

Но всему хорошему приходит конец. В начале лета 1985 года предатель Гордиевский был уже вычислен и отозван в Москву. Нам строго-настрого запретили встречаться с английской агентурой. Но я все-таки осмелился нарушить табу и приехал в выходные домой к Брайепу под предлогом обсуждения моей диссертации, посвященной англо-американским отношениям.

Сидя на его небольшой лужайке, мы опустошили пару бутылок вина за приятнейшей, задушевной беседой. Потом Барбара сообщила нам, что жаркое вот-вот подгорит. Мы останемся голодными, если сейчас же не переберемся к столу. Мы поужинали, выкурили по сигаре под кофе и коньяк, обнялись,

попрощались заплетающимися языками и больше никогда не виделись.

Вот выдержки из письма, полученного мной от Брайена весной следующего года, когда мы с семьей были уже давно в Москве.

«Наши дорогие Максим и Надя!

Я только что закончил первую нынешней весной стрижку газона перед домом… и вдруг осознал, что грядущим летом ты не будешь сидеть на траве и пить вино; и мы с Барбарой очень сожалеем об этом. Нам недостает вас. Недостает удовольствия от честного спора, в котором знаешь, что твой оппонент ласт тебе прямой ответ даже в случае, если он не согласен с тобой. Но даже если бы мы пришли к согласию по всем вопросам… нам все равно будет недоставать общения с вами… Поэтому, соскребая грязь с газонокосилки, я решил… соскрести грязь с моего пера и написать тебе, что мы вас любим, надеемся на то, что в Москве тоже наступает весна и что мы когда-нибудь сможем возобновить мирное сосуществование между нашими двумя семьями.

Наш кот Бондино шлет привет всем кошкам в вашем квартале, он по-прежнему пацифист по отношению ко всем другим существам (за исключением тех, кто немного меньше его, как, например, мыши), а в результате наш сад превратился в кошачий клуб. Приезжай и посмотри на этот клуб, посиди на траве и выпей вина вновь».

Но самое интересное содержалось в другом письме, на которое Брайен решился спустя несколько лет. Из него явствовало, что примерно с момента появления в Лондоне Олега Гордиевского на Брайена вышли сотрудники английской контрразведки, дали понять, что им известно о контактах со мной, и деликатно, учитывая его авторитетное положение, попросили сообщать обо всех тех моментах, когда интерес с моей стороны будет выходить за рамки дозволенного.

– Что дозволено, а что нет, вы, мистер Бойден, безусловно, знаете не хуже нашего, – пояснил представитель МИ-5.

Не выполнить такую просьбу для человека с его статусом было просто нереально, и Бойден, конечно же, не сказал «нет». Но тем не менее…

«С тех пор я поневоле внимательнейшим образом контролировал содержание наших с тобой, Максим, бесед. И, что любопытно, практически не находил в них переходов за рамки дозволенного, о которых мне следовало бы сообщить соотечественникам из МИ-5», – писал Брайен.

Прочитав это письмо, я впал в полную растерянность. Если дело обстояло именно так и Брайен действительно старался не

стучать на меня в британскую контрразведку, то по факту получается, что закладывал наш контакт именно я. После каждой встречи я с чувством хорошо выполненного долга подробно отчитывался о полученной информации перед своим начальником, английским шпионом Олегом Гордиевским. Это с одной стороны.

С другой информация от Бойдена поступала на редкость ценная и качественная. Ее неоднократно проверяли, она подтверждалась другими источниками, регулярно докладывалась на самый верх советского истеблишмента, сделала мне чуть ли не половину карьеры в разведке. Так кто же, спрашивается, на кого шпионил?! Кто от этого выиграл? Все это на фоне искренней дружбы между двумя людьми, принадлежавшими к диаметрально противоположным социальным системам, но при этом тесно связанными общим или схожим пониманием человеческих ценностей.

Ответов на эти вопросы я так и не знаю.

Последний период нашей с Брайеном эпистолярной дружбы, в 2014-м – начале 2015 года, был довольно грустным. События вокруг Украины, санкции.

Мы пережили холодную войну и в девяностые годы бесконечно радовались тому, что она наконец-то закончилась, а теперь прекрасно понимали, что неминуемо грядет новый затяжной ледниковый период. Никто из нас не обвинял в чем-либо правительство противоположной стороны. Мы лихорадочно пытались найти компромиссные развязки стремительно ухудшавшейся обстановки.

Брайен, в частности, писал:

«Ну, ладно, Крым Запад готов вам простить, хотя аннексию полуострова обязательно надо полностью легитимизировать, проведя еще один, международно признанный, референдум. Чего бояться-то: крымчане наверняка снова проголосуют за воссоединение с Россией. Но, бога ради, остановитесь на этом, не вовлекайтесь дальше в украинские дела! Как же будет жалко, если достижения последних двух десятилетий по линии улучшения отношений Запад – Восток пойдут псу под хвост!»

Увы, двум состарившимся рыцарям первой холодной войны оказалось не по силам в одиночку остановить вторую.

Русский подарок англичанам: Питер Устинов

Знакомству с этим выдающимся человеком я обязан дочке Насте.

Прибежала она как-то раз из школы и закричала с порога:

– Папа, у книжного магазина за углом огромная очередь. Там писатель Устинов подписывает свою книгу «Моя Россия». Ты же говорил, что она должна быть интересной. Давай купим и возьмем у него автограф.

Мы успели купить один из последних экземпляров. Грузный Питер Устинов с благообразной копной волнистой седины уже убирал в карман свой «Паркер». Поводом для контакта послужила обложка книги. Устинов стоял на мостике через канал Грибоедова в Ленинграде, на фоне Русского музея и Спаса на Крови. А я как раз родился и провел детство за углом от этого городского пейзажа, на улице Софьи Перовской. До революции и сейчас это Малая Конюшенная. Мы, естественно, зацепились языками, и я без труда выпросил у своего нового знакомого встречу для интервью.

Англия – родина многих замечательных писателей, драматургов, актеров и общественных деятелей.

Но мало кто может сравниться с Устиновым по харизме, сочетанию ума, остроумия и умения быть интересным как на сцене, так и в жизни.

Сэр Питер Александр барон фон Устинов (1921–2004) сыграл порядка сотни ролей в кино, ряд из которых, как, например, Эркюль Пуаро в нескольких экранизациях Агаты Кристи, вошли в золотой фонд мирового кинематографа. Он оставил после себя великолепно написанные книги и пьесы. В нашей стране больше всего известны роман «Крамнэгсл» и пьеса «На полпути к вершине». Питер вел интереснейшие авторские передачи на британском телевидении в жанре интервьюера и «рассказчика», raconteur.

Подготовка одной из таких передач закончилась трагически. Буквально на глазах Устинова была застрелена премьер-министр Индии Индира Ганди, направлявшаяся к нему для интервью.

Кроме того, Питер Устинов много лет посвятил активной работе в международной организации по борьбе с голодом UNISEF. Он лауреат премий «Оскар», «Эмми», «Грэмми» и прочая, прочая.

Но вероятно, самое незаурядное в Питере Устинове – это его

происхождение. По матери он из старинного петербургского артистического рода Бенуа. Там намешано немало русских, французских, испанских, португальских и итальянских кровей. С ОТЦОМ, Ионой Устиновым, еще интереснее. Он был немецким подданным швейцарского, эфиопского, еврейского и русского происхождения.

Кстати, во время Второй мировой войны под кличкой Клоп являлся секретным агентом английской разведки МИ-6.

Познакомились родители Питера в 1920 году на выступлении Александра Блока в Петербурге, куда Иона прибыл, чтобы разыскать родственников. Там же и был зачат наш герой, которому предстояло в чреве матери совершить поездку через всю Европу. Осенью 1920 года родители по фальшивым документам отбыли на шведском пароходе в Амстердам, а затем перебрались в Лондон, где Питер и появился на свет. Вот уж поистине царский подарок сделала Россия британской культуре и искусству!

Но и это еще не самое удивительное в родословной Питера. В ходе наших долгих дружеских встреч он как-то рассказал мне историю своего деда по отцовской линии. В кратком изложении она выглядит так.

Русский офицер Платон Устинов доблестно служил в Поволжье в начале царствования Александра Второго. Однажды чуть не насмерть разбился, упав с лошади. Вытащила его с того света девушка-немка. Последовал роман. Платон испросил дозволения у государя жениться на лютеранке. Император не на шутку осерчал. Где это видано, чтобы его офицеры женились на иноверках, если, конечно, те не соглашались перейти в православие.

Короче, Платону грозила ссылка в Сибирь. Потребовалось вмешательство дяди, занимавшего должность посла в одной из европейских стран. Тот срочно прискакал из Рима и умолил императора заменить сибирский вариант на высылку в Палестину.

Платон Устинов покинул родину в 1860 году. После смерти жены-лютеран к и он женился на палестинской еврейке, прижил от нее детей и жил-поживал себе в Земле обетованной.

Уже глубоким стариком Платов узнал о начале Первой мировой войны, вспомнил, что он русский офицер, почистил и наточил свой палаш и отправился в Россию, чтобы помочь Родине отбиться от немцев. Путешествие по воюющей Европе заняло у него больше трех лет. К моменту, когда он добрался до России, там уже победили большевики, а война с германцами завершилась.

Большевики замели в кутузку подозрительного старика с

палашом. Сыну Иове пришлось выкупать его за изрядное количество швейцарского шоколада.

Питер Устинов – потрясающий рассказчик. Возможно, он излагал эту, а также многочисленные другие забавные истории десяткам или сотням людей. Я этого не могу знать. Но то, что слышал от него собственными ушами, грех не пересказать. Ведь не исключено, что какие-то из этих историй звучали единственный раз. Следовательно, будучи запечатленными на бумаге, они внесут скромную лепту в память об этом незауряднейшем персонаже.

По словам Устинова, свой первый литературный гонорар от газеты «Ивнинг стандарт» он получил в четырнадцать лет за сатирический памфлет на соученика по элитной частной школе Вестминстер. Предметом его сатиры был молодой надменный нацист, сын германского посла, а позднее министра иностранных дел гитлеровской Германии Риббентропа. Тогда, в середине тридцатых годов прошлого века, эта публикация чуть не вызвала международный скандал.

А вот история времен Второй мировой войны. Неуклюжего, полноватого Питера призвали в британскую армию, но сочли непригодным к строевой службе и направили на киностудию по производству военных фильмов в одну из арабских стран. Надо сказать, что у Устинова, видимо, в результате умопомрачительного смешения разных кровей, с молодости был огромный талант пародировать иностранные языки, даже те, которые он совсем не знал. Находясь на студии, в окружении местных рабочих, расставлявших декорации, он за несколько дней настолько проникся арабским языком, что счел возможным смешить их, изображая его.

Те с удовольствием слушали молодого европейца, добродушно смеялись в ответ на его попытки таким вот образом установить с ними контакт. Но после одной из пародий рабочие вдруг напряглись. На их лицах появилось злое, явно враждебное выражение.

– В чем дело, ребята? – обеспокоенно осведомился Питер уже по-английски.

– Зачем ты нас так оскорбил и унизил?

– Боже, но как же?!

– Ты обозвал нас кучей дерьма комара. Ладно бы еще слона или верблюда. Это большие звери, значит, и кучи у них немалые. Но дерьмо комара даже незаметно. Значит, и мы для тебя полное ничтожество.

Отношения с арабами Питеру с трудом удалось наладить не раньше чем через неделю. С тех пор он стал куда более

осмотрительно демонстрировать свои лингвистические способности.

Питер Устинов неоднократно приезжал в Советский Союз, особенно часто бывал в Ленинграде. Одним из самых ярких его впечатлений от нашей страны был Эрмитажа, а там – пожилые женщины-смотрительницы, сидящие в каждом зале и бдительно следящие за порядком на вверенной им территории.

Всем нам знакома эта картина и строгие окрики:

«На это кресло нельзя садиться! Запрещено трогать руками мебель и картины!»

Как-то раз Питер сказал мне, что готов защитить диссертацию любого уровня, убедительно доказывающую, что если бы в 1917 году в Зимнем дворце сидели эти бабушки, то революции наверняка не случилось бы.

– Я нисколько не сомневаюсь, что они легко справились бы с толпой революционных солдат и матросов и с позором выгнали бы их из дворца, – убежденно говорил он.

Как же, оказывается, просто было избежать Октябрьского переворота!

Питер резко отрицательно относился к любым проявлениям расизма и считал, что немалая доля вины за то, что это явление продолжается, лежит на лидерах ведущих европейских стран, проводящих такую политику. В частности, его возмущало, ЧТО При заполнении анкет приходится отвечать на вопрос о принадлежности к той или иной расе, о цвете кожи.

– Я обычно пишу, что кожа у меня розовая, – говорил он. – Разве это не так?

Не знаю уж почему, но Питер явно выделял меня из разноплеменной толпы журналистов, постоянно окружавшей его. Возможно, причиной было то, что большое интервью в «Социалистической индустрии», данное мне, стало первой крупной публикацией о нем в советской прессе. Он во всеуслышание заявил о своем намерении посетить Родину матери – Саратов и поставить на сцене местного театра одну из своих пьес.

Так или иначе, я несколько раз был зван к нему домой, где впервые насладился изысканной французской кухней в исполнении его жены, швейцарки французского происхождения. Подолгу засиживались мы с ним и в ресторанчиках, неизменно французских. Таковых в Лондоне в ту пору было не так уж много, и если бы не Питер, я никогда даже не узнал бы об их существовании. Общались мы исключительно по-английски, ибо Устинов, несмотря на свои глубокие русские корни и огромную любовь к России, языка своей исторической родины совсем не

знал.

Однажды душным июльским днем – в английской столице температура за тридцать градусов бывает нечасто, но все же случается – Питер Устинов позвал меня на премьеру своей пьесы «Десятая Бетховена», где исполнял роль великого композитора.

– После спектакля заходите ко мне в уборную, расскажете о впечатлении, – предложил он.

Я воспользовался приглашением и обнаружил в крошечной гримерной изможденного, взмокшего от пота пожилого человека практически в исподнем, устало стирающего с лица и шеи густой сценический грим. А ведь всего несколько минут назад он весело и вполне энергично раскланивался перед восторженно рукоплещущим залом!

Мы кое-как управились с переодеванием Питера в цивильный костюм, и он пригласил меня отужинать в компании ведущих критиков в португальском ресторане, расположенном по соседству. По благожелательным комментариям этих людей мне сразу стало понятно, что новому сценическому произведению обеспечен огромный успех.

Выходили после застолья мы тоже вместе. В центре Лондона, на Шэфтсбери-авеню, проще простого было бы остановить такси и отправить домой Питера, вконец измотанного, к тому же обильно поевшего и выпившего. Но я проявил галантность, предложил подвезти его на своем авто, запаркованном на подземной стоянке, как мне казалось, неподалеку.

Когда мы отправились в путь, я, к ужасу своему, понял, что пройти нам предстояло порядка километра, да еще по небывалой духоте. Питер брел, медленно переставляя ноги, и постоянно спрашивал, сколько еще осталось. Последнюю часть пути он проделал, опираясь всей тяжестью грузного тела на мое плечо, едва добрел до гаража и бесчувственно рухнул на сиденье авто. Не исключаю, что ему очень хотелось прибить меня за такую прогулку, но, отдышавшись, он все-таки нашел в себе силы преодолеть это вполне естественное желание и начал, по обыкновению, шутить, рассказывать анекдоты и забавные случаи из своей жизни, богатой событиями и впечатлениями.

«Ну и что же разведка?» – спросит читатель, напряженно ожидающий от этой истории детективной развязки. Ведь ею здесь и не пахнет! Да как сказать.

В профессиональном успехе разведчика далеко не последнюю роль играет его окружение, люди, с которыми он общается при выполнении своих задач по прикрытию, а также поддерживает просто хорошие личные или даже дружеские отношения. Это так называемые нейтральные связи. Они обеспечивают доступ туда,

куда разведчику необходимо попасть, чтобы малость пошпионить, от них поступают оригинальные идеи и отрывки полезной информации. Эти же персонажи по дружбе дают многообещающие наводки или запросто, сами не догадываясь об этом, могут подвести тебя к человеку, который впоследствии станет ценным агентом разведки. А сколько нового и полезного узнает разведчик от нейтральных связей о стране и психологических особенностях ее обитателей! Если смотреть на вещи прагматично, то нейтральные связи просто необходимы для того, чтобы утопить в многочисленных контактах с ними встречи с оперативными контактами, которые требуют той или иной степени конспирации.

В моей английской жизни был замечательный друг Грэм Стюарт, пожилой шотландец, бывший актер, с годами перековавшийся в бизнесмена, владельца небольшого кадрового агентства. На редкость харизматичный бонвиван и гурман. В его салоне можно было встретить и отпрысков семейства Ротшильдов, и выдающихся звезд Голливуда, и крупных госчиновников шотландского происхождения, выряжавшихся по случаю национальных праздников в юбки-килты и горланящих шотландские песни под волынку и стаканчик солодового виски.

Грэм, или, как мы называли его, Грэмски, был настоящим другом. Когда во время моего визига в его шотландское поместье туда бесцеремонно нагрянули полицейские служаки из Спсшл Бранч, намеревавшиеся проверить мои проездные документы, он, не раздумывая, выставил их за дверь. Сделано это было настолько решительно и убедительно, что в дальнейшем спецслужбисты ни разу носа не казали в местах моего выезда за пределы Лондона.

Грэмски, которого с моим боевым товарищем Юрием Кобахидзе связывала еще более тесная дружба, нежели со мной, узнал о нашей истинной ведомственной принадлежности только после моего выдворения из Англии в 1985 году. Коба покинул Альбион годом раньше и, в отличие от меня, по-хорошему. Однако этот человек продолжал навещать нас в России вплоть до своей смерти в 2000 году. Перед развалом СССР, когда у нас был полнейший дефицит продуктов, он даже привозил нам чемоданами продовольственный паек – горы макарон, сухое молоко, консервы.

Был среди моих нейтральных связей и упоминавшийся ранее полнейший комильфо Квентин Дэвис, впоследствии произведенный в пэры за заслуги на посту заместителя министра обороны Великобритании. Он знал русский язык, выученный во время работы секретарем британского посольства в Москве, к моменту нашей встречи был преуспевающим банкиром, а в

дальнейшем стал видным политиком, членом палаты общин сперва от консерваторов, а потом от лейбористов.

Вербовать его почему-то не приходило в голову ни мне, ни моему руководству по резидентуре. Но именно он открыл мне двери в самые элитные клубы Уайтхолла, где автор этих строк, можно сказать, обрел свое разведывательное счастье.

Но возвратимся к Питеру Устинову. Знакомство с этим выдающимся деятелем искусства неожиданно принесло оперативный навар. В то время я обхаживал одного молодого перспективного консерватора, страстного любителя театра, назовем ею Патрик. Узнав, что я хорошо знаю Устинова, он стал умолять меня достать билетик на его аншлаговый спектакль. В качестве ответного жеста Патрик пригласил меня на летний оперный фестиваль, ежегодно проходящий в местечке Глайндборн, неподалеку от Лондона.

Там во время пикника на газоне с бокалом шампанского, обсуждая достоинства только что прослушанной оперы раннего Моцарта, я при посредничестве Патрика вышел на целую плеяду восходящих звезд партии тори, облеченных в летние смокинги, и получил в резидентуре статус ответственного за работу по этой партии, правящей в ту пору. Некоторых любителей раннего Моцарта можно увидеть в наши дни на передней правительственной скамье палаты общин британского парламента.

Как тут отделить работу от досуга? Тогда мне представлялась важной возможность проникновения в тайны Консервативной партии, обеспеченная через Питера Устинова. Теперь же, по прошествии десятилетий, я намного больше склонен ценить уникальный шанс общения с этим выдающимся деятелем культуры двадцатого века.

Английские журналисты

Это была наша извечная компания, без которой не могла бы состояться успешная карьера моего поколения советских разведчиков, работавших пол журналистским прикрытием. Она сложилась еще в конце семидесятых годов и состояла из корреспондентов ведущих английских изданий.

Упомяну о некоторых людях, входивших в нее.

Джон Ричардс из Daily Telegraph. Краснолицый, серьезного вида, но с прекрасным чувством сухого английского юмора крепыш, регбист. Он особенно близко дружил с нашим коллегой из ТАСС Сашей Степаненко, таким же трогательно серьезным очкариком, и назвал в его честь своего пса-далматинца.

Когда собака шалила, Джон грозно заявлял:

– Степаненко, прекрати!

По его словам, далматинец прекрасно понимал разницу между дружеским «Саша» и угрожающим официальным «Степаненко».

Боб Портер из Daily Mail. Высокий здоровяк, как и Ричардс, активно занимавшийся регби. Несмотря на атлетическую внешность и простецкие повадки, Боб, вероятно, был в компании самым большим интеллектуалом. Он много читал, прекрасно разбирался в литературе и однажды, уже к концу нашего общения, сразил меня великолепным знанием музыки. В частности, открыл мне произведения французского композитора Эрика Сати, о котором я, отпрыск музыкальной семьи, к стыду своему, раньше не слышал. Боб, кстати, оказался единственным из всей компании, кто не прекратил общения с советскими друзьями после нашего выдворения из Англии в 1985 году.

Пол Раутледж представлял престижнейшую The Times. Темно-рыжий щуплый малыш с круглой веснушчатой физиономией и поросячьим носиком, на котором неизменно пребывали кругленькие очочки. Видимо, ирландский ген сильно сказывался на характере Пола. Выражение его лица всегда было каким-то озорным, да и выходки, прямо скажем, порой стояли на грани хулиганства. Так, например, однажды он был приглашен на свадьбу подруги его жены. Законная супруга и застукала его за сексом с невестой на ложе, которому через пару часов предстояло быть брачным. Он постоянно встревал в конфликты с руководством издания, и, видимо, именно поэтому в начале 1985 года его сослали с глаз долой, в Гонконг.

Крис Тайлер работал в Financial Times. Тридцативосьмилетний белокурый красавец и эстет, одевавшийся

как выходец из аристократического слоя нации. Его внешность и повадки вызывали недоумение. Какое отношение этот денди-аристократ может иметь к освещению положения в британских профсоюзах и к другим корреспондентам, выглядевшим рядом с ним простолюдинами? К тому же Крис был женат на богатой американке. Однако его журналистское перо и профессиональная компетентность не вызывали ни у кого сомнений.

Временами к нашему коллективу присоединялся представительный, худощавый Мик Костелло из коммунистической Morning Star.

Происхождение у него явно было не рабочее, к тому же он откуда-то знал русский язык, был какой-то скользкий, не вполне естественный. Мы, советские члены компании, ему, честно говоря, не до конца доверяли.

Впрочем, как и наши английские друзья.

При наблюдении со стороны за жизнью корреспондентов могло сложиться впечатление, что они ничего вообще не делают, кроме пропускания бесчисленных кружек пива и стаканов виски в пабе да бесконечного трепа с какими-то функционерами из тред-юнионов. Но стоило Произойти хотя бы мало-мальски значимому событию на трудовом фронте, не говоря уже о забастовке, как эти ребята разительно менялись. Они умудрялись в течение недель ежедневно заполнять целые полосы своих газет самой разнообразной информацией с многочисленными деталями, нюансами отношений между профсоюзными лидерами, их подробнейшими биографиями. Их осведомленность была поистине феноменальной! Стоит ли говорить, что, слушая их раскрепощенные застольные разговоры, мы, молодые советские оперативные работники, порой забывали про стынущую на столе кружку биттера и ловили себя на том, что сидим с раскрытым ртом, а извилины наши отчаянно стараются освободиться от хмеля, чтобы впитать как можно больше бесценной информации.

Не менее важно также, когда тебя представляет оперативно интересному деятелю профсоюзов или Лейбористской партии не абы кто, а всем известный журналист ведущей газеты.

– Присаживайся к нам, Тэд, и знакомься. Это отличный парень, наш друг Юрий из советского Гостелерадио. А вот Александр, Сергей, Максим. Мы тут гадаем, кто победит на выборах нового лидера партии. Есть соображения?

Таким вот образом завязалось не одно знакомство, переросшее впоследствии в оперативную разработку и закончившееся вербовкой довольно неплохой агентуры.

Нередко английские друзья-журнал исты учили нас жизни и пониманию тамошних реалий. Так, однажды, когда я вскоре по

приезде в командировку изложил по пьяному делу услышанную в Москве теорию всемирного сионистского заговора, за столом вдруг воцарилось гробовое молчание.

Потом один из англичан веско и отчетливо произнес:

– Макс, мы приняли тебя в свою компанию потому, что ты показался нам отличным парнем. Будем надеяться, что ты просто спорол ерунду и это больше никогда не повторится. Никому в Англии такую чушь не рассказывай, слышишь?

Прекрасный урок, усвоенный мной на всю жизнь.

Мы тоже пытались просветить англичан в отношении жизни в Советском Союзе. Честно говоря, удавалось это с трудом, хотя мы, как уж могли, расписывали страну, «где так вольно дышит человек».

Из всей компании в СССР побывал только Пол Раутледж в семидесятые годы в составе какой-то профсоюзной делегации. Из всего увиденного за три недели путешествий по стране победившего социализм» ему врезалось в память только одно – Tchirchik Rock Festival. Он как завороженный бесконечно повторял на разные лады это словосочетание. Мы выяснили, что Чирчик – это город в Узбекистане, но что за рок-фестиваль мог проходить там в разгар эпохи застоя и чем он так потряс воображение Пола, так и осталось загадкой. Вероятней всего, сборище в Чирчикс было апофеозом мечтаний выдающегося выпивохи и бабника, каким являлся Пол.

Мыв обязательном порядке встречались на ежегодных осенних конференциях лейбористов и консерваторов, проходивших поочередно в Блэкпуле и Брайтоне, проводили еще пару посиделок в течение года.

Плясали сиртаки и разбивали ногами глиняные тарелки в греческом ресторанчике «Халепи». Учили наших корешей русским неприличностям.

Как-то раз они потребовали растолковать, что означает так часто употребляемое нами выражение «полный П…Ц». Мы перевели это словосочетание как full pizdets и потом долго, но, кажется, безуспешно пытались растолковать, что же это значит.

Пол Раутледж никак не мог усвоить русской идиомы «накрыться медным тазом».

– Как же так? – недоумевал он, слыша от нас при разговоре об авиакатастрофе, что самолет накрылся медным тазом. – Ведь таз такой маленький, а самолет такой большой?!

Особенно подходило к хмельному застолью хоровое исполнение русских песен. Под нашим чутким руководством представители британских СМИ выучили и «Калинку-малинку», и «Катюшу», и много других шедевров.

Однажды это занятие чуть не закончилось арестом всех его участников.

Буквально на следующий день после уничтожения советскими военными истребителями над Японским морем корейского пассажирского авиалайнера, в результате чего погибли сотни гражданских лиц, нас угораздило затянуть песню, горячо любимую нашими английскими друганами: «Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц».

В зале нашелся человек, знавший русский язык. Он доложил в полицию, что в ресторане происходит провокационная сходка в поддержку этой неблаговидной акции советских властей. Мы еле-еле отбоярились, оправдывались колоссальным количеством пустых пивных кружек на нашем столе.

Последняя наша вечеря состоялась весной 1985 года по поводу прощания с Полом Раутледжем, убывающим в Гонконг. Больше всего оттягивался сам виновник торжества, под конец вечера несколько раз побывавший головой в салате.

Очнувшись в очередной раз, он решительным движением посадил к себе на колени единственную женщину, присутствующую на этом мероприятии, свою верную секретаршу из редакции, и начал имитировать половой акт с ней. По иронии судьбы это происходило рядом с незашторенным окном, мимо как раз проходил полицейский, который, естественно, напрягся от такого спектакля. Мы, трое советских журналистов, участвовавших в застолье, но лицу бобби поняли, что дело пахнет керосином, и моментально ретировались по-английски.

Хозяева квартир и соседи

Значительной частью своих знаний об Англии и англичанах я обязан людям, которые непосредственно меня окружали, хозяевам моих английских обиталищ и соседям.

Семья Хатчинсонов

Повезло мне с самого начала, когда в апреле 1973 года я впервые приехал на Британские острова, в знаменитый Кембридж, по одному из первых студенческих обменов по линии Британского совета. Советских студентов, специализирующихся в изучении английского, разместили в семьях. Нам с однокашником Володей Ивановым досталась вроде бы обычная, но в то же время не совсем, семья сержанта полиции Дэвида Хатчинсона.

Тридцатидвухлетний сержант, уходя по утрам на работу, гордо водружал на голову высокий шлем с блестящей цифрой «2», что давало нам основание хвастаться перед друзьями, что наш хозяин – полицейский номер два в Кембридже. Но Дэвид был не только бобби. Он являлся также футбольным судьей международной категории, уже вовсю обслуживал клубные матчи европейского масштаба, правда, пока в роли лайнсмена, бокового судьи.

Дэвид, конечно, являлся для нас интересным источником информации о футболе, частенько водил на матчи местного масштаба, но в целом был достаточно заурядным и ограниченным копом, не более того. Больше всего он запомнился мне по последнему дню перед нашим отъездом на родину. После прощального семейного ужина, за которым была опрокинута бутылка русской водки, заначенная мной, он пригласил меня – мой однокашник Володя был непьющим паинькой – пропустить по пинте пива в пабе. В ответ на мое осторожное предостережение насчет того, как бы чего не вышло, он уверенно заявил, что ничего нам от лишней кружки би пера не будет.

Однако прав все-таки оказался я. К концу кружки язык Дэвида стал заплетаться настолько, что я с трудом разбирал его речь.

Всю дорогу до дома полицейский номер два славного города Кембриджа висел на моем плече и повторял только одну фразу:

– После твоей гребаной водки, Макс, я никогда не поеду в твою гребаную Россию!

«Как же обидно за державу, – думалось мне в этот момент. – Научился бы сперва пить, а то сразу вся Россия виновата».

Намного более интересным и колоритным персонажем была Кристина, двадцатидевятилетняя жена Дэвида. Тоже незнатного происхождения, без высшего образования и вовсе даже не красавица, но при этом вполне приятной, располагающей внешности, она была от природы умна, даже мудра, тактична и внушала огромную симпатию своим открытым, честным поведением.

В первый же день эта женщина указала нам на холодильник и сказала:

– Вот, здесь все общее, пользуйтесь сколько хотите, ешьте сколько влезет.

Такое отношение поразительно контрастировало с тем, что мы слышали от друзей, попавших в другие семьи. Хозяева не только к холодильнику их не пускали, но и кормили впроголодь. Владельцы квартиры, в которой жили двое наших ребят, прознали, что нам еженедельно выдают по пять фунтов на карманные расходы, и вообще перекрыли им доступ к домашнему питанию по выходным. Ненасытным, растущим организмам советских студиозусов приходилось в субботу-воскресенье перебиваться веткой бананов и одной кружкой пива.

Кристина много курила, мыла голову под кухонным краном, по вечерам иногда пропускала рюмочку шерри, но при этом всегда оставалась ровной, дружелюбной и рассудительной. Я никогда не слышал, чтобы она повышала голос на своих детей, четырехлетнего Адама и двухлетнюю Алекс.

Уходя в магазин или погулять со своей подружкой Линдой, она спокойно оставляла нас с Володей бебиситтерами, и мы многому от английских детишек научились. Адам, например, все звуки «эй» произносил как «ай». В результате получалось, что он жил в городе «Каймбридже», видел в небе пролетающий «айрплайн», глядя на фотографию моей жены, спрашивал: «Макс, кто эта янглайди?»

Позже мы от учителей нашей языковой школы узнали, что Адам, как и все местные дети, говорит с исконно кембриджским произношением, которое с возрастом у большинства аборигенов исчезает под влиянием интеллигентной университетской среды, окружающей их. Вот что творилось бы в графстве Кембриджшир, если бы в Средние века здесь не построили университет!

А когда Кристина возвращалась домой, она первым делом осведомлялась, не обкакалась ли Алекс. Это было первым нашим знакомством с сим английским выражением, не входившим в программу филфака нашего университета.

Кристина вообще была чуть ли не самым лучшим учителем обиходного английского языка и жизненных реалий. Если бы не ее каждодневная школа, я вряд ли узнал бы, как просто и доходчиво сказать «покрути по часовой стрелке ручку стеклоподъемника» или «селедка протухла».

При прощании с семьей Хатчинсонов я спросил ее, каков мой прогресс в английском за четыре месяца пребывания в Кембридже.

Она немного подумала и ответила:

– Когда ты приехал, то, глядя на дом, говорил «здание», «сооружение», «постройка» или еще что-нибудь с латинским корнем. А теперь ты просто говоришь «дом».

Приехав в командировку в Лондон, я не преминул связаться с Хатчинсонами. Кристина сообщила мне, что они с Дэвидом давно разошлись и оба завели по второй семье. Она, в частности, вышла замуж за вдового профессионального игрока в гольф, у которого тоже было двое детей.

Кристина тут же пригласила нашу семью на рождественское представление, в котором будут принимать участие Адам и Алекс, уже ставшие подростками. Она сказала, что детей собирается навестить папаша Дэвид, продолжающий полицейскую службу в Йоркшире.

Свидание с семейством Хатчинсонов было трогательным. Не считая Дэвида. Он вырос в чинах и явно держался настороже при встрече уже не со студентом Максом, а с советским журналистом. Кто знает, может, успел заранее навести справки о моей истинной ведомственной принадлежности. Но меня его отношение не особенно волновало.

Зато Кристина позднее еще раз подтвердила, что я с самого начала не ошибся в ее доброте и отзывчивости. В сентябре 1985 года, узнав из газет от моем выдворении в числе большой группы советских представителей, она прислала письмо на адрес посольства. В нем были теплые слова поддержки и заверения в том, что акция властей никак не повлияет на ее отношение ко мне.

Профессор-Плюшкин с Мелбери-Роуд

Первый год лондонской командировки мы с семьей провели в квартире на Мелбери-Роуд, недалеко от уютного Холланд-парка. Она досталась нам по наследству от предыдущего собкора моей газеты.

Хозяина, профессора даже не знаю чего, я никогда не видел.

Он преподавал в Америке, в Стэнфордском университете и отношения с постояльцами своей лондонской квартиры поддерживал исключителью по переписке. Именно благодаря ему, вынуждавшему меня постоянно и упорно практиковаться в написании писем, я блестяще овладел эпистолярным жанром на английском.

Хозяин-профессор оказался неимоверным скрягой. Стоило мне сообщить ему, что пора бы раскошелиться на покупку новых занавесок, которые разваливаются от ветхости, он в ответ прислал длиннющее письмо на тему, что не может такого быть. Занавески приобретены менее тридцати лет назад. По всей видимости, порывы ткани вызваны недостаточно аккуратным обращением с ней.

И так вот по каждому ничтожному поводу. Письма писались чрезвычайно вежливым и изящным английским языком, изобиловали юридическими терминами и ссылками на законодательные акты чуть ли не со времен Вильгельма Завоевателя. Поначалу я был в отчаянии, постоянно лазил в словарь, чтобы расшифровать эти замысловатые послания, но постепенно научился отвечать в том же канцелярском ключе, не забывал элегантно вставить своему визави пару ехидных шпилек. Таким вот образом я усовершенствовал свои письменные навыки, но мало чего сумел добиться от скаредного профессора в материальном плане и в конце концов решил сменить квартиру.

Букет персонажей с Вестборн-Террас

Вторым лендлордом опять оказался представитель академического мира – принципал женского колледжа, расположенного недалеко от Лондона.

Профессор Джон Редферн и его жена, приятные пожилые интеллигенты, с удовольствием сдали нам свою старомодную, типично английскую квартиру в старинном викторианском бслоколонном доме на Вестборн-Террас, что между северной оградой Гайд-парка и вокзалом Пэддингтон.

С четой Редфернов у нас сложились гораздо более теплые отношения.

Джон не был маниакальным Плюшкиным, но кое-какие тараканы были и в его поступках. Однажды, например, я телефонировал ему, что серьезно засорились водосточные трубы, проложенные прямо под полом гостиной.

– Нет проблем, – бодро отреагировал профессор. – Завтра приедут водопроводчики и все починят.

На следующий день действительно приехал минивэн с бригадой из трех человек. Они достали обычные допотопные трос и вантуз и начали шуровать ими под ковролином гостиной, ничем не отличались от нашего сантехника дяди Васи.

Пока эти люди работали, я спросил, откуда они. Оказалось, что из Глазго.

– Позвольте, – поразился я. – Но ведь это же миль четыреста-пятьсот от Лондона. Какой смысл так далеко ездить на обслуживание клиента?

– Это вы у мистера Редферна спросите, – услышал я. – Он наш старинный клиент еще со времен, когда жил в Шотландии, и с тех пор пользуется нашими услугами, где бы ни находился.

Похоже, что многие обитатели дома на Вестборн-Террас были со странностями. Как-то в один из первых дней прекрасным солнечным утром я распахнул окно спальни, выходящей в маленький двор-колодец.

В этот самый момент откуда-то сверху, обильно обрызгав меня, пронесся поток мочи. Кто-то с верхних этажей выплеснул содержимое ночного горшка. Выругавшись и переодевшись, я снова подошел к окну и увидел в нем задницу полицейского, забиравшегося по пожарной лестнице наверх.

Позже я узнал, что в полицию моментально сигнализировали соседи, тоже, видимо, пострадавшие от злополучного горшка. Выяснилось, что на последнем этаже обитал выживший из ума дед, практически лежачий больной, который, видимо, путал окно с унитазом.

Странным был и сморщенный старик-поляк, занимавший квартиру этажом ниже. Бывший воин Армии Крайовой, сражавшейся с фашизмом на стороне западных союзников, осел в Лондоне и доживал свой век в полном одиночестве. Он бывал несказанно рад возможности побеседовать с любым человеком, тем более с русским, интересующимся историей русским. Я узнал от него массу интересных, ранее не известных мне фактов о войне. Мы часами просиживали в его неуютной, затхлой берлоге. Он говорил по-польски, а я по-русски.

Странное дело, мы отлично понимали друг друга.

Еще ниже жила известная писательница Джермейн Грейер, одна из самых ярких представительниц феминистского движения Великобритании. Крупная, неопрятная женщина с седеющими, никогда не крашенными волосами, хотя в то время ей было всего-то лет сорок пять.

Иногда у нас с ней завязывались споры о роли мужчин и женщин, и Джермейн, в частности, рьяно отстаивала право слабого пола на курение.

– Мои легкие ничем не хуже мужских, так почему же вам можно, а мне нет?! – с пафосом вопрошала она.

В другой раз я услышал от нее:

– Почему я должна поступаться своим естеством и брить подмышки?

Только ради того, чтобы доставить удовольствие мужчинам? Не дождутся!

Не знаю, как другие, но я не стал дожидаться и после этой фразы старался избегать ее общества.

Этажом выше пашей квартиры располагалась, вероятно, самая приятная соседка, благообразная старая дама миссис Йохансен, которая до ухода на пенсию долго работала директрисой одной из престижных частных школ для девочек. Благодаря чаепитиям с ней мы узнали если не все, то очень и очень многое об английской системе образования. Как-то раз в пылу полемики я заметил, что не считаю социально справедливой систему частных школ. Ведь платить за обучение в них могут только богатеи.

Миссис Йохансен моментально парировала:

– Не могу согласиться с вами, Максим. В моей школе было немало выходцев из малообеспеченных семей. Дело, мой дорогой, не столько в деньгах, сколько в ценностях и приоритетах. Если отец и мать всерьез настроены на то, что дети должны получить солидное образование и таким образом добиться лучшей по сравнению с родителями жизни, то в подавляющем большинстве английских семей найдутся деньги на хорошую школу. Можно, например, и кредит взять. А вот если на первом месте идут развлечения родителей, ежедневные посиделки в пабе, выезды на курорт и покупка всяких там видеомагнитофонов, то, конечно, не до хорошей школы.

Впоследствии я неоднократно имел возможность убедиться в том, что в общем и целом миссис Йохансен была права.

На первом этаже под нами жил еще один любопытный персонаж, молодой, лет тридцать с хвостиком, щеголь и мачо по имени Мартин, обладатель шикарного красного спортивного «Порше».

Наше знакомство состоялось у дверей его квартиры, когда он, возвращаясь с элитной рыбалки, протянул нам огромного судака и заявил:

– Берите и ешьте. А то ведь я один и готовить как следует не умею.

Жена тут же пригласила его на ужин.

Вечером он отведал рыбину, приготовленную моей супругой, и многозначительно шепнул мне на ухо:

– Смотри, не потеряй такого превосходного повара.

После этого Мартин развалился в кресле с сигарой и бренди и первым делом сообщил нам, что он не абы кто, а настоящий рыцарь Мальтийского ордена. Правда, не стал разъяснять, за какие заслуги удостоился такой чести, но по всему было понятно, что звание приобретено за мзду, причем немалую.

Мартин являл собой великолепный образец прожигающего жизнь шалопая, на которого свалилось крупное состояние почивших родителей или других родственников. Из образования за плечами престижная частная школа и больше ничего. Профессиональный опыт? Где-то когда-то что-то делал, но так и не преуспел. При этом полный очаровашка, изо всех сил пыжившийся казаться умным и образованным.

Узнав, что я интересуюсь историей, он ввернул в беседу несколько известных ему банальностей и в ходе дальнейшего разговора несколько раз повторил:

– Макс, мы с тобой как историки…

Словом, общаться с Мартином Мальтийским, как мы его называли между собой, было забавно, но никак не более того, ибо он был выдающейся пустышкой. В дальнейшем мне не раз приходилось сталкиваться с этим типажом лощеного и напыщенного, но пустого англичанина. В отличие от большинства русских соотечественников, для которых столкновение с подобным джентльменом является чуть ли не культурным шоком, я благодаря мальтийскому другу быстро раскусывал их внутреннюю суть и не тратил на них много времени.

Грибники из «Спешл браня»

Когда подошел к концу второй гол проживания на Вестборн-Террас, хозяева квартиры Джон и Элизабет Редферны в качестве прощального приема пригласили нашу семью в женский колледж под Лондоном, где они постоянно жили, а Джон работал принципалом. Колледж этот располагался совсем рядом с местечком Гринэм-коммон, в то время известным не только в Англии, но и по всему миру. Там располагался лагерь британских активисток, боровшихся против размещения как раз в Гринэм-коммон американских крылатых ракет, нового поколения ядерного оружия среднего радиуса действия, нацеленного, естественно, на СССР.

Советская пропаганда чуть ли не каждый день выступала в поддержку героических англичанок, отважно борющихся против ядерной угрозы. На самом деле костяк этих героинь составляли

весьма неопрятные феминистки и лесбиянки.

Британские власти очень болезненно относились к активности журналистов, тем более из социалистических стран, в районе будущего американского ракетного плацдарма. Ведь по соседству с Гринэм-коммон находился абсолютно засекреченный главный британский центр ядерных исследований.

Нам, всем без исключения советским представителям, при выезде за пределы Лондона необходимо было заранее подать в Форин-офис – читай в контрразведку МИ-5 – так называемую нотификацию, то есть прошение о разрешении путешествия с указанием цели поездки, точного маршрута, мест остановок. Прочитав мое прошение о поездке в Гринэм-коммон для участия в каком-то невинном празднике, проводимом в соседнем девичьем колледже, контрразведчики, естественно, уже напряглись.

Начиная с дальних подступов к местечку, меня, чего никогда не бывало ранее, трижды останавливали полицейские в штатском и каждый раз подозрительно расспрашивали, зачем же я туда еду. Доехав все-таки до колледжа и смешавшись после объятий с Редфернами с толпой студенток и преподавателей, я понял, что за мной установлено плотное наблюдение. Атлеты из полиции, переодетые в штатское, весьма нелепо выделялись из обшей интеллигентной массы академических гостей.

Но самое тяжело испытание для британских секьюрити было впереди. Когда праздник в колледже закончился, мы с женой уговорили чету Редфернов отправиться в лес, пообещав научить их собирать грибы. Англичанам понятие азарта грибной охоты неведомо. Леса у них в этом смысле ничем не хуже наших, но они боятся собирать грибы, считают, что все они ядовитые.

Вооружившись ножичками и пластиковыми пакетами, мы углубились в лесной треугольник между Гринэм-коммон, где как раз проходил антивоенный митинг, и засекреченным ядерным центром. Мои блуждания вокруг елочек с постоянными наклонами, чтобы срезать гриб, со стороны, по всей видимости, походили больше на операцию по закладке или выемке тайника.

Очень скоро мы обнаружили, что вместе с нами грибочки увлеченно ищут партикулярно одетые молодцы, которые еще час назад неуклюже дефилировали со стаканом вина среди выпускниц колледжа. Положение их явно было незавидным. С одной стороны, они не знали, что собирать, с другой – не имели права оставить без присмотра объект своего наблюдения. Ведь кто знает этого русского шпиона. Вдруг он сейчас вытащит из-под пня контейнер с донесением крота, зарывшегося за стеной ядерного центра, либо заложит зашифрованную инструкцию для антивоенных феминисток?

Поиграв на нервах у наружников минут сорок, собрав по пакетику белых, подосиновиков и моховиков, мы возвратились в коттедж Редфернов, где поужинали отменной солянкой.

Интересно, не этот ли эпизод настроил столь непримиримо в отношении меня британские спецслужбы? Позже я лаже сожалел о том, что не подошел к ним сразу и не сказал, что даю честное слово в этот день не шпионить.

Ведь подобное поведение уже успешно сработало. Во время поездки по Уэльсу мы с коллегами-журналистами в конце дня пригласили местных полицейских в штатском, неотступно следовавших за нами, на кружечку пива с глотком русской водки и клятвенно заверили их в том, что на ночь не планируем никаких шпионских действий. Копы не только согласились разъехаться до утра по домам, к своим женушкам и чадам, но и остались очень нам признательны.

Восточная экзотика на Уоррик-гарденс

Третью свою лондонскую квартиру я начал искать через риелторов. Очаровательная дамочка чуть старше меня по имени Лоретт активно таскала клиента по самым различным жилищам в центре Лондона. Нередко мы оказывались наедине с ней в пустом доме. Честно признаться, погружаясь взглядом в разрез ее платья, я иногда подвергался самым что ни на есть грешным искушениям.

В одной из квартир Лоретт демонстрировала мне туалетную комнату, где находилась типичная английская ванна с отдельными кранами для холодной и горячей воды.

Вспомнив не поправившийся мне опыт омовения в подобной лохани, я заметил:

– Согласитесь. Лоретт, что неудобно и не очень гигиенично плескаться в смытой с себя грязи.

Риелторша пожала плечами и ответила:

– Но в конце концов, это же моя грязь, а не чья-то еще. – Всего одна фраза, но она почему-то напрочь отбила у меня желание дальше мечтать о физических прелестях Лоретт.

Наконец была выбрана просторная, светлая и современная квартира в новом доме на Уоррик-гарденс, густо заселенной состоятельными выходцами с Ближнего и Среднего Востока, шейхами в белоснежных одеяниях и их женами, до самых глаз укутанными в черное. Моя квартира также принадлежала богатой иранской даме. Она купила ее на черный день и сдавала через риелторскую фирму, пока на родине еще можно было жить.

Это была частная собственность, к тому же принадлежащая иностранной гражданке, однако английские спецслужбы все-таки похозяйничали в квартире перед моим приездом. Советский журналист, поселившийся в ней вскоре после меня, как-то раз неосторожно задел мебелью стену в гостиной, и оттуда, из заделанной ниши, вывалился здоровенный пучок проводов. Эксперт из посольства, приехавший разбираться, безошибочно определил, что это подслушивающее устройство.

Однажды в ожидании лифта в вестибюле мы с женой зацепились языками с некрасивой, маленькой, кривоногой персиянкой лет тридцати пяти, с огромной конной густых черных ВОЛОС.

Женщина развязно, совсем не по-восточному, протянула нам руку, кокетливо заглянула мне в глаза, как будто жены моей не было рядом, и представилась:

– Соседка сверху. Зовут меня Межгуб. Буду рада продолжению общения.

Мы, конечно, подивились такому странно звучащему имени, но что поделаешь, ведь их не выбирают. И потом, может быть, это по-персидски означает что-нибудь типа «соловьиной трели» или «горного хрусталя».

Через несколько дней, поздно вечером, сквозь потолок над нами просочилась томная восточная музыка. Накал страстей все нарастал. К мелодии добавились придыхания, всхлипы и стоны, которые могли свидетельствовать лишь об одном. Над нами разворачивался небывало страстный половой акт. Напряглась даже наша дочка-подросток, и жена срочно побежала укладывать ее спать. Я же, не в силах оторваться от чувственных стонов, переходивших в вопли оргазма, поневоле позавидовал партнеру соседки.

На следующий вечер гаремная сцена повторилась в точности.

«Ну и крепкий же мужик! – думалось мне. – Может так долго и умело удовлетворять женщину. Да и соседка хороша, хотя с виду такая неказистая».

Когда все то же самое произошло и на третий день, я поневоле поймал себя на мысли том, что очередность и продолжительность этих звуков нисколько не меняются. На четвертый раз я прислушался еще внимательней и точно установил, что звуки издает видеомагнитофон. Они тогда только-только появились на рынке, принесли в каждый дом порнофильмы. Вот тебе и суперсексуальная Межгуб со своим героем-любовником!

Еще об одних соседях, ливанцах, хочется упомянуть в рассказе о доме на Уоррик-гарденс. Но сперва несколько слов о

распорядке дня сотрудника политической разведки, действующего под прикрытием журналиста. Если кто-то из читателей думает, что разведчик, едва соскочив с кровати, поднимает воротник, надевает черные очки и начинает, бесконечно проверяясь, перемещаться по городу в процессе осуществления таких важных дел, как конспиративные встречи, закладка и выемка тайников, то смею разочаровать. Все обстоит абсолютно не так.

Прежде всего, политический разведчик должен быть хорошо информирован о местных и мировых событиях из открытых источников. В восьмидесятые годы прошлого века помимо телевидения и радио это были в первую очередь газеты и иные периодические издания. Именно они давали базовую информацию, отталкиваясь от которой можно и нужно было вести беседы с любыми источниками в попытках выведать у них дополнительные, не известные широкой общественности нюансы.

Поэтому я, как и подавляющее большинство моих коллег, начинал свой рабочий день с внимательного чтения всех основных английских газет.

Где-то с восьми утра я располагался на залитом солнцем балконе с чашечкой кофе, заодно загорал, и читал в течение нескольких часов.

На соседний балкон, отделенный невысокой перемычкой, выходила поливать цветочки приятная молодая женщина. Мы привычно обменивались приветствиями, парой-другой фраз о погоде и прочими банальностями.

Женщина была сестрой известного ливанского политического деятеля Валида Джумблата, лидера общины друзов. Брат отправил ее в Лондон, поскольку на него и на его родственников было совершено немало покушений.

Иногда на балконе вместе с ней появлялся и ее муж, обаятельный ливанский бизнесмен с аккуратной маленькой бородкой.

Так вот, когда в сентябре 1985 года меня в составе большой группы советских представителей выслали из Англии, журналисты гурьбой кинулись собирать информацию по местам жительства советских шпионов.

Наши соседи вели себя по-разному. Например, гей, живший рядом с Юрой Кубасовым, со знанием дела рассказывал английским телерепортерам, как Юра шпионил.

Игриво покачивая бедрами в элегантных шортиках, он заговорщически вещал в наставленные на него микрофоны:

– Я лично видел, как русский жилен и его друзья частенько по субботам вылезали через чердак на крышу и проводили там

свои конспиративные встречи.

Надо признать, что вылазки на чердак действительно имели место. Но это были не шпионские рандеву, а обычные лихие гулянки советских журналистов.

Что же касается моих ливанцев, то, увидев их по ТВ, я чуть не пустил слезу.

Они стояли перед репортерами вместе, держась за руки, и обаятельный бизнесмен с бородкой весьма убедительно доказывал репортерам, что я никак не мог быть шпионом:

– Во-первых, Максим очень вежливый и интеллигентный человек. Жена может подтвердить. Во-вторых, он чуть ли не весь день сидел на балконе и читал газеты. Это что, шпионаж, по-вашему?

Спасибо вам, дорогие мои последние соседи по Лондону, за трогательные попытки меня отмазать!

Николай Николаевич Озеров и другие заезжие знаменитости

Мне искренне жаль молодых спортивных болельщиков. Они вживую не слышали, как величайший спортивный комментатор Николай Николаевич Озеров кричал «го-о-о-л!», как он произнес крылатую фразу «Да, такой хоккей нам не нужен».

Озеров, проживший на свете семьдесят пять лет (1922–1997), для нескольких поколений советского периода был непревзойденным кумиром. Такого сочетания самых разнообразных талантов и заслуг, казалось бы, не может быть в природе. Заслуженный мастер спорта по теннису, завоевавший рекордное количество золотых медалей на чемпионатах СССР, аж двадцать четыре! Народный артист РСФСР, сыгравший двадцать ролей во МХАТе, лауреат Государственной премии СССР. Как спортивный комментатор он вел репортажи с пятнадцати Олимпиад, тридцати чемпионатов мира по хоккею, восьми мировых и шести европейских футбольных первенств. Объездил сорок девять оран мира, что в советское время было уникальнейшим явлением. Большее число государств посетил разве что министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко.

Не знаю, как в других странах, но когда Николай Николаевич появлялся в Англии, родное государство отпускало ему на ночлег шесть фунтов стерлингов в сутки. Это минимальная стоимость самого дешевого приюта, известного как Bed and Breakfast. Иными словами, койка в крохотной комнатушке с удобствами на этаже и яичница с беконом на завтрак.

Дабы избежать такого унижения всесоюзно известного

человека, советское посольство или корпункты наших СМИ каждый раз изыскивали средства для размещения Озерова в приличных условиях. В тот приезд в середине восьмидесятых, когда мы близко познакомились, великого комментатора приютил у себя дома мой друг Юра Кобахидзе, такой же, как и я, разведчик, а по прикрытию корреспондент Гостелерадио. Николай Николаевич приехал комментировать матч между московским «Спартаком» и английским клубом «Астон Вилла» в Бирмингеме, куда мы вскоре и отправились втроем.

Надо сказать, что очень полный, одышливый, передвигающийся только с палочкой Озеров был баснословным обжорой. Пища, даже самая дешевая, какую он мог купить в Англии на свои микроскопические командировочные, была для него что слону дробина. Он ел беспрестанно, за кастрюлей макарон следовала пара пачек пельменей, а в «Макдоналдсе» мог зараз слопать с десяток бургеров.

Мы с удовольствием поощряли эту слабость, постоянно снабжали его едой. За это он вознаграждал нас увлекательнейшими рассказами о своей богатой на события жизни и встречах с великими мира сего, щедро делился бесценным опытом. Добродушный, похожий на симпатичного бегемотика, Николай Николаевич в моменты своих повествований превращался в наших глазах в красавицу Шсхсрсзаду.

Чего стоит один только его рассказ о встрече с ближайшим соратником Сталина Вячеславом Молотовым, поведанный нам во время многочасовою автомобильного путешествия из Лондона в Бирмингем.

– Дело было в конце пятидесятых, – неспешно урчал с переднего пассажирского сиденья мелодичный и звучный тенор Озерова. – Был я тогда молодым, но уже достаточно известным и преуспевающим спортивным комментатором. Разъезжал по Москве на собственной «Победе» – редкая по меркам того времени роскошь. Приезжаю к друзьям на подмосковную дачу, а там, среди прочих гостей, Молотов с женой. Он тогда только что попал в опалу – помните антипартийную группировку «Молотов, Маленков, Каганович и примкнувший к ним Шепилов»? – лишился статуса небожителя и с позором был отправлен послом в Монголию. Весь вечер Вячеслав Михайлович держался очень скромно, по нему было видно, что тяжело переживает свое публичное унижение и не знает, как себя вести в новом качестве. При разъезде гостей выяснилось, что у Молотовых нет машины для возвращения домой. У нас ведь принято богов, свергнутых с Олимпа, сразу лишать всех привилегий. Я предложил свои услуги, и пожилая чета с благодарностью согласилась. Кручу

баранку, переполненный ощущением важности момента и водительской ответственности за то, что везу легендарного человека. Думаю про себя, кто бы мог подумать, что мне придется подвозить самого Молотова! Но Вячеслав Михайлович, видимо, умел читать чужие мысли. Подъезжаем к его подъезду, тепло прощаемся, и он мне говорит: «Огромное спасибо. Теперь буду всем рассказывать, что меня подвозил домой сам Озеров».

Несмотря на весь свой колоссальный опыт, Озеров самым тщательным образом готовился к каждому спортивному событию, которое ему предстояло освещать. Он заранее собирал обширный исторический и статистический материал и за несколько часов до матча с головой уходил в изучение десятков рукописных листков с заготовками. Недаром говорят, что наилучший экспромт – заранее подготовленный. А уж искусством комментария Николай Николаевич владел поистине виртуозно.

Вот пример, пересказанный мне Юрой Кобахидзс. Озеров на лондонском «Уэмбли» должен комментировать матч между сборными Англии и СССР. В тот же вечер в лондонском оперном театре «Ковент-Гарден» выступал молодой грузинский бас Паата Бурчуладзе, а это немалая честь для любого певца в мире.

Но Бурчуладзе, как и большинство его соотечественников, страстный футбольный болельщик.

Представляете, какая для него трагедия – пропустить игру сборной его страны с родоначальниками футбола? Родственники и друзья в Тбилиси ему этого не простят. Их Паата просто не имеет права не побывать на таком великом футболе.

Бурчуладзе через земляка Кобахидзе попросил, чтобы Озеров в своем репортаже хоть словом упомянул о его якобы присутствии на «Уэмбли».

Перед началом второго тайма Николай Николаевич, к удивлению Кобахидзе, погрузился в непонятные рассуждения:

– Мне вспоминается, дорогие друзья, как в таком-то году, на чемпионате мира по футболу поболеть за наших футболистов пришли артисты Большого театра, и в их числе замечательный тенор Зураб Соткилава. Поддержка эта очень помогла, и советской сборной удалось вырвать победу у именитого соперника.

Кобахидзе, сидевший рядом с ним в комментаторской будке, ошалело толкнул Озерова в бок. Тенор Соткилава вместо баса Бурчуладзе? Вы, случаем, не перепутали двух грузин? Николай Николаевич сделал успокаивающий, и продолжил исторический экскурс, кажущийся бесконечным.

Завершил он его так:

– Этот случай, дорогие друзья, я вспомнил потому, что сейчас

на трибуне присутствует молодое оперное дарование из солнечной Грузии – Паата Бурчуладзе. У него сегодня ответственный дебют во всемирно известном «Ковент-Гардене». Тем не менее он все-таки выкроил время, чтобы поддержать нашу сборную. Молодей!

Красиво, элегантно! Нет нужды говорить, что после этого Бурчуладзс превратился в настоящего героя в глазах всех своих родственников и друзей, равно как и остальных советских граждан.

Удачный матч «Спартака» в Бирмингеме мы отпраздновали как следует. В гостинице это вылилось у меня, несравненно более щуплого и подверженного опьянению, чем корпулентные Озеров и Кобахидзе, в ужасную мигрень. А ведь мне еще надо было писать репортаж о матче в завтрашний помер газеты! Я долго в отчаянии сидел над чистым листом бумаги. Из больной головы не вылезало ни слова.

Раздался стук в дверь, и проем полностью заполнила внушительная фигура Озерова. Он опирался на неизменную палочку, на нем майка, синие сатиновые трусы до колен и сандалии на босу ногу.

– Чем занимаетесь, Максик?

– Надо писать материал по матчу, а ничего не получается, голова раскалывается.

– Ну что ж, этому горю помочь легко, мой дорогой. Значит, так, берите ручку и записывайте.

В течение десяти минут Николай Николаевич продиктовал мне совершенно гениальный газетный репортаж, который затем был признан редколлегией моей газеты лучшим материалом месяца, а меня, соответственно, наградили небольшой денежной премией.

Покидая Лондон, благодарный за наши заботы Николай Николаевич поинтересовался, будут ли поручения на родину. Я попросил его позвонить из Москвы родителям в мой родной город и засвидетельствовать, что их сын жив-здоров и бодр духом.

Что из этого получилось, я узнал от матери, когда приехал в отпуск. Отец был увлечен просмотром матча чемпионата СССР по футболу. О том, что это запись, а не прямая трансляция, он не знал.

– Мать пошла к телефонному аппарату, издающему звук междугородного звонка, и услышала – Можно ли Юрия Борисовича?

– А кто его спрашивает? Юра, иди к телефону.

– Это некто Николай Николаевич Озеров. Я передаю вам

привет от Максима.

– Рита, это что еще за розыгрыш? – недовольно пробурчал отец. – Озеров сейчас комментирует матч, он только что кричал «го-о-л».

Мама, оказавшаяся в неловком положении, вежливо переспросила междугородного собеседника, не ошибся ли он. Только получив неопровержимые свидетельства того, что речь идет о ее сыне и на проводе действительно живой Озеров, она насилу оторвала от телеэкрана отца, заслушавшегося комментарием Николая Николаевича. Потом все втроем долго смеялись.

Николай Николаевич Озеров, безусловно, произвел на меня самое яркое впечатление из всех советских людей, приезжавших на Британские острова. Но были и другие на редкость интересные персоны. Ведь в советские времена выезд за границу, тем более в особо враждебную Великобританию, был, да и то частично, открыт только для самых выдающихся представителей нашей политической, научной и творческой элиты. Некоторым из них сверху навязывали обязательную встречу с коллективом советской колонии в посольстве.

Там я слушал грустное и подавленное выступление Андрея Тарковского незадолго до его ухода из жизни. Более оптимистическими были свидания с выдающимися дирижерами Евгением Светлановым и Арвидом Янсонсом, хорошими знакомыми моего отца.

Арвид Янсонс, отец ставшего знаменитым на весь мир дирижера Мариса Янсонса, представлял в Королевском фестивальном холле Первую симфонию Прокофьева. Во время исполнения произведения группка людей в партере начала громко скандировать лозунги в защиту какого-то советского диссидента. Седовласый маэстро решительным подъемом дирижерской палочки остановил оркестр на полуноте и, оставаясь в одной позе, выдержал пятиминутную паузу, пока секьюрити не вывели из зала нарушителей спокойствия. Как только воцарилась долгожданная тишина, Янсонс опустил палочку, и оркестр продолжил прокофьевскую музыку с того же самого места.

С мэтром отечественной внешнеполитической мысли академиком Арбатовым, создателем и первым директором Института США и Канады Академии наук СССР, мы вечера напролет бродили в окрестностях Гайд-парка, обсуждали возможные военно-стратегические и политические последствия размещения в Западной Европе американских крылатых ракет. Видимо, я приглянулся маститому академику, и он предложил

писать диссертацию в ИСКАНе на тему англо-американских отношений.

Я сразу смекнул, что такими предложениями не разбрасываются, и через пару месяцев, принимая у себя дома другого искановца, профессора Давыдова, ловко ввернул в разговор предложение академика.

– Ну, раз сам Георгий Аркадьевич пригласил, то я согласен быть вашим научным руководителем, – моментально отреагировал гость.

В течение пары лет, последующих за этой встречей, работа над диссертацией обеспечивала мне великолепное прикрытие как разведчику. Спустя три года после возвращения в Москву диссертация действительно была защищена. Об истинной ведомственной принадлежности автора знал только Арбатов. Даже профессору Давыдову я открылся лишь после обмывания защиты.

Нет, не совсем так. Знал еще известный историк-международник Александр Александрович Фурсенко, согласившийся дать мне научный отзыв. Впоследствии он стал академиком и ученым секретарем отделения истории Российской академии наук, а его сыновья Андрей и Сергей – соответственно министром науки и образования РФ и руководителем Российского футбольного союза.

Но при нашем знакомстве в Лондоне в начале восьмидесятых Александр Александрович, поджарый пожилой человек спортивного вида, поразил меня тем, что отказался ехать в посольство на городском транспорте.

– Неужели я на такси не могу туда добраться?! – безапелляционно отреагировал он на мои попытки объяснить, как лучше добраться до места на метро или автобусе.

Надо сказать, тогда это был подвиг для советского человека. Ни у кого из отечественных ученых не было и не могло быть валютных источников, кроме жалких суточных, на которые и пропитаться толком было невозможно.

Лондонская командировка подарила мне также незабываемую встречу с великим шахматистом Гарри Каспаровым. В конце 1983 года двадцатилетний Гарри провел в Лондоне успешный полуфинал турнира претендентов, после чего одолел в финале ветерана советских шахмат Василия Смыслова. Через год он бросил вызов действующему чемпиону Анатолию Карпову, победил его и надолго занял мировой шахматный трон. Примечательно, что нынешний оппозиционер Каспаров тогда представлял официальные советские шахматы против дезертировавшего из страны Виктора Корчного, имя которого

было строго запрещено упоминать в советской прессе.

Наглость – второе счастье. Пока завершалась последняя игра Гарри с Корчным, я успел познакомиться с каким-то функционером из его команды. Как только в зале раздались рукоплескания в честь победителя матча, мы рванули в гостиничный номер Каспарова. Там уже хлопотала над импровизированным фуршетом его армянская мама, не отходившая в те времена от сына ни на шаг. На стене красовался самодельный плакат, повешенный еще, видимо, в начале матча: «Если не ты, то кто же?!»

Через пару минут в номер ворвался счастливый Гарри в окружении тренеров. После этого дверь решительно захлопнулась перед толпой поклонников и представителей СМИ. Так что все самые эксклюзивные впечатления и эмоции достались одному-единственному журналисту – мне.

Гарри оказался замечательным, умным собеседником. Репортаж о его успехе и интервью с ним получились великолепными.

Но вот что забавно. Пытаясь восстановить в памяти детали тех событий, я обнаружил, что ни в одном из моих опубликованных газетных репортажей имя Корчного не фигурировало вообще, как будто Каспаров играл с фантомом или побеждал сам себя!

Большинство же советских гастролеров интересовалось в основном шопингом. Они проводили все свободное время в походах по магазинам, начиная с нашего посольского, где спиртное, сигареты и вполне приличные шмотки продавались по ценам, доступным командировочному люду. Некоторые мужчины, что также вполне естественно, просили меня поводить их по злачному району Сохо, где в ту пору сосредоточилась секс- и порноиндустрия. Ни имена, ни положение всех этих людей мне не запомнились. Слишком уж примитивными и банальными были их желания и мотивы.

О Киме Филби

С Кимом Филби, одним из самых великих разведчиков двадцатого века, мне посчастливилось не только регулярно общаться с 1975 года и вплоть до его смерти в 1988-м, но и несколько лет учиться в семинаре, который он вел. Не буль в моей жизни Филби, я был бы абсолютно иным человеком. Да и судьба моя, вероятно, сложилась бы по-другому.

Поэтому главному моему англичанину в этой книге посвящены сразу несколько материалов. Написанные в разные годы и для различных публикаций, они подверглись лишь легкой редактуре, дабы избежать повторов того, о чем повествуется в других главах.

Школа Филби

О жизни Филби в Советском Союзе с 1963 по 1988 год известно крайне мало. Если, конечно, не считать того, что выявилось в ходе случайных встреч с западными журналистами, из переписки с корреспондентом «Саиди таймс» Филлипом Найтли и публикаций в связи с возобновившейся дружбой с писателем и бывшим коллегой по работе в английской разведке Грэмом Грином. Сам Ким никогда не поощрял интереса к собственной персоне, а тем более к своей профессиональной работе. Правда, отдельные упоминания о том, чем в действительности занимался Филби в Москве, есть в книге Кристофера Эндрю и Олега Гордиевского «КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева», но они базируются в основном не на опыте личного общения, а на сведениях, почерпнутых одним из авторов, Гордиевским, от третьих лиц.

К сожалению, отсутствие информации о таинственном супершпионе способствовало тому, что на Западе стали появляться самые разнообразные домыслы относительно участия Филби в кознях Москвы. Апофеозом явилось произведение Фредерика Форсайта «Четвертый протокол», где Филби приписывалось авторство дьявольского плана организации ядерной диверсии в Британии.

Кстати говоря, узнав о выходе книги, Филби очень просил поскорее достать ему экземпляр и с большим интересом ознакомился с тем, что же он, оказывается, натворил. Впоследствии Ким держал этот детектив на видном месте в своей библиотеке.

В реальной жизни все выглядело гораздо более прозаично. Он действительно выступал в качестве консультанта КГБ по вопросам деятельности западных спецслужб, хотя к мнению его, мягко выражаясь, не каждый раз прислушивались, а уникальный опыт высококлассного профессионала далеко не полностью оказался востребованным. Филби увлеченно читал, работал над своими воспоминаниями. Во время многочисленных поездок по стране он встречался с коллективами сотрудников территориальных органов КГБ.

Но было у Кима на склоне лет еще одно занятие, которое его чрезвычайно вдохновляло. On относился к нему с колоссальной ответственностью. Кто не мечтает о том, чтобы воплотить себя, хотя бы частично, в учениках, создать собственную школу? И вот у Кима появились воспитанники.

Надо сказать, что с началом семидесятых годов в жизни Филби произошли значительные изменения в лучшую сторону. Он женился, стал чаще путешествовать по Союзу и странам социалистического лагеря. Среди руководящих сотрудников разведки появились молодые, не столь консервативно настроенные люди, которые смогли оценить, какой клад советские спецслужбы имеют в лице Кима. Одним из мероприятий в череде участившихся контактов с действующими оперработниками была встреча с молодыми разведчиками, занимающимися английской проблематикой.

Но сначала немного предыстории. Осенью 1974 года заместителем начальника Третьего отдела и куратором Англии был назначен Михаил Петрович Любимов, вернувшийся издании. Перед ним была поставлена крайне сложная задача. Он должен был наладить работу лондонской резидентуры после массовой высылки 1971 года, когда в точке остался лишь один сотрудник по линии политической разведки, а цепной агентуры уже давно не было.

Одна из его идей заключалась с том, чтобы опереться на опыт наших московских англичан – Дональда Маклина, Джорджа Блейка и Кима Филби. Маклин и Блейк по разным причинам отказались от участия в соответствующих проектах, а вот Ким на встрече в ресторане «Арагви» дал свое предварительное согласие, причем с радостью.

По воспоминаниям М. П. Любимова, в том же «Арагви» – ресторанов в Москве в то время вообще было мало, а этот чекисты особенно уважали – 1 января 1975 года было организовано празднование дня рождения Кима. Во время торжества он подтвердил свою готовность к сотрудничеству в качестве консультанта в присутствии шефа внешней разведки В. А. Крючкова и целого ряда других высокопоставленных генералов Первого – разведка – и Второго – контрразведка – главков КГБ. Среди задушевных гостов и прочих любезностей фактически и было положено начало новому курсу, как называл его сам Филби.

После этого Любимов регулярно встречался с Кимом и быстро понял, что тот жаждет работать, а полной загрузки мы предложить ему не можем. Тогда и родилась эта идея, было решено нацелить сто на курсы подготовки молодых офицеров разведки к работе на Британских островах.

Декабрьским вечером 1975 года на конспиративной квартире в центре Москвы молодежь с трепетом ожидала появления легендарного корифея разведки. Как признался потом Ким, он тоже волновался. Еще бы, первая встреча с целым коллективом коллег за почти тринадцать лет!

Несколько вступительных слов мгновенно сняли напряжение. Ким принялся увлеченно рассказывать о том, кем он собирался стать, поступая в Кембридж.

Отвечая входе импровизированной пресс-конференции на вопрос о своих хобби, гость, в частности, сказал:

– С удовольствием перечитываю классиков английской литературы. Люблю хоккей, в качестве зрителя, конечно. Есть у меня еще одно хобби – кулинария. Если сомневаетесь, приходите в гости.

Вот из этого «приходите в гости» и зародилась идея регулярных встреч Филби с молодыми сотрудниками, в ходе которых он мог делиться с ними своим опытом разведывательной работы. Правда, в квартиру Филби ребят еще долго не пускали. По-прежнему действовали старые табу. Было решено каждый год создавать небольшую группу из трех-четырех человек во главе с ответственным сотрудником английского отдела политической разведки, в обязанности которого входило присутствие на занятиях и поддержание контакта с кураторами Филби из контрразведывательного подразделения.

Семинар Филби действовал с небольшими перерывами с 1976 года почти до самой кончины учителя. Через него за это время прошло в общей сложности полтора десятка молодых сотрудников. Каждую пятницу, отравляясь к своим воспитанникам на конспиративную квартиру, Ким страшно нервничал. Он печатал для себя подробные памятки и перечитывал массу литературы.

– Могу ли я, давно оторванный от английских реалий, сообщить им что-то такое, чего они пока не знают? – делился он своими сомнениями. – Порой мне кажется, единственное, на что я способен, это привить молодым людям чутье охотника.

Эти сомнения Кима усилились, когда на одной из встреч появился сотрудник лондонской резидентуры КГБ, приехавший в отпуск. Филби буквально с открытым ртом слушал его рассказ о современных методах работы британских спецслужб против советских представителей и, кажется, даже расстроился. После этого он стал еще тщательнее готовиться к семинарским занятиям.

И все-таки сомнения Филби были абсолютно напрасными. Он сам по себе являлся для молодежи величайшей школой.

Например, ребятам иногда удавалось подсмотреть за ним на подходе к конспиративной квартире. Ким умел ходить как-то неприметно и в то же время так, что постоянно держал в поле зрения градусов этак сто пятьдесят. Это достигалось за счет его неподдельного интереса к мелочам. Привычка, выработанная

годами, была доведена до такого совершенства, что проверка на предмет выявления слежки вовсе не выглядела таковой.

Затем он неожиданно появлялся в дверях с одной из неизменных своих шуток.

Например:

– Вы знаете, адрес нашей берлоги я запомнил следующим образом. Номер дома – по Джеймсу Бонду, ноль ноль семь, а квартиру – по номеру воротничка первой сорочки, купленной мною в Москве.

На журнальном столике, вокруг которого в креслах и на диване размещалась группа, стояло скромное угощение к полуденному чаю и бутылка хорошего коньяка. Ким пил армянский «Ани» или грузинский «Варцихс», разбавляя его водой. Получалось нечто вроде американского бурбона. Он курил дешевые отечественные сигареты без фильтра «Дымок», а в случае прибытия посылки из Лондона – свои любимые «Житан» или «Голуаз» из черного нерафинированного табака.

Два-три часа занятий пролетали как одно мгновение. За вступительным словом учителя, который, кстати, настаивал, чтобы его называли на «ты» и «Ким», в крайнем случае – «товарищ Ким», следовала оживленная дискуссия. Естественно, на английском языке.

Затем начиналось самое интересное. Филби предлагал нам различные оперативные ситуации с их последующим разбором. Вот он – агент английской контрразведки, пытающийся выведать у советского дипломата или журналиста, только что приехавшего в страну, его истинную ведомственную принадлежность. В следующей ситуации учитель преображался в официальную связь, бросающую в ходе беседы втемную золотую крупинку ценной информации, которую оперработник должен заметить и раскрутить. К концу каждого занятия с воспитанников катился пот в три ручья.

Маленький пример. Филби в ходе обмена мнениями о международных событиях вскользь, среди многих других вещей, упомянул, что, по сведениям из Ватикана, Папа Римский в предстоящей энциклике собирается изложить в такой-то трактовке такую-то концепцию римской католической церкви. Ученик не заметил этой крупицы информации и усиленно выжимал из своего собеседника другие, как ему казалось, куда более интересные сведения. Но при разборе выяснилось, что предстоящие изменения в акцентах Ватикана, по всей вероятности, окажут влияние на общественное мнение в латиноамериканских странах в сторону усиления антиамериканских настроений, что, несомненно, скажется и на

политике государств региона.

Вот как сам Филби описывал в одной из памяток методику своих занятий со слушателями:

«Участвуя в этих учебных дискуссиях, все слушатели вначале проявляли себя крайне слабо, до последнего защищая каждый аспект политики СССР. Я же пытался убедить их, что главной целью является не защита любой ценой советской политики, а установление хорошего контакта с людьми; добиться же этого в условиях плюралистического общества можно, лишь допуская, что они, будучи искренними и неглупыми людьми, могут иметь свои взгляды, отличные от взглядов сторонников советской политики. Тут они сталкиваются с самой настоящей дилеммой: а) им нельзя наносить ущерб советской политике безответственной болтовней; б) с другой стороны, они не должны докучать людям и отталкивать их бесконечным повторением положений, строго соответствующих партийной линии.

В этом плане были достигнуты неплохие результаты, и на занятиях в конце концов имел место ряд действительно интересных собеседований. Слушатели научились, лишь кратко коснувшись невыгодного вопроса, уйти от его обсуждения либо полностью обойти такие проблемы, как, например, Афганистан, которые лишь вызывали нескончаемые споры, насыщенные бездоказательными утверждениями. В то же время они приобрели навык концентрировать внимание собеседников на таких темах, по которым в результате обмена мнениями может быть достигнута высокая степень согласия, например проблемы мира, разоружения, торговли между Востоком и Западом и т. п.».

Зачастую на занятиях Филби подчеркивал, что «к счастью, здесь присутствуют только представители политической разведки». После этого он позволял себе достаточно откровенные по советским меркам заявления, говорил, в частности, что не верит в советскую угрозу для Европы, так же как и в то, что со стороны НАТО существует угроза для СССР.

Значение семинара Филби для его слушателей невозможно переоценить. Это не только чутье охотника, но и сгусток жизненной мудрости, азбука свободного общения с различными категориями англичан.

По просьбе тогдашнего руководства английского отдела советской разведки Филби писал на выпускников семинара краткие, но чрезвычайно емкие характеристики. Каждая из них представляет собой шедевр психологического анализа личности, филигранной оценки оперативных качеств и возможностей молодого разведчика. В этих лаконичных характеристиках нет ни единого обидного слова, но при их чтении создается достаточно

полная картина в отношении перспектив использования того или иного оперработника.

Для сопоставления и наглядности приведу воображаемую типовую характеристику на оперработника советской разведки семидесятых, да и не только этих годов.

«Иванов Иван Иванович – 19.. года рождения, русский, член КПСС с 19.. года, партбилет №…, образование высшее – в 19.. году окончил…, в органах госбезопасности с 19.. года, оперуполномоченный отдела ПГУ, капитан.

Тов. Иванов И. И. работает в центральном аппарате ПГУ с 19.. года. Зарекомендовал себя как исполнительный и дисциплинированный сотрудник. К выполнению служебного долга относится ответственно, освоил порученный ему участок работы. Выезжал в краткосрочную загранкомандировку в капиталистическую страну со сложной обстановкой, с поставленными перед ним задачами справился.

Постоянно работает над повышением своего профессионального и идейно-политического уровня, активно выступает на семинарах школы научного коммунизма.

Принимает активное участие в общественной жизни коллектива, является парторгом подразделения.

По характеру выдержан и уравновешен. Принципиален и честен. Пользуется уважением в коллективе. На критические замечания реагирует правильно. Внешне подтянут. Хороший спортсмен. Увлекается театром и чтением исторической литературы.

Женат, имеет сына, воспитанию которого уделяет много времени. Отношения в семье нормальные. Морально устойчив.

Государственную и служебную тайну хранить умеет. Делу Коммунистической партии и социалистической Родине предан.

Рекомендуется для направления в командировку в капиталистическую (социалистическую) страну».

Для полноты картины добавлю, что такую характеристику можно найти в личных делах как сотрудников, вставших на путь предательства, так и всеми уважаемых руководителей советской разведки. Конечно, попадались в них отдельные критические фразы типа: «вместе с тем ему рекомендуется уделять больше внимания вопросам чекистской подготовки» или же «эмоционально невыдержан, в спорах допускает горячность». Но упаси боже, чтобы их было много! Чиновники из кадрового аппарата заставят сгладить углы либо будут настаивать на отстранении уже подготовленного сотрудника от командировки.

А теперь посмотрим, что пытался сообщить о своих воспитанниках Филби, не ведавший премудростей кадровой

политики ПГУ. Вот некоторые отрывки из составленных им характеристик.

«ВЛАДИСЛАВ. В целом будет хорошо принят в английском обществе. Ему не составит труда сойтись с представителями большинства слоев, и особенно с образованными людьми. Жителям пригородов, однако, отдельные полеты его мысли могут показаться весьма странными. В большей степени ему удастся работа с людьми, обладающими оригинальным, неортодоксальным складом ума.

Знание английского языка вполне достаточно для выполнения любой обычной задачи. При этом необходимо сделать оговорку, что иногда владение языком не поспевает за полетом его мыслей, в результате чего Владислава порой трудно понять. Иногда происходит следующее: я понимаю его английский, я понимаю его мысли, но вместе их не сразу разберешь.

Хорошие оценки за живость ума, оригинальность и предприимчивость. Но в нашей работе необходимо контролировать эти положительные качества. Некоторые из его идей слишком сложны для того, чтобы можно было надеяться на их претворение в реальной жизни. Конечно, хорошо иметь оригинальные идеи и уметь их детально разрабатывать, однако введение в схему слишком большого количества неизвестных увеличивает риск неудачи. В любом случае пусть Владислав продолжает изыскивать пути подхода к решению проблем. В дальнейшем он столкнется с необходимостью упростить их и подумать над параллельными путями достижения стоящей перед ним цели более прямым и простым способом.

Владислав, вероятно, наиболее нервный и легко возбудимый из всей группы. Это заставляет меня задуматься над некоторыми вопросами. Должен подчеркнуть, что искусственные условия наших встреч не позволили мне с уверенностью на них ответить.

Сможет ли он контролировать себя в условиях перерастания дискуссии в горячий спор?

Сможет ли он сохранять спокойствие перед лицом резко враждебной атаки личного или политического характера?

Насколько хладнокровно поведет он себя в условиях серьезного профессионального кризиса?

Как уже было сказано, я не имею возможности ответить на эти вопросы; не исключено, что истинные ответы будут в пользу Владислава. Однако, наблюдая за его характером, я пришел к выводу, что эти вопросы требуют рассмотрения».

«ВЛАДИМИР. Хотя он занимается в моей группе второй год, дать ему опенку труднее, чем остальным. Он умеет располагать к

себе людей, и англичане могли бы найти его приятным человеком. Внешне он сошел бы за английского дипломата. В то же время, несмотря на мои неоднократные попытки вытащить его из скорлупы и заставить проявить свою личность, я узнал о нем очень мало, а потому не решаюсь сформировать окончательное мнение; могу лишь сказать, что нахожу его человеком, внушающим большую симпатию.

Однако беспокоит меня то, что в конце второго года занятий он все такой же застенчивый, каким был в начале первого. Иными словами, в своей работе с ним я не добился успеха. Ему, безусловно, надо предпринять решительную попытку преодолеть свою робость, ибо в противном случае его пригодность к работе будет в значительной мере ограничена. Будучи располагающим к себе человеком, он, очевидно, мог бы произвести благоприятное впечатление на готового агента; но у меня гораздо меньше уверенности в его способности добиться углубления отношений со своими собственными контактами. В этой связи возникают вопросы: Не является ли он сверхвпечатлительпым человеком?

Или же он слишком сосредоточен на самом себе?

Способен ли он выдержать возможное напряжение?

У меня недостаточно наблюдений, чтобы ответить на эти вопросы, но тот факт, что я их поднимаю, демонстрирует мои сомнения».

«МАКСИМ. Очень хорошо будет принят в английском обществе. Во время наших занятий я часто ловил себя на мысли, что, родись он в Англии, он вполне мог бы сегодня работать в Форин-офисе. Он будет с удовольствием принят в кругах британского истеблишмента, в клубах сотрудников госаппарата, среди представителей свободных профессий и в академическом мире. Возможно, несколько сложнее ему будет сойтись с более упрямыми и несговорчивыми бизнесменами.

Знание английского языка достаточно для выполнения любой обычной задачи; я полагаю, что после небольшой практики в стране он сможет говорить по-английски действительно очень хорошо. Дело здесь не просто в знании языка: сочетание степени владения языком и личных качеств, комбинация серьезности намерений со скромностью – именно это делает его типичным «англичанином».

Хорошие оценки за рассудительность, подход к проблеме и самоконтроль, хотя мои суждения могут быть обусловлены искусственными условиями наших встреч. Я с уверенностью поручил бы ему задания, требующие этих качеств, а помимо этого, он наверняка справится с решением личных и профессиональных проблем деликатного свойства.

Мое единственное сомнение в отношении Максима заключено в слове «скромность». Это прекрасное качество для успешного ведения работы с представителями английского общества. Но наша работа иногда требует проявления значительной степени самоуверенности со стороны оперработника.

Многие агенты почти всегда нуждаются в том, чтобы к ним относились с сочувствием и пониманием. Но иногда некоторых агентов надо держать в ежовых рукавицах. Я уверен, что Максим исключительно подойдет для работы с первой категорией агентуры. А вторая категория? Этот вопрос я не смог решить в ходе наших встреч, так что оставляю его на ваше усмотрение».

Что сталось с этими слушателями семинара? Вместе с второгодником Владимиром в лондонской резидентуре работал Олег Гордиевский, который, по его словам, был готов полностью подписаться под характеристикой, ранее данной Филби. Можно по-разному относиться к Гордиевскому, но его слова подтверждает тот факт, что в данном случае сомневающийся Филби был гораздо ближе к истине, чем специалисты по кадрам ПГУ, направившие Владимира на работу в одну из самых сложных западных стран.

Не ошибся Ким и в случае с Владиславом. В загранкомандировке тот крайне иррационально повел себя в момент эмоциональной увлеченности и был срочно отозван в Москву, на чем его разведывательная карьера, собственно, и закончилась.

Оперативная судьба Максима – читатель, вероятно, уже догадался, что речь идет об авторе этих строк, – сложилась в целом успешно. Однако его излишнюю мягкость, тонко подмеченную Филби, отмечали в дальнейшем практически все, с кем ему приходилось сталкиваться по чекистской работе, и на том берегу, и на этом.

Филби неоднократно говорил, что ощущает на себе груз ответственности за каждого из своих питомцев. Он живо интересовался их успехами, а с некоторыми поддерживал регулярную переписку. Вот выдержки из его писем:

«Я чрезвычайно рад был услышать о твоем новом ответственном назначении, о чем свидетельствует полученная из Лондона открытка с видом собора Св. Павла и его окрестностей. От всего сердца желаю удачи. Она, как я неоднократно говорил вам, очень и очень тебе понадобится!»

«Желаю всем вам профессиональных успехов, и если в этом вы будете хотя бы в малой степени обязаны тому, что я вам преподавал, то я горжусь этим и чувствую себя счастливым

человеком».

«Я почти начал верить в существование телепатии. В момент прибытия твоей посылки я читал роман, один из героев которого заказал себе „Пиммз № 1“ – напиток, о котором я ни разу не вспомнил с тех пор, как в 1956 году навсегда покинул Англию. Мне подумалось, как же я за эти годы оторвался от английских реалий, – и тут неожиданно появляется бутылка этого самого напитка! Более того, недавно я отправил дочери небольшой список заказов, забыл включить в него острый соус „Ли-энд-Перринс“ и соевый соус. Пока размышлял над тем, стоит ли посылать вдогонку второе письмо, оба соуса также прибыли в твоей посылке. Спешу добавить, что дело здесь все-таки не в телепатии, а в том, что, когда люди хорошо узнают друг друга, как в нашем с тобой случае, между ними быстро устанавливается интуитивная связь».

Видимо, под влиянием уроков тридцатых годов, когда были репрессированы многие из его оперативных руководителей, Филби крайне болезненно переживал бесследное исчезновение людей, ставших ему близкими. Он просто не мог смириться с такими потерями.

Одного из его бывших учеников – речь идет об оперработнике, выдворенном из Великобритании и фигурировавшем на обложке газеты «Таймс», – долго не пускали навестить учителя под предлогом нездоровых идейных настроений последнего. Молодой человек плюнул на все запреты и все же отважился нанести Киму визит.

Тот встретил воспитанника в слезах и бросился ему на шею со словами:

– Я думал, что никогда уже тебя не увижу, и никак не мог понять почему.

Как впоследствии вспоминал ученик, в тот момент его охватил ужас при одной только мысли о том, что ему придется сказать: «Причина в твоей неблагонадежности, Учитель». К счастью, Филби перевел разговор на другую тему.

С годами ему становилось все труднее вести семинар.

«Ким был страшно рад ученикам, – вспоминала впоследствии его жена Руфина Ивановна. – Они помогали ему о (путать свою полезность».

Однако он иногда пропускал занятия. Это случалось, когда Ким чувствовал огромную физическую усталость, но, будучи человеком гордым, не хотел это показывать. Он вообще не любил, когда его видели немощным.

Как-то раз, отказавшись от встречи с учениками, он воскликнул:

– Ах, если бы с этого начать двадцать пять лет назад! А то столько времени потрачено впустую!

Руфина Ивановна рассказала об этом уже потом, когда Кима не стало. А на очередном занятии ученики ничего не заметили. Перед ними, как всегда, сидел учитель, бодрый, излучающий теплый юмор и доброту.

Если существует какая-то форма сознания по ту сторону жизни, то Ким Филби видел, как вдень его смерти стайка самых преданных питомцев его семинара примчалась на квартиру к потрясенной вдове. Они ожидали встретить столпотворение соболезнующих друзей, высокопоставленных сотрудников комитета. Но дома была лишь убитая горем Руфина Ивановна. К ней по долгу службы заходили кураторы из контрразведывательного подразделения. Ученики разделили горечь первых рассказов о только что произошедшей утрате.

Затем, на пышной панихиде в Центральном клубе им. Дзержинского, они положили к подножию гроба учителя огромный букет алых гвоздик. А вот на кладбище эти люди держались подальше от объективов иностранных журналистов, ибо большинство из них еще находилось в рядах действующих разведчиков.

Со временем жизнь разбросала их кого куда. Но школа, выучка Филби остались. Учитель передал ученикам не только профессиональные познания и чутье охотника. Он приучил их широко и объективно смотреть на окружающий мир. Принципиально важно, что Ким, вопреки расхожему стереотипу, сложившемуся о нем на Западе, да и некоторым установкам в советской разведке тех лет, учил своих воспитанников работать не против Британии и США, а по ним.

Но самое главное, вероятно, заключалось в том, что он сумел укрепить, закалить в большинстве своих учеников моральный стержень, убедил их на собственном примере никогда не отказываться от присяги, однажды данной самому себе, или от своих убеждений.

Если вы окажетесь в Великобритании и попадете там в университет или колледж, то, может быть, увидите там седого, благородного старика-принципала, бывшего дипломата в ранге посла или высокопоставленного сотрудника государственной службы, в мягком твидовом пиджаке с кожаными налокотниками и в вельветовых брюках. Он строго и в то же время с любовью следит за шалостями юношей, резвящихся вокруг, а те, в свою очередь, с почтением выслушивают его мудрые наставления, не всегда, правда, следуя им.

Киму Филби удалось, насколько это было возможно, создать

нечто подобное в стране, которую он считал своей Родиной. Не это ли одна из причин, почему он ушел из жизни счастливым человеком?

Уроки мэтра

Материал об авторе из книги Н. Долгополова «Ким Филби».

Этот интеллигентный, седовласый, явно преуспевающий в жизни человек – один из тех, кто вполне заслуженно считает себя учеником Кима Филби. Сам Ким выделял его из остальных молодых – тогда – подопечных. И опенки ему всегда ставил высокие, и характеристику дал блестящую.

Вылетев из-под крылышка великого Филби, он поработал в Англии, потом, увы, был вынужден покинуть страну вместе с большой группой советских разведчиков, которые работали под крышей дипломатов и журналистов, выданных предателем.

Его отношения с Филби и его супругой Руфиной Ивановной сохранились.

Перешли из профессионального разряда, ученик – учитель, в товарищеские, даже, как мне видится, в дружеские. Полковник, сегодня уже в отставке, немало делал и делает, чтобы память об учителе стала достоянием не только узкой профессиональной группы соратников.

Считает, что свершенное Кимом Филби – это великий подвиг, о котором обязаны помнить. По-прежнему, вот уже много лет, помогает супруге Филби Руфине Ивановне Пуховой. В его архиве сохранились редчайшие документы, касающиеся жизни легендарного разведчика в Советском Союзе.

Этот монолог полковника я не сопровождаю ни комментариями, ни оценками. Привожу его без особых купюр и редакторских правок.

Как «приоткрыли» Филби

Мне трудно говорить о том, что было до 1975–1976 годов.

Познакомились мы с Филби именно в эти годы. Да, до того времени над Филби – завеса секретности. Даже для своих. Его оберегали, обеспечивали безопасность. И в принципе, это понятно.

Но как же возникла в Москве мысль использовать профессиональные знания Филби, прикрепить к нему молодых сотрудников службы, которым предстояло работать в Великобритании? Ее автор – полковник Михаил Петрович Любимов. Сейчас он писатель, часто выступающий по телевидению, дающий профессиональные комментарии по разведке. По меркам того консервативного времени он был

прямо-таки либералом по сравнению с большинством руководителей нашей службы. А со стороны внешней контрразведки не против этого был Олег Калугин, человек теперь известный по печальному, неприятному поводу. Но для Филби он кое-что сделал. Насколько знаю, это они вместе с Любимовым решили «приоткрыть» глубоко запрятанною Кима.

Инициатива заключалась в следующем: провести встречу нескольких молодых работников службы с Филби на конспиративной квартире на Тверской, тогда улице Горького.

Собрали группу. Мы, ребята молодые, волновались. Вошли, представились Киму Филби, пожали ему руку.

И первым вопрос Филби задал, может и от волнения, как раз я:

– Кем вы хотели стать, когда поступили в Кембриджский университет?

Ким улыбнулся:

– Хороший вопрос!

С этого и началось. Получилось нечто вроде пресс-конференции.

Интересно и познавательно. Так и зародилась идея регулярно проводить такие вот, назову их, семинары.

Самое первое занятие состоялось вскоре после дня рождения Кима – он родился 1 января. Нас с Юрой Кобахидзе, впоследствии ставшим видным представителем службы, генерал-майором, отрядили искать подарок. Помните, каким небогатым был тогда выбор в Москве?

Выполняя столь ответственное поручение, мы обыскали полгорода, сбились с ног и наконец где-то на Арбате, перед закрытием магазинов, с отчаяния купили настольные часы из самоцветного камня типа малахита.

К нашему изумлению, Ким оказался абсолютно счастлив, получив этот подарок.

«Может быть, это высочайшая британская вежливость, недоступная нашему разумению?» – подумали мы, но истинную причину узнали, лишь попав к Филби домой.

Часы гордо отстукивали на ломберном столике из точно такого же камня.

Так зарождалась чуть ли не телепатическая близость между Кимом и его учениками, о которой он впоследствии писал в письме одному из них.

Пикадилли на улице Горького

Мы заранее определяли какую-то тему: предположим, работа по парламенту, общение с прессой. Ким всегда готовился к семинарам тщательно.

Руфина Ивановна потом поведала мне, что муж ее перед этими встречами волновался. Понятно почему. Для него это было очень важно.

– Я приехал в шестьдесят третьем году из Бейрута, будто переполненный котел, – говорил он. – Не знал, как мне поделиться всей той информацией, которая у меня имелась. Думал, вот я в Москве, со мной будут встречаться, стану рассказывать все, что знаю про английские и американские спецслужбы.

Но период этих, как мы их называем, дебрифингов оказался довольно коротким, да и формальным. Не мне судить, что там происходило в 1963 году. Оказалось, что детали, подробности, все те данные, которыми обладал Филби, никого не интересовали. Как у нас говорят, всем было до лампочки.

Не могу этого понять! Возможно – подчеркиваю, возможно – в ту пору коллеги считали, что они все знают и без Филби. Дали ему солидную пенсию, окружили вниманием, быт наладили, и уже хорошо.

Так же отнеслись к приехавшим раньше, еще в 1951 году, Гаю Берджессу и Дональду Маклину.

Да, наверняка беспокоились за их безопасность. Но послать двух англичан в первый же год пребывания в незнакомой стране в провинцию – Куйбышев – да еще определить на далекие от разведки должности!..

Его считали отработанным материалом? Или никому в голову не приходило, что эти трое, а Филби особенно, являются ценнейшими источниками информации? Может, в ту пору не было у нас еще настоящих специалистов по дебрифингу?

Житье Филби в Москве в первые годы объясняет многое. Почему он тогда стал пить? Приехал, огляделся, увидел, что творится вокруг. Вы представьте, человек всю сознательную жизнь положил ради нас!

Сражался за мировой коммунизм. Сколько совершил в войну и после. И вдруг Москва, 1963 год, обеспеченное существование и пагубное для него бездействие.

Ким никогда не был трезвенником, как и все англичане, потреблял алкоголь. А сэр Алекс Фергюссон, который столько лет был главным в «Манчестер Юнайтед»? Он что, не поддавал? Но руководил великим клубом, сидел себе прекрасно на тренерском месте.

А у Кима основные неприятности в этом плане начались

здесь. Руфина, на мой взгляд, героиня. Она спасла его от бутылки. Вот какую надпись по-русски нашла Руфина Ивановна после его кончины на папке с рукописью: «Если бы Р. Ив. убила меня, я подтверждаю, что довольно причин для этого… К. Ф.». Передаю буквально, сохраняя стиль автора.

Руфина помогла мужу избавиться от алкогольной зависимости. Слава богу, что пришло спасение.

В первые годы пребывания в Москве Филби никуда не пускали. В разведку тоже. Иногда кто-то к нему приходил. Хотя, да, были билеты в Большой театр, машина, поликлиника.

Поначалу он из своего переполненного кипящего котла писал записки, меморандумы. Но они никуда и никому не шли. Ким вкалывал, создавал груды, которые никто не читал. Я сам от него это слышал.

Конечно, были у него кураторы. Но и что из того? Они-то что могли поделать? Да ничего. Общее настроение даже не в службе, а в стране, попавшей в застой, было такое, что ничего не надо.

Потом была встреча с Юрием Владимировичем Андроповым. Она, если не ошибаюсь, пусть и единственная, многое изменила. Жаль, что произошло это не сразу после приезда Кима в Москву.

Его стали привлекать к консультированию по линии активных мероприятий, и Ким был этим очень увлечен. Ему давали сложные вещи на рецензирование, и Филби писал свои точнейшие рекомендации.

Однако годы уже катились ко второй половине семидесятых, и много лет было потрачено впустую.

Чуть позже специальным распоряжением Андропова его приравняли по содержанию к старшему офицеру, насколько знаю, к полковнику, а потом и к генералу. Он всю жизнь считал себя аттестованным офицером КГБ, но никогда им не был.

Как-то на лекции для высшего руководства Первого главного управления Филби обронил с сарказмом:

– У меня были официальные пропуска в штаб-квартиры семи ведущих спецслужб мира. Наконец, после сорока трех лет службы советской разведке, я проник в восьмую по счету, мою родную.

К этому моменту он уже четырнадцать лет находился в Москве. Да, с ним поступили так. Выкручивайся, как уж можешь.

Как известно, Гай Берджесс закончил печально. А Дональд Маклин нашел себя, писал книги, научные работы, лекции. Помню, когда мы учились в Краснознаменном институте имени Андропова, изучали сто монографию «Внешняя политика Англии после Суэца», изданную в Москве. Маклин сумел все преодолеть! Он превратился в крупного ученого и под псевдонимом Мадзоевский создал немало ценного.

Мог бы проявить себя и такой яркий, исключительно талантливый человек, как Берджесс. Ведь в ту пору Англия с точки зрения политологии была изучена у нас слабо, мало кто исследовал английскую политику. Я писал диссертацию по англо-американским отношениям в Институте США и Канады в восьмидесятые годы и по собственному опыту знаю, насколько мало специалистов по этой стране, как немного политологической литературы о Британии у нас тогда издавали.

Хотя какая европейская держава может быть важнее Англии? Еще в середине девятнадцатого века в России прочно утвердилось выражение:

«Англичанка гадит», где под «англичанкой» подразумевалась королева Виктория, а под словом «гадит» – все то плохое, что делал Лондон по отношению к нашей стране. На протяжении веков Британия оставалась, остается и, похоже, останется главным нашим антиподом в Европе.

Затем у Филби начались поездки за границу. Болгария с Венгрией и ГДР беспокойства не вызывали, куда можно было спокойно добраться на поезде. Но вот в 1978 году они с Руфиной отправились на Кубу. Это было уже сложнее. Пассажирский теплоход делал остановки в неприятельских портах. Самолет исключался с самого начала. В конце концов супруги поплыли на сухогрузе без остановок, прямо до Гаваны.

У Филби в Москве, к счастью, появились новые увлечения. Он, всю жизнь болевший за лондонский «Арсенал», приобщился к нашему футболу и хоккею. Ходил – правда, с сопровождающими – на стадион. В 1978 году встречался с победоносной хоккейной сборной СССР, проникся незнакомой раньше игрой. Потом был на встрече с «Динамо», где с ним беседовали тренер Владимир Юрзинов, великие игроки Александр Мальцев, Валерий Васильев. Ясно, что болел за динамовцев – а за какую же еще команду? Он рассказывал молодым ребятам какие-то понятные им эпизоды из своей жизни, желал удачи. Хорошо, что стали его использовать хоть так.

А до этого было так. Мол, хочешь поехать в Ярославль? Давай, мы экскурсию организуем. Он человек любознательный, но совсем не турист. Ким считал, что мог бы многое дать людям своей профессии.

Существуют мнения, будто недоверчивому отношению к Филби есть определенные объяснения. В военные годы, да и после возникали в личных делах Филби и его друзей некие записи. В 1943 году его, давшего точные данные о грядущей битве на Курской дуге, вдруг упрекнули в снижении активности и результативности, вообще заподозрили в нем агента-двойника.

Эти рапорты писали серьезные люди! Даже Зоя Рыбкина-Воскресенская, известная наша разведчица, затем писательница. И не одна она. Была и другая дама с польской фамилией, майор ГБ Елена Модржинская. Она со времен войны доказывала, что агенты из «кембриджской пятерки» – подставы.

Все это докладывалось наверх, копилось и лежало там. Филби ставили на контроль, но вскоре все возвращалось на свои места.

Наверное, у нас не было ни одного разведчика, особенно перед войной, которого не подозревали бы в предательстве, то ли еще в чем. Верхи раздражала постоянно меняющаяся информация о дате нападения Гитлера на СССР. Ведь сколько было получено сообщений! Сроки действительно указывались разные, изменялись в зависимости от обстоятельств. Поди разберись в той предвоенной жутчайшей каше. И в работе Филби тоже случалось, что не все его данные были абсолютно точными.

Учитывайте и менталитет, в те годы господствовавший.

Подозрительность тотальная, да еще и информацию сообщают не кто-нибудь, а англичане.

В «Автобиографии» Филби есть один совершенно потрясающий маленький момент, точно воспроизводящий всю эту паранойю. Где-то в тридцатые годы Филби встретился со своим оперативным руководителем Теодором Малли.

– Правда ли, что погиб знаменитый английский разведчик Лоуренс Аравийский? – спросил его тот.

Этот вопрос был задан спустя несколько лет после смерти Лоуренса.

Почему? Все же абсолютно очевидно.

Но вопрос советского разведчика, работавшего с Филби, типичен. Мол, нам не верится.

Филби объяснил, что Лоуренс разбился на мотоцикле, похоронен там-то.

И снова вопрос:

– А это правда, что он похоронен?

Паранойя, на этот раз наша по отношению к англичанам, которые способны на все. Хотя точно такая же у англичан по отношению к нам.

Один отставник из европейской спецслужбы, с которым мы контачили по бизнесу, с ужасом сказал:

– Ты не поверишь, у них в черных списках полно ваших покойников, то есть тех советских и российских разведчиков, о смерти которых сообщалось официально!

Об этом еще писать и писать. Взаимное недоверие со времен Ивана Грозного. Англичане боялись большущей России, старались ее раздробить, разделить. Англичане – выдающиеся прагматики.

Исходя из своих национальных интересов они вступают в самые неожиданные альянсы, в том числе для того, чтобы нам насолить. Хитрят, пытаются дурить.

Ну какой из Филби двойной агент?! Он на редкость цельная натура.

Человек порядочный, честный. Еще до войны дал клятву работать на коммунизм и слову своему не изменил до конца, уже после того попал в английскую разведку. Не наоборот! Кое-кто из друзей Кима, работавших на СССР вместе с ним, со временем сошли с дистанции. 1945 год, война закончилась, и они честно заявили, мол, мы помогали победить общего врага, нацистскую Германию, а теперь все, штыки в землю. Именно так, например, поступил тот же Энтони Блант.

Филби же оставался с нами всегда. И когда до войны из-за сталинских репрессий чуть не полтора года не было связи «пятерки» с центром. И когда ею считали двойным агентом. Он все равно продолжал служить своему делу.

Ким приехал в Москву, когда ему было уже за пятьдесят. Он видел и понимал все. Да, с горя стал пить, чертыхался, но не отрекся. Во времена брежневского застоя Филби был определен чуть не в диссиденты. Но правда всегда пробивается. Ким уже стал легендой, настоящим героем. Его ноша была тяжела, и он до конца пронес ее с достоинством.

Филби неплохо воспринял перестройку, воспрянул духом. Однако уходила эпоха, которая принадлежала ему. Он ушел с ней. Это чисто английское качество.

За преданность, упорство и веру англичан у нас любят еще со времен диккенсовских романов. Или хотя бы уважают. В них есть принципиальность, честность, джентльменство.

Эти качества помогли Киму прожить жизнь так, как он хотел. Он не предавал соотечественников, никогда не работал против Англии. Ким повторял, что ни один англичанин – подчеркиваю, англичанин – не погиб по его вине. Он работал по Англии. Это все пропускают мимо ушей. У него был другой подход к разведке.

Да, с его помощью уничтожались агенты, например, в Албании.

Филби дал на это ответ британскому журналисту Филлипу Найтли:

«Сожалений возникать не должно. Да, я сыграл определенную роль в срыве разработанного Западом плана по организации кровавой бойни на Балканах. Но те, кто задумал и спланировал эту операцию, допускали возможность кровопролития в политических целях. Агенты, которых они отправили в Албанию, были вооружены и преисполнены решимости осуществлять акты

саботажа и убийства. Поэтому я не испытывал сожаления, что способствовал их уничтожению. Они знали, на что идут».

То же самое происходило и в Турции, когда арестовывались диверсанты из различных диаспор, переходящие через советскую границу. Их отправляли бороться против своих соотечественников в Армению, Грузию и в другие республики!

Был вывезен из Стамбула предатель Волков, предложивший свои услуги англичанам. Но его к британцам отнести сложно. А перейди он на чужую сторону, сколько людей было бы арестовано, казнено!

Прямой канал

«Я чувствовал, что мои идеалы и убеждения, мои симпатии и желания на стороне тех, кто борется за лучшее будущее человечества, – писал Ким в одной из своих статей. – В моей Англии, на моей Родине, я тоже видел людей, ищущих правду, борющихся за нее. Я мучительно искал средства быть полезным новому обществу. А форму этой борьбы я нашел в своей работе в советской разведке. Я считал и продолжаю считать, что этим я служил и моему английскому народу».

Быть может, это звучит несколько идиллически. Но он был идеалистом, романтиком, искренне верящим в новое и чистое будущее. В первые годы жизни в СССР Ким был разочарован, но не сломлен. Оставалась вера, которая и помогла.

В этом высказывании Кима Филби содержится целая философия разведки, ее главный постулат. Так считали и мы, занятые в этой области человеческой деятельности, преданно в ней работавшие.

Вот общаются дипломат с дипломатом. Но информация, получаемая представителями двух разных стран, все равно не та, что идет через разведку. Она приукрашена, в ней немало чисто дипломатических экивоков. Поэтому с незапамятных российских, потом советских, а сегодня вновь российских времен посла слушали с меньшим вниманием, чем резидента. Разведка – более прямой канал для доведения, куда требуется, сведений, необходимых твоей стране.

Поэтому англичане, включая видных политиков, в первую очередь Лейбористской, да и Консервативной партий, порой сознательно шли на контакт с нашим резидентом или оперативным работником. То, что они хотели побыстрее довести до нашего руководства, передавалось именно так. Это первый

момент.

Момент второй: разведка способствует прозрачности. Если кто-то что-то друг от друга скрывает, если разведка узнает нечто о переговорах, ведущихся не совсем так или совсем не так, как сообщают чужие дипломаты, то она помогает донести правду до высшего руководства.

Тогда уже лидеры стран, получившие информацию от разведки, обращаются к своим зарубежным оппонентам. Мол, что же мы тут друг другу морочим голову? Таким вот образом разведка способствует и прозрачности, и откровенности в отношениях.

Десант из Ясенева

По пятницам мы ездили на улицу Горького из Ясенева. Собирались часа в четыре. Занятия продолжались два-три часа. Филби рассказывал о теме так, как она ему виделась, смотрел в свои записи, по ходу иногда делал какие-то пометки. После этого начинались практические занятия, своеобразные ролевые игры. Что он нам давал, даже трудно передать.

Ким говорил, что разведка – гигантский аналитический труд, крайне интенсивное общение с людьми и якобы ни о чем. Он предупреждал нас обо всех сложностях, предубеждениях и вероятных ошибках.

Если я расскажу, в чем состоял в Англии мой рабочий день, то понятно станет, что все слова Кима оказались чистой правдой. Несколько обязательных часов работы с газетами. Масса встреч с самым разным народом. Только потом все это перерабатывается, и в голове появляется некая информация.

Серьезное задание тебе дают очень редко. Не каждый день ты считываешь метки и закладываешь тайники. Наружное наблюдение за тобой ведется далеко не всегда. Если посчитать, то несколько раз в месяц или какими-то волнами.

Жизнь идет потихонечку, но тебе что-то обязательно надо. Ты обязан давать результат, хотя и понимаешь, что ты находишься в целом под чужим наблюдением. А как иначе?

Отсюда внутренняя настороженность и постоянная оценка людей вокруг тебя. Поэтому разведчик все время находится под определенным стрессом. Филби об этом знал как никто другой. Он говорил о чем-то вроде бы в шутку, но так, что мы понимали всю серьезность ситуации, о которой учитель конкретно предупреждал нас. О таком не прочитаешь ни в каком учебнике.

Филби потом признавался, что пытался воспитывать в нас чутье охотника. Теперь у него была своя школа и ученики. Он очень гордился нами. Школа – важный кусок его жизни.

Первое занятие, если мне память не изменяет, состоялось в январе 1976 года. Потом они начинались с сентября-октября и шли по май.

Встречались мы каждую неделю. Иногда, правда, пропускали, если что-то не складывалось или попадало на какой-то праздник. Насколько я помню, курс состоял из десяти-пятнадцати занятий. Продолжалось все это около десяти сезонов. Я сам несколько лет был в этой группе.

С годами я, к собственному удивлению, стал все больше замечать, что на мне бренд – любимый ученик Филби. Может быть, он ко мне больше всех привык, и потому между вами сложились дружеские отношения?

Или же я был такой же, как он в молодые годы, идеалист и моральный чистюля, верящий в порядочность, принципиальность и коммунизм – светлое будущее всего человечества?

Так или иначе, но после первого года был я Кимом отмечен. Учитель уже при первом выпуске поставил мне единственному «пятерку». Потом второй год. Взяли еще двоих и меня. Я прошел у Филби четыре или пять курсов.

Когда в 1984 году из Англии вернулся Юрий Кобахидзе, ответственным стал уже он. Я же тогда работал в Лондоне и с Филби переписывался.

Вот письмо на кондовом, доморощенном английском, которое мы, ученики, написали Филби после завершения одного из годичных семинаров:

«Dear comrade, professor Kim! Please accept our gratitude for Your lectures, seminars, tutorial and professional jokes. We very appreciate Your titanic efforts and promise You that the knowledge we received on memorable for us Fridays will fruitfully serve to our common goal. We always admire You as a friend, wise teacher and comrade at arms. Your diligent students and colleagues – Albert, Alexander, Victor, Maxim, Vladimir».

«Дорогой товарищ, профессор Ким! Просим принять нашу благодарность за ваши лекции, семинары, обучение и профессиональные шутки. Мы исключительно ценим ваши гигантские усилия и обещаем вам, что знания, полученные по памятным для нас пятницам, плодотворно послужат нашему общему делу. Мы всегда восхищались вами как другом, мудрым учителем и товарищем по оружию. Ваши прилежные ученики и коллеги – Альберт, Александр, Виктор, Максим. Владимир».

Кстати, имейте в виду, что вам, возможно, встретится целый

ряд бывших сотрудников КГБ, и близко к Филби не подходивших, но вдруг вспомнивших, будто они были с ним вась-вась. Пошла мифология, что, в принципе, естественно. Большие имена обрастают легендами. На самом деле круг был, поверьте, довольно ограничен.

Однако продолжу об учебе. Мы брали у Кима материалы, которые он готовил для нас на английском. К примеру, тезисы о парламенте в его изложении, переводили их и то, что он нам говорил на занятиях. Из таких вот главок получился специальный том. Где он сейчас, я, разумеется, не знаю.

Зато мне известно, что произошло с характеристиками, которые писал Филби. Они оказались в холщовых мешках с документами, подлежащими уничтожению, попятное дело, путем сожжения. В специально оборудованном помещении к твоим услугам синие халаты, нарукавники.

Ты вываливаешь содержимое мешка в печь, стоишь и шуруешь кочергой до тех пор, пока все это полностью не прогорит.

Мы с моим другом и коллегой Юрой Кобахидзе перебирали эти бумаги и наткнулись на оригиналы наших характеристик, написанных Кимом, без фамилий, просто под именами, на свой страх и риск взяли эти листочки, перепечатали, привели в хороший вид, короче, сохранили. Ведь эти характеристики хранились не в наших личных делах, не в кадрах. Они были обречены на сожжение.

Даже в нашем отделе, увы и ах, никому эти характеристики оказались не нужны. Хотя на них многие ссылались, читали их. Оценки учитывали, а к самим материалам отношение было разгильдяйское. Конец восьмидесятых – начало девяностых, еще и Союз не распался.

За пределами школы мы с Кимом не общались. К нему домой друзья-кураторы нас в период учебы не пускали. Общение ограничивалось конспиративной квартирой.

У Филби, как и у некоторых людей его ранга, всегда был куратор от контрразведки. Но уже ближе к середине восьмидесятых мы с учителем умудрялись встречаться, обходя его. Был период, как я говорил, когда Филби считался чуть ли не диссидентом. Как же, он ведь ругал Брежнева! Так что у Кима в общении с разными направлениями нашей службы тоже были свои нюансы.

Потом кое-что изменилось. Мы познакомились с Руфиной Ивановной, созванивались с ней и заходили к Филби на квартиру. Он принимал нас, сидя в привычном, любимом кресле. Руфина уже знала нас всех по именам – Юру Кобахидзе, меня, других

ребят.

Руфина нуждалась в поддержке

Сложилось так, что Руфину я очень поддерживал. Началось все, когда мы поняли, что она бедствует. Все свои силы, время, годы она отдала Киму. Но в 1988 году он ушел из жизни, и наступили трудные времена, конечно, не только ДЛЯ Руфины Ивановны, но и для всей страны. В начале девяностых пенсия у нее была такая, что и назвать стыдно – где-то пять долларов в пересчете с инфляционных рублей. Надо было Руфину поддержать.

То самое обращение в аукционный дом «Сотбис», о котором многие писали с неким осуждением, было мерой вынужденной. Моя идея. Да, я тут немного согрешил, формально был еще сотрудником службы, находился в процессе увольнения, но никого в известность не поставил, связался с «Сотбис» сам.

В английских газетах тогда на видном месте красовалась фетровая шляпа. Но, скажу вам, не Филби, как многие думают, а Гая Берджесса.

Ушла она куда-то в частную коллекцию.

Сюда, в Москву, приезжали к Руфине разные люди. Представлялись они писателями, профессорами. Однако попадались среди них элементарные жулики, на вид такие интеллигентные, в очках, только подворовывали. Вплоть до того, что один деятель утянул у нее девять фотографий.

Целая делегация явилась из одного американского университета.

Смотрели они, а потом уверенным тоном предложили за все пять тысяч долларов. Сами понимали, что уж слишком перегнули. Ладно, дескать, вы неправильно поняли наш английский, мы имели в виду пятнадцать.

Руфина – человек деликатный, да и я грубостью не отличаюсь, что подмечал еще Ким. Но приходилось этих наглых покупателей выставлять. Они все с ходу схватывали. Ну что вы, давайте еще поторгуемся. Сплошное расстройство!

Вот тогда мне и пришло в голову, что самое честное из всего, что может быть, это аукцион. Наилучший вариант – «Сотбис». Связался я с ними, написал письмо, и пошла серьезная работа.

Руфина исходила из того, что Ким сказал ей перед смертью:

– Я мало что могу тебе оставить. Вот моя библиотека, распоряжайся как хочешь.

Ценнейшую ее часть составляли фолианты отца Филби, известного арабиста. Приехавшие эксперты «Сотбис» впились в них своими знающими взглядами. Уж они-то в этом разбирались. Отдельные тома оценили в 800, 1000, 1500 фунтов стерлингов.

Состоялся аукцион. Еще до него мы столкнулись с вопросом: как все это вывезти в Лондон? Как бы англичане ни относились к Филби, однако после бегства из Бейрута они все его вещи собрали и отправили в Россию. Частная собственность неприкосновенна, это святое. Но как отправить эти вещи в Англию?

Юра Кобахидзе пошел к Примакову. Тот рассудил моментально. Если эти вещи законно перешли к Руфине Ивановне, то она имеет законное право делать с ними все, что хочет. Тут же, сославшись на это, Примаков написал письмо, и Министерство культуры дало официальное разрешение на вывоз. Примаков, как всегда, был мудр и сразу сделал доброе дело. Руфина поехала в Лондон на аукцион, присутствовала на нем. Хотя там, конечно, ее немножечко надули, не без этого, но она все-таки стала более-менее обеспеченным человеком. Сейчас и пенсии в России немного повыше плюс сумма, которую она выручила. Так что слава богу.

Готовя аукцион, люди из «Сотбис» отбирали в первую очередь то, что проще было продать. Но много интересного в квартире Руфины все же осталось. К примеру, фотография отца Филби до аукциона успела съездить в Ясенево, где с нее была сделана замечательная копия. Да и фотопортрет Че Гевары, который Ким привез из поездки на Кубу, так и висит на видном месте в его кабинете. Полки там наполнены богатейшей библиотекой, они сделаны его собственными руками. На стене замечательное фото Грэма Грина с его собственноручной надписью, сделанной во время посещения писателем в Москве своего закадычного друга Кима.

Не меньший интерес представляет гостиная, где среди прочих аутентичных предметов до сих пор находятся испанский стол шестнадцатого века, любимое кресло Кима, перешедшее к нему после смерти Гая Берджесса в 1963 году, плетеный стул и шикарный ламповый, до сих пор работающий приемник пятидесятых годов, по которому он слушал радиотрансляции футбольных матчей из Англии; гравюра, переданная ему через советское посольство одним из членов «кембриджской пятерки» Энтони Блантом, и множество других вещей, представляющих историческую ценность. Все это вместе без преувеличения тянет на шикарную квартиру-музей!

Многочисленные попытки всех последних лет пробить идею

создания квартиры-музея Филби – больная для нас с Руфиной Ивановной тема.

Пробовали и так и этак, через руководство родной службы и даже через аппарат правительства. Все высокопоставленные лица вроде бы «за», но на практике все упиралось в бюрократическую волокиту. На чьем балансе? Какое ведомство отвечает? И так далее. Очень жаль, ведь время-то идет.

Помимо всего этого я уговаривал Руфину написать воспоминания о Киме. Ведь об одной трети сто жизни было практически ничего не известно. Что-то писала об этом лишь его третья жена-американка. Она сочиняла свои воспоминания с пятого на десятое, мало что понимая и ни в чем не разбираясь. Там в основном о трудностях быта. В конце концов она их не выдержала, бросила Кима и рванула к себе в Штаты, где вскоре скончалась.

А Руфина плакала, садиться за воспоминания не хотела.

– Ну как я все это буду?..

Но она начала работу.

Я каждый вечер звонил ей.

– Как, Руфина Ивановна, продвинулись? Что написали сегодня?

Я приходил, просил прочитать. Потом мы обсуждали текст.

Руфина по профессии редактор. Она очень жестко себя контролировала, работая над «Островом на шестом этаже». Зато значительнейшая глава в биографию Филби была вписана.

А еще до этого, в конце восьмидесятых, Руфина мне сообщила, что вдруг отыскались две папки, связанные с работой Кима. Она их открывать не стала, поняла, что это нечто секретное, и сразу отдала кураторам заодно с пишущей машинкой, казенной, с инвентарным номером. Но была еще одна тоненькая папочка с текстом, который был Руфине знаком, – рукопись начатой новой книги. Ким забросил эту работу, поскольку был уверен, что ее все равно никогда не опубликуют.

Ее она никому не опта показывать, боялась, что пропадет.

Как-то Руфина предложила мне вместе посмотреть содержимое. Так мы и сделали. Надо же, да это многостраничная рукопись, начало книги о его жизни, за которую взялся Ким! Кроме того, незаконченная статья о том, как правильно инструктировать агентуру на случай возможного ареста. Вероятно, с тех времен, когда он был переполнен желанием быть полезным, но его никто не слушал. Я убежден, что ознакомление с этим бесценным материалом спасло бы не один десяток агентов, оказавшихся в ситуации провала. Еще в папке оказались развернутые тезисы выступления Филби перед руководящим

составом разведки в 1977 году.

Я хранил эти рукописи как родные, любовно их расшифровывал, печатал и переводил. Ведь годы летят. Вместе с ними исчезают и вещи, связанные с событиями, в те времена происходившими.

Такова вкратце история моей скромной сопричастности к великому разведчику Киму Филби. Скажу честно, бренд любимого ученика Филби – ноша не из легких. От тебя постоянно ожидают, что ты какой-то необычный, сверхталантливый, хотя на самом деле… Да и в отношениях с Англией одна сплошная беда!

Судите сами. Вот уже более четверти века, с 1985 года, я абсолютная персона нон грата не только на Британских островах, но и в США с Канадой. Мир, слава богу, не без добрых людей. Эпизодически до меня через сочувствующих старых знакомцев доходят кое-какие сведения об отношении к моей особе английских спецслужб.

Я, например, знаю, почему американцы в 1995 году не дали мне визу для краткого въезда на деловую встречу. Оказывается, всемогущие хозяева западного мира проинформировали для проформы своих британских союзников и услышали такую истерику, что предпочли отказать под каким-то дурацким предлогом.

Через несколько лет к этим делам был подключен даже британский посол в Москве.

Он поначалу живо откликнулся на мою просьбу о краткосрочной разовой визе, но навел где надо справки и раздраженно сказал послу уважаемой европейской страны, ходатайствующему за меня:

– Боюсь, ничего не выйдет. Что вы хотите от некоторых моих соотечественников, которые до сих пор живут в холодной войне?

Это дословная цитата!

Потом была попытка моего хорошего знакомого – члена британского парламента, министра в теневом правительстве консерваторов, который искренне считал ситуацию нелепой.

Поговорив с членами своего элитного клуба, работающими в британских органах, он отписал мне:

«Максим, я такое услышал, что лучше больше не поднимать этот вопрос».

Долго я сидел и размышлял, что же такого натворил. Сам-то знаю, что ничего экстраординарного в моей английской карьере не было.

Постепенно я пришел к твердому убеждению, что причина в моей близкой ассоциации с именем Филби.

Надо понимать, что для англичан все связанное с Филби –

настоящая заноза, тяжелая травма. Человеку, в мир разведки не погруженному, даже представить трудно, до какой степени. Один из руководителей СИС, Филби, его друзья по «кембриджской пятерке», добравшиеся до высоких постов в Форин-офис, в разведке или до почетнейшей должности хранителя королевской картинной галереи, как Энтони Блант, все это для британского истеблишмента удар в самое сердце. Сколько же лет Филби с друзьями работали на русских! Они пробрались в святая святых, уверенно занимали посты, о которых мечтали сотни тысяч их соотечественников! Такого в Британии не могли представить. То, что британские спецслужбы так прокололись, зарубка на всю жизнь.

Я никак не претендую на то, что этот мой монолог полностью раскроет вам образ моего учителя. Нет, конечно. У меня иная задача. Я хотел бы помочь читателю в какой-то степени понять, как складывалась в Москве жизнь Филби, оценить все значение ею личности.

Додумывая за Кима

Из интервью российской и зарубежной прессе в период с 2012 года.

Меня всегда удивляли литературные критики. Чем они руководствуются, проставляя на том или ином произведении свой штамп типа «Катерина – луч света в темном царстве», «Онегин и Печорин – лишние люди»? В ту же корзину ленинское «Лев Толстой как зеркало русской революции». Иногда мне кажется, что, пробудись заштампованные великие авторы от вечного сна, прочитай они все, что им приписано более поздними их интерпретаторами, они бы как минимум вдоволь насмеялись.

«Надо же! – поражались бы они. – У нас и в мыслях подобного не было, когда мы работали над своими сочинениями».

Так уж сложилось по жизни, что в статусе одного из немногих россиян, лично знавших Кима Филби, мне на протяжении последних десятилетий по просьбам журналистов и слушателей лекций многократно приходилось отвечать на вопросы, затрагивающие самые деликатные уголки его личности, в том числе и духовной сферы. Я каждый раз рисковал оказаться в роли такого вот интерпретатора-штамповщика, но мне все же приходилось пытаться толковать его мотивы и поведение. Ниже я предлагаю вниманию читателя сборную солянку из интервью, которые давал различным изданиям, отечественным и зарубежным.

– Расскажите, пожалуйста, в какой мере Ким Филби владел различными научно-техническими знаниями, которые могли бы ему пригодиться для более эффективной разведывательной работы?

– В рамках разведки давно существует специализация. Уже вто время производился подбор специалистов по различным направлениям: политическая разведка, внешняя контрразведка, научно-техническая разведка. Для последней как раз и набирают людей, имеющих как минимум базовое высшее техническое образование. Например, насколько мне известно, легендарные разведчики-атомщики в большинстве своем заканчивали технические вузы, потом дополнительно изучали свою относительно узкую, например ядерную, тематику. Филологу было бы, вероятно, нереально освоить эту тему на профессиональном уровне.

Что касается Филби, как и других членов «кембриджской пятерки», они были задействованы в основном в политических аспектах разведдеятельности. В тех отделах, где работал Филби,

вряд ли можно было добыть сами чертежи атомных реакторов или секретные формулы. Скорее всего, там были важные документы, оценивающие мощь атомного оружия, варианты его применения и так далее. Конечно, Филби, не был специалистом, но чутье разведчика ему подсказывало, что если тот или иной документ прошел через определенные экспертные инстанции, то даже без знания технических деталей было понятно, что это не пустышка, а ценная информация.

Кстати, все члены «кембриджской пятерки» получили гуманитарное образование. Но тот же Энтони Блант, например, выдвигал технически новаторские идеи в области ведения наружного наблюдения, которыми, как говоря), в бри ганской контрразведке пользовались долгие годы. В то же время Джон Кернкросс, наоборот, от технических вопросов настолько дистанцировался, что даже автомобиль не научился водить как следует и был беспомощен во многих бытовых вопросах.

– Ким Филби о себе писал: «Не привык работать с женщинами». Как он сам это объяснял?

– На эту тему мы никогда не беседовали. Поэтому договоримся сразу. Все, сказанное мною, не более чем гипотетические догадки на основе того, что я знаю о Филби.

У Кима к женщинам было самое уважительное отношение. Но вероятно, он, как джентльмен, считал, что женщин не стоит впутывать в шпионские дела. История разведки свидетельствует, что в этой работе представительницы прекрасного пола вели себя по-разному. Кто-то обладал повышенной интуицией, а некоторые дамы, наоборот, при элементарных трудностях засыпались. Ким очень мало говорил о своем первом браке с австрийской коммунисткой по имени Литии. Тогда, в начале тридцатых годов, они вместе выполняли сложные секретные поручения. В Австрии они спасали коммунистов, вывозили из страны евреев. Он и саму Литци спас, женившись на ней, чтобы она могла выехать в Великобританию. Полагаю, что Ким считал женщину обременительным грузом при критических обстоятельствах. Как раненною в бою. Спасай себя или его. При этом риск погибнуть тебе самому многократно возрастает.

– А почему сотрудницы с Лубянки, высококлассные советские разведчицы Мод ржи некая и Рыбкина-Воскресенская, так предвзято, так недоверчиво относились к Филби?

– Это в значительной мере было характерно для многих работников советской разведки тех лет. Предвзято и недоверчиво они относились не только персонально к Филби, но и ко всей «кембриджской пятерке». Порой говорили, мол, слишком тут все хорошо, чересчур гладко, чтобы это было правдой. Хотя сведения,

получаемые от этой «пятерки», особенно от Филби, были необычайно ценными еще с тридцатых годов. Надо сказать, что тогда товарищ Сталин к немцам вообще относился гораздо лучше, чем к британцам. Он постоянно подозревал последних в различных кознях и патологической нелюбви к России. В какой-то мере это мнение Сталина передавалось и ниже по инстанциям.

Бывало, придирались даже тогда, когда девять пунктов из десяти донесения Филби несли точную и ценную информацию, а десятый – малозначительную. Уже это становилось поводом к недоверию. Тем не менее после тщательнейших перепроверок данные, поступившие от британской пятерки разведчиков, подтверждались. Кроме того, зачастую донесения содержали сведения, которые явно вредили именно британским интересам. Какой резон пересылать в Советский Союз из Великобритании подобного рода дезинформацию?

Так что в большинстве случаев послания от Филби сразу доставлялись лично Сталину, Молотову или Берии. Настолько важные сведения они содержали.

– Действительно ли выдающийся советский разведчик-нелегал Рудольф Абель-Фишер был у Филби радистом?

– Насколько я знаю из опубликованных материалов, в тридцатые годы Абель действительно работал в Англии и был там радистом. Как раз в тот период, кота из Лондона были отозваны завербованные и наши разведчики, работавшие с «пятеркой», в том числе Арнольд Дейч и Теодор Малли. На какое-то время Филби был полностью лишен возможности передавать свои донесения в Москву. От Кима про Абеля лично я ничего не слышал. Но версия насчет их непосредственного сотрудничества в Англии вполне правдоподобна.

– Сложился киношный стереотип насчет выдающейся физической подготовки разведчиков…

– До сороковых годов в разведки мира брали много гражданских людей. Кима занятиями по единоборствам и стрельбе не загружали. Доподлинно известно, что в юности он очень увлекался футболом, регби, плаванием. Это все. При этом Филби всегда был подтянутым, поджарым. А ведь успехов в разведке добивались и тучные люди с одышкой, и очкарики. Главное, чтобы голова работала правильно. Позже в разведке стало много людей в погонах, которые по своему статусу обязаны быть в хорошей форме. Да и с плохим зрением нечасто сейчас берут.

– В «Таймс» писали, что Филби готовил покушения на испанского диктатора Франко. Это из числа газетных уток?

– Нет, это как раз правда. Насколько я знаю, Филби,

работавшего тогда в Испании в качестве корреспондента «Таймс» при штабе фашистского диктатора, собирались использовать для устранения Франко, однако по какой-то причине советское руководство отказалось от этих планов. Возможно, чтобы не рисковать таким ценным агентом, каким уже тогда становился Филби. Несколько позже, в годы Второй мировой войны, Филби предлагал своим британским начальникам устранить там же, в Испании, шефа германской разведки Канариса. Но и те отказались, потому что Лондон в то время вел какие-то политические игры с Канарисом, который тогда находился слегка в оппозиции к Гитлеру, и британцы хотели его сохранить на будущее. Филби, специалист по аналитике, наверное, не стал бы браться за исполнение, но он предлагал такой вариант, при котором достаточно бросить пару гранат в окошко гостиницы. Таким образом с Канарисом было бы покончено.

– Что сейчас можно рассекретить из деятельности Филби, а что нельзя?

– Я сам уже давно не работаю в разведке, поэтому даже не представляю, какие правила действуют сейчас. Но могу догадываться, что никто не отменял подхода, общепринятого во всем мире. Пока живы участники событий, на многие сферы их деятельности гласность не должна распространяться. А есть еще и политические аргументы. Например, по рассекреченной информации противник может вычислить и аналогичные действия. Кроме того, ни в коем случае нельзя наносить ущерб ни политическим интересам страны, ни ее имиджу. Взять тех же британцев: каждый год мир с нетерпением ждет рассекречивания их архивов тридцатилетней давности.

Но есть и исключения – какие-то вещи, касающиеся крупных политических игр, официальный Лондон не собирается рассекречивать никогда.

К этой категории относится, например, тайна перелета из Германии Гесса в мае сорок первого года. Могу предположить также, что англичане сейчас могут скрывать действия своей разведки, которые способствовали тому, чтобы в России произошли Февральская и Октябрьская революции семнадцатого года. Если они эти документы рассекретят, то фактически публично выльют на себя ушат помоев. Получится, что ради каких-то интриг против кузена Никки, то есть российского императора Николая Второго, они на самом деле способствовали созданию коммунистического режима в громадной стране. В английскую прессу уже просачивались сведения об их причастности к убийству Григория Распутина. Но официальных комментариев по этому поводу вряд ли следует ждать. У

англичан вообще часто случается такое: сами себя перехитрили. Уже в наше время они создали на Британских островах пятую колонну исламистов, а теперь от их действий страдают.

– Филби пишет в автобиографии, что он был плохим педагогом. Но по вашим воспоминаниям получается, что для будущих советских разведчиков общение с Кимом было очень полезным.

– Он никогда не был профессиональным педагогом и не пытался им быть. Передача им своего опыта не носила системный характер. Большинство замечаний об особенностях нашей профессии он выдавал в качестве экспромта. Но если мы четко и въедливо задавали вопросы, то Ким отвечал на них по существу и в очень интересной форме. Он вообще был очень остроумным, ироничным человеком.

– Каким образом он мог требовать от вас вести разговор на «ты», а не на «вы»? Ведь в английском языке эти оба слова одинаковы.

– В данном случае мы подразумевали, что он просил нас обращаться к нему неофициально. То есть не мистер или ком рад Филби, а просто Ким. Подобное вообще характерно для большинства разумных американцев и англичан, добившихся больших успехов в своей жизни и пользующихся авторитетом в обществе. Если они переходят на дружеские или деловые отношения, то называют друг друга по именам, не рассматривают это как недостаток уважения. Мы в России привыкли к старшим по возрасту, равно как и к занимающим более высокое положение, обращаться по имени-отчеству. А у англосаксов именно аристократы, как, впрочем, и все интеллигентные люди, ведут себя очень просто. Умеют общаться и с королем, и с садовником. У Филби это особенно хорошо получалось.

– Чем Филби отличался от других педагогов, преподававших вам науку разведчика, если говорил об аналогичных с ними вещах?

– Преподаватели в школе разведки читали нам лекции. Изредка упоминали и ситуации из своего личного опыта, хотя не припомню, чтобы кто-то подробно разбирал собственные ошибки. Официально Филби лектором-преподавателем не был. И тоже старался нас учить на положительных примерах – говорил о том, как надо себя вести и как работать. Но когда слышал от нас какие-нибудь откровенно завиральные идеи, сразу давал резкий отпор и затем терпеливо и доходчиво объяснял, почему такие подходы в Англии неприемлемы. Для тех, кто готовился работать в англоязычных странах, Ким давал идеальные рекомендации насчет того, как общаться с людьми из разных сфер деятельности.

Бывал порой ироничен, но иронию эту, как правило, направлял на самого себя. Характеристики нам давал в очень тактичной и необидной форме. Тем не менее однажды предрек одному из моих будущих коллег провал. Вернее, сказал, что этот человек имеет один-единственный недостаток – неумение держать себя в руках, прятать свои эмоции. Но именно этот недостаток и прервал в будущем карьеру этого разведчика.

– Неужели Филби в тридцатых годах не знал, что творилось в СССР? В частности, про репрессии против своих же разведчиков? И продолжал своей работой лить воду на мельницу Сталина?

– Ким был человек очень доброжелательный, но при этом гордый. Прямые разговоры на эту тему со мной он не вел. Ему не хотелось говорить обо всех своих переживаниях, которые он, несомненно, испытывал и тогда, и уже проживая в СССР. А переживания эти, поверьте, были очень и очень тяжелыми. Но мне кажется, что для него самым главным было бороться с фашизмом, за коммунистическую идею, в которую он верил, и это перевешивало все остальное. Кстати, он был далеко не единственным представителем британского истеблишмента, относившимся в тридцатых годах к Советскому Союзу и вообще к коммунистическим идеям с большой симпатией. Во-вторых, Филби сам убедился в страшном оскале фашизма, находясь в Австрии, а затем в Испании. Он понял, что СССР – единственная сила, которая может остановить фашизм. В частности, Мюнхенский сговор значительно уронил в его глазах британскую внешнюю политику. Думаю, он наверняка слышал в английском руководстве разговоры о том, что пусть немцы подерутся с русскими, а мы из этого извлечем пользу. В-третьих, издалека трудно было реально оценить ситуацию в СССР, самому здесь не побывав.

Наконец, на отношение Кима к Советскому Союзу повлияло его высокое мнение о человеческих качествах тех советских разведчиков, с которыми он лично общался и сотрудничал. Лично мне это очень знакомо. Я сам в свое время старательно создавал перед англичанами прекрасный образ советской страны. А если бы они тогда прибыли в СССР и поездили бы по городам и селам, то получили бы совсем другое впечатление. Что и говорить, ведь и в СССР многие умные и порядочные люди искренне верили в светлое будущее коммунизма и даже плакали, когда Сталин умер.

– Трудно перечислить все, что Филби сделал для нашей страны. В беседах с вами он как-то пытался ранжировать свои достижения?

– Нет, он был человеком на редкость скромным. Но было одно исключение. Превыше всего он гордился своим вкладом в

победу на Курской дуге в сорок третьем году. Стратегическая и техническая информация, добытая им, реально помогла укрепить боевую мощь и стратегическое позиционирование советских войск в сражении под Прохоровкой, победа в котором означала окончательный перелом входе Второй мировой войны. Помню, в школе нас учили, что битва на Курской дуге сломала хребет фашистскому зверю.

– Чем же, на ваш взгляд, привлекает фигура Филби?

– Вероятно, тем, что Ким был на редкость цельным, целеустремленным и честным человеком. Что мы видим вокруг? Абсолютно все продается и покупается. Героями современных фильмов и книг являются те персонажи, которые особенно ловко приобретают материальные блага. Мне кажется, россияне истосковались по герою-идеалисту, активно борющемуся за свои идеалы, причем совершенно бескорыстно.

– А правда, что Филби был столь морально подавлен, проживая в Москве, что даже сильно пил от этого?

– Все разговоры о его пьянстве сильно преувеличены. Да, Филби, прожив какое-то время в Москве, стал очень критически относиться ко многим сторонам нашей советской действительности. Ему в СССР явно не хватало свободы. Он недоумевал, например, почему запрещают Солженицына. Он ведь слушал разные зарубежные радиостанции, читал многие западноевропейские газеты. В то же время он всегда верил во многие христианские ценности, которые зачастую совпадали с коммунистическими идеалами, но при этом ничего общего не имели с действительностью, представшей перед ним.

– Принимал ли участие Филби в некоторых операциях внешней разведки КГБ в советский период своей жизни? Что можно сказать об этих операциях?

– Надо признать, что от великого конспиратора Филби невозможно было ожидать, чтобы он делился с кем-либо информацией о поручавшихся ему заданиях. Но из других источников известно, что его действительно подключали в качестве эксперта или аналитика, когда необходимо было получить заключение по той или иной сложной оперативной проблеме. Его советы всегда были полезны. Об одном таком случае подробно рассказано в книге изменника Родины Олега Гордиевского «Следующая остановка – расстрел». Когда в результате работы Гордиевского на англичан у советской разведки начались провалы, Филби попросили помочь выявить возможный канал утечки совершенно секретной информации. Ким провел огромную аналитическую работу и пришел к выводу, что источник утечки среди высших офицеров английского отдела

Первого главного управления КГБ. К их числу принадлежал и Гордиевский. Его тогда не вычислили как предателя, но это уже не вина Филби. Он, как и всегда, выполнил порученное ему задание блестяще!

– Каким Филби мечтал увидеть СССР? За какой СССР и за какой мир он боролся? О каких отношениях между СССР и Европой, СССР и США он мечтал? Думал ли он, что СССР станет Россией?

– На этот вопрос, вероятно, сложнее всего ответить. Тем более что мы можем судить только по тому, что он говорил вслух и писал, не знаем, что он в действительности думал.

Начнем с того, что Филби, вероятнее всего, увидел Советский Союз в январе шестьдесят третьего года, когда впервые попал в нашу страну, далеко не таким, каким мечтал. Будем откровенны, у молодого Кима, когда он в тридцать четвертом году согласился работать на советскую разведку, наверняка было идеализированное представление и о коммунизме, и о жизни в Советском Союзе. Ведь главным для него в то время была борьба с угрозой фашизма и соглашательской политикой европейских стран, которая, как он считал, способствовала закреплению нацистов у власти и в конечном итоге вела к войне. Советский же Союз, по убеждению Кима и его друзей по «кембриджской пятерке», являлся единственной силой, способной противостоять фашизму и победить его.

Вряд ли он много думал тогда о том, как живется простым советским людям, насколько ОНИ свободны. Главное состояло в том, что идеи, провозглашаемые в СССР, совпадали с его собственными. Он, конечно, не мог не знать о сталинских репрессиях, о невысоком уровне жизни в нашей стране, но, во-первых, не видел этого собственными глазами, во-вторых, выбор был уже сделан. А Ким Филби, надо сказать, был на редкость цельной личностью. Он никогда не отступал от единожды данного слова и от своих убеждений, не руководствовался конъюнктурными соображениями.

Подозреваю, что столкновение с советской действительностью шестидесятых годов прошлого века шокировало Филби. Но он стоически перенес все трудности адаптации и не позволил бытовым моментам возобладать над его коммунистическими убеждениями, хотя и сильно идеализированными.

За какой мирон боролся? Как человек, прошедший через две войны – гражданскую в Испании и Вторую мировую, – он вообще хотел мира. Вероятней всего, его представление о том, каким должен был быть послевоенный мир, в общем и целом совпадало

с внешней политикой руководства СССР, которое тоже не хотело Третьей мировой войны, не правда ли? Но в нюансах Ким расходился с советской официальной точкой зрения. Он, например, считал явно преувеличенной угрозу со стороны НАТО. Не согласен он был и с вводом советских войск в Афганистан, считал, что афганскую проблему, если она вообще существовала, надо было решать другими средствами.

А вот развал СССР ему, скорее всего, не снился даже в самом фантастическом сне! Впрочем, как и всем нам, советским гражданам, а вместе с нами и лучшим аналитикам западных спецслужб.

– Филби верил, что социализм может стать реальностью. Расскажите об этой мечте. Как он работал на достижение этой меч ты в своей школе?

– Я уже упомянул о том, что, на мой взгляд, Ким был коммунистом-идеалистом. Он с юношеских лет мечтал о справедливом обществе, где все будут равны. А что, собственно, плохого в этой сказке, хотя она вряд ли достижима в реальной жизни? О социалистической мечте Кима мы с ним не говорили ни на семинарских занятиях, ни в личных беседах. Самым близким к этой теме была поездка Кима с женой Руфиной на Кубу в семьдесят восьмом году. Их принимал лично Фидель Кастро.

Филби долго находился под глубоким впечатлением от увиденного, его окрылило то, как кубинский народ под руководством своего харизматического лидера строил новое общество. Кстати, на видном месте в кабинете Кима всегда висел огромный портрет Че Гевары, полученный в подарок из Гаваны.

– Что думал Филби о политике и действиях Леонида Брежнева? А о Михаиле Горбачеве? Что одобрял и что нет?

– Филби даже в пожилом возрасте был человеком очень энергичным и деятельным. «Дали бы мне управлять каким-нибудь конкретным участком, например строительной компанией или таксопарком. Я бы уж навел там полный порядок», – говорил он. Поэтому его не могла не раздражать застойная, бездеятельная атмосфера брежневских времен. Говорят, он выключал телевизор, когда в девятичасовой программе «Время» появлялся престарелый Брежнев.

Эпоха перестройки, начавшаяся в восемьдесят пятом году, которая ассоциируется с именем Михаила Горбачева, взбодрила Филби, он с интересом следил за оживившейся политической жизнью в стране, за процессами либерализации. Но окончательных выводов относительно того, что происходило в то время, ему не суждено было сделать. Он ушел из жизни в разгар перестройки, в мае восемьдесят восьмого года. Нам остается

только гадать, что сказал бы он по поводу последовавших за перестройкой событий.

Если честно, мне видится некая предопределенность в его уходе из жизни именно в последние годы существования Союза. Ведь Ким, как и вся его деятельность, полностью принадлежал к эпохе СССР. Возможно, он понимал, что вот-вот закончится его эпоха, а вместе с ней и смысл жизни.

– Почему советское руководство не воспользовалось талантами и умениями Филби?

– Правильней будет сказать так: воспользовалось, но далеко не в полной мере. Ким рассказывал, что, когда приехал в Советский Союз, был подобен переполненному котлу. У него было огромное количество ценнейшей информации, которая, как он считал, могла стать очень важным подспорьем в выстраивании внешней политики СССР, не говоря уже о работе против западных спецслужб. По мнению Филби, его потенциал не был в достаточной степени использован, и он был этим разочарован.

Почему так произошло? Наверное, потому, что к нему относились как к списанному материалу. Он считал себя кадровым советским разведчиком, а в Москве всегда числился как агент, очень ценный, но не более. Кроме того, как об этом ни больно говорить, его до самого конца считали чужаком и полностью не доверяли. Посудите сами, к работе с молодыми оперативниками Филби был допущен только в семьдесят пятом году, а выступить с лекцией перед руководящим составом ПГУ в ясеневской штаб-квартире разведки его пригласили лишь в семьдесят седьмом, на пятнадцатом году проживания Филби в СССР. Да и в восьмидесятые годы, незадолго до смерти Кима, некоторые консервативно настроенные деятели от разведки ворчали по поводу того, что он, дескать, непозволительно диссиденствует и, кто его знает, может, продолжает работать на англичан.

– Что думал Филби об Андропове? Что одобрял и что нет? А о Черненко?

– Насколько мне известно, у Филби была как минимум одна личная встреча с Юрием Владимировичем Андроповым, когда тот был Председателем КГБ СССР. Ким неизменно отзывался об Андропове с большим уважением. О его отношении к Черненко я никогда не слышал. Да и не стоило о Константине Устиновиче рассуждать. Всем и так было ясно, что это временная, проходная фигура на посту высшего руководителя нашей страны.

– Можно прокомментировать, если бы советские руководители, особенно Горбачев, прислушивались к советам Филби, какой был мир сейчас?

– Если бы… У Филби, к великому сожалению, никогда не было прямого доступа к высшему руководству страны. Насколько мне известно, даже с начальниками разведки у него были лишь эпизодические церемониальные встречи. Все остальные контакты происходили на уровне среднего звена разведаппарата. Увы, такое вот отношение было к пенсионеру Филби. А Киму было что посоветовать советским руководителям. К примеру, предостеречь от афганской авантюры. Он прекрасно знал о провальных попытках англичан завоевать эту страну в девятнадцатом веке. Многое знал Ким о глубинных, тщательно скрываемых противоречиях между ведущими западными странами, поэтому его советы могли стать действенным подспорьем в выработке более гибкой внешней политики, чем та, что существовала тогда у СССР. Да и по другим вопросам его мнение было бы очень ценным.

Хотите пример его профессионального творческого потенциала?

Как-то раз, обсуждая с коллегой и другом из социалистической Болгарии очередное выдворение из Англии советских разведчиков, Ким шутливо заметил:

«На месте шефа МИ-5 я бы выгнал не разведчиков, а чистых дипломатов. Тем самым внес бы противоречие в высшее советское руководство, вбил клин между министром иностранных дел Громыко и председателем КГБ Андроповым».

Шутка, конечно, но она свидетельствует о неординарных, нелинейных подходах Филби к решению политических проблем. Представляете, сколько полезных идей он мог бы подсказать, если бы к нему чаще и внимательней прислушивались?

– Думал ли Филби о возможности сотрудничества между разведслужбами разных стран? Как он представлял это сотрудничество?

– Эту тему мне с Кимом не приходилось обсуждать. Думается, такое сотрудничество часто бывало в прошлом, правда, между союзными государствами. Сам Ким был координатором сотрудничества между британской Сикрет Интеллидженс Сервис и ИРУ. До этого, во время Второй мировой войны, он видел, как английские спецслужбы нарушали свои обязательства по передаче союзному государству, СССР, важных разведданных о гитлеровской Германии, пытался ликвидировать этот пробел своей собственной деятельностью.

Внешняя разведка постсоветской России установила партнерские отношения с разведслужбами всех крупнейших стран, но партнерство это, насколько я знаю, особенно с западными странами, идет ни шатко ни валко. Вроде бы ясны

сферы сотрудничества – борьба с терроризмом, наркотрафиком, отмыванием денег, нелегальным оборотом оружия. Но на практике не все и далеко не всегда получается из-за различий национальных интересов и трактовки терминов. Для нас, к примеру, кто-то террорист, а для западных партнеров – инсургент, повстанец, борющийся с кровавым диктаторским режимом, и наоборот.

Мы просим Англию экстрадировать десятки, сотни проворовавшихся российских чиновников и бизнесменов, ограбивших страну на миллиарды долларов, а англичане отказываются под предлогом того, что эти воры – жертвы политического преследования российских властей.

Доживи Ким до наших дней, он все это прекрасно понял бы. Будучи профессионалом высочайшей пробы, он не стал бы предаваться несбыточным иллюзиям о возможности дружбы взасос между разведками стран, преследующих совершенно разные интересы.

– Как объяснить умение Филби «предсказать, что будет»?

– Честно говоря, я такого умения за ним не подмечал. Ведь Филби не Нострадамус, не Ванга. Он никогда не занимался и не увлекался футурологией и однажды сказал о себе примерно так: «Если меня кто-то считает компетентным человеком, то это потому, что я никогда не говорю о том, чего не знаю». Если Кима и можно считать провидцем, то только в том смысле, что, опираясь на свои выдающиеся способности собирать и анализировать море информации, он умел грамотно синтезировать ее и принимать безошибочно правильные решения даже в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях.

– Какой человек был Филби как друг?

– Не думаю, что имею право называться его другом. Я был одним из его учеников, молодых коллег из другого поколения, с которым – так уж сложилось – Киму довелось общаться больше и чаще, чем с другими. Он был очень теплым, отзывчивым, располагающим к себе человеком, скромным и даже немного застенчивым. По манерам поведения, одежды, речи, общения с людьми – англичанин на все сто. О Филби написаны сотни книг, в том числе теми, кто был близок к нему по жизни, работал рядом с ним в английской разведке и, следовательно, был шокирован фактом его деятельности в пользу СССР. Тем не менее все без исключения авторы мемуаров подчеркивают его обаяние, дружелюбие и необыкновенную харизму.

– Как относились к Филби сотрудники советской внешней разведки, общавшиеся с ним в Москве, в частности его кураторы?

– У Кима за четверть века жизни в СССР были разные

кураторы. Отношение тоже было разнос, хотя в общем и целом хорошее, доброжелательное. Но справедливости ради надо сказать, что бывали неприятные ситуации, особенно в первые годы. Ким, к примеру, был страшно расстроен и оскорблен, когда ему не сказали, что его хочет видеть умирающий член «кембриджской пятерки» Гай Берджесс.

«Мой лучший друг наверняка хотел сказать мне что-то важное перед смертью. Как это бесчеловечно!» – переживал тогда Филби.

Времена были жестокие.

Неизвестный Филби

Из неопубликованного предисловия к книге о Филби «Я шел своим путем».

Киму Филби посвящены десятки томов исследовательской, мемуарной и художественной литературы. Но все они в основном касаются периода его работы на советскую разведку в качестве агента в поле, agent in the Held. Крайне мало известно о том, чем же занимался бывший шеф британской внешней контрразведки после того, как 27 января 1963 года он пересек советскую границу в направлении Москвы. А ведь он провел в Советском Союзе двадцать пять лет, треть своей жизни, и отнюдь не бездействовал. Здесь он любил, отчаивался, радовался, путешествовал, находил и терял друзей. Он работал, творил и даже создал школу своих учеников.

Самое святое имя, которое мне приходилось слышать от Кима в последние годы его жизни, это Руфа, Руфина Ивановна, его жена. Опытный психолог, Ким разглядел ее с первой же встречи, уже через несколько дней предложил ей руку и сердце и не ошибся. Союз этот оказался на редкость гармоничным и, вне всякого сомнения, принес Филби самые счастливые мгновения на склоне его лет.

Ким буквально боготворил свою Руфину и, казалось, в ее отсутствие был абсолютно беспомощен. Она была для него светом в окошке, если хотите, поводырем в нелегкой советской действительности, без которою ему было бы трудно, а может, и просто невозможно сохранить достоинство и имидж легендарною человека, налагаемый на него положением.

С Руфиной Ивановной мы познакомились незадолго до ухода Кима и уже по-настоящему подружились в последующие годы. Эта хрупкая, деликатная и очень интеллигентная женщина сделала очень много как для Кима живого, так и для того, чтобы память о нем сохранилась как можно дольше и не была никоим образом искажена. В своих многочисленных публикациях, посвященных мужу, она создала яркие, образные зарисовки, раскрывающие неизвестные доселе черты личности Филби, точно передающие атмосферу его жизни в Советском Союзе. Ведь дома, на пенсии, рядом с любимой женщиной люди ведут себя естественно, не так ли?

По воспоминаниям Руфины, Ким был в повседневной жизни на редкость интеллигентным, скромным, добрым и отзывчивым человеком, абсолютно чуждым тщеславию или честолюбию. Я могу подтвердить это на все сто, исходя из своего опыта общения

с ним.

Мне, конечно, могут возразить. Дескать, но ведь он – служивший еще Сталину несгибаемый борец за дело коммунизма, легендарный разведчик с железными нервами, которому удалось невозможное – пробиться в высшее руководство вражеской разведки. Сочетается ли такое? Да, вполне может, если перед нами по-настоящему многогранная личность, могучая, волевая, человечная и в то же время в высочайшей степени цельная.

Цельность, мне кажется, это ключевое понятие для разгадки феномена Филби. Без каких-либо претензий на окончательное слово в попытках определить историческую роль его личности, продолжающихся уже десятилетия, постараюсь все же объяснить, что имею в виду.

С обложки английского издания книги «Моя тайная война» бросается в глаза вопрос: «Циничный предатель или человек убеждений?» Вопрос этот отражает полярные трактовки личности Кима Филби. За первой его половиной стоит уязвленный британский истеблишмент, который до сих пор не может до конца осознать, как же такое могло случиться, что один из них – или несколько, если говорить обо всей знаменитой «кембриджской пятерке» – предал их интересы, школьные и университетские связи ради службы Советскому Союзу? Отсюда растут всякие страхи относительно существования еще и «оксфордской пятерки», преувеличение степени влияния советской, а ныне и российской разведки на политическую жизнь Великобритании, до сих пор не прекращающиеся поиски скелетов в шкафу, вплоть до высших эшелонов Уайтхолла.

Давайте разберемся, кого и что предал Филби. Даже британские историографы разведки вынуждены признать, что в результате его деятельности не была поставлена под угрозу жизнь ни одного англичанина. Сам он до последнего дня по своим привычкам, манерам и образу мышления оставался англичанином до мозга костей и в этом смысле, вероятно, не сильно отличался от многочисленных своих соотечественников, проведших значительную часть жизни, скажем, в Индии или Африке.

Что же касается предательства, то оно, вероятно, подразумевает переход в стан врага, отказ от веры, убеждений. По крайней мере, по Далю, предатель, это «вероломец», «душепродавец». Здесь уместно провести параллель между двумя антиподами, встретившимися на моем жизненном пути, Олегом Гордиевским и Кимом Филби. Как уже отмечалось в главе о Гордиевском, он, оправдывая свое предательство, любил сравнивать себя с Филби. Я, мол, тоже руководствовался

идейными соображениями борьбы с коммунизмом, внес вклад в крушение советской системы.

Однако, по моему глубочайшему убеждению, между этими двумя людьми, их поступками существует как минимум одно гигантское, никак не преодолимое различие. Гордиевский при поступлении на службу в разведку присягал на верность своей социалистической Родине и изменил добровольно данной клятве. Филби же ничего подобного не совершил! Только раз в жизни, в двадцать с небольшим лет, соглашаясь работать на Советский Союз еще до прихода в английские спецслужбы, он дал присягу на верность идеалам коммунизма и никогда ей не изменял. Избрав свой жизненный путь, он сделал все от него зависящее, чтобы добиться на нем конкретных результатов. Ведь Ким всегда был человеком дела.

Теперь о второй половине вопроса, об убеждениях. Усердно эксплуатируя, казалось бы, такое положительное словосочетание, как «человек убеждений», советская официальная пропаганда пыталась отождествить искренние – добавлю, весьма идеалистические – коммунистические убеждения Филби со всем тем, что творилось в нашей стране во имя светлого будущего, включая преступления и откровенные безобразия. По этой логике получалось, что раз Ким называет Советский Союз своей Родиной, то он должен одобрять любую политику ее руководителей – и Сталина, и Хрущева, и Брежнева, и Горбачева.

Тут может возникнуть вопрос. Неужели Филби не видел изъянов того дела, за которое боролся? Осмелюсь заметить, что лаже широким массам советских людей преступный характер сталинизма приоткрылся лишь в середине пятидесятых годов. Только к началу девяностых выявилась общая картина того, что же на самом деле представляет из себя коммунистическая доктрина на практике, а не в теории, ибо в идеях равенства, социальной справедливости нет ничего предосудительного. Они благородны и вечны.

А что делать, если, находясь, как Филби, в глубоком подполье, ты не знаешь реалий советской жизни, связан добровольно данным честным словом, уже внес весомый конкретный вклад в дело защиты СССР от фашизма и к тому же постоянно сталкиваешься с грязными методами работы западных спецслужб по подрыву советского влияния в мире?

Я вынужден попросить извинения за этот монолог, самоуверенно произнесенный в защиту Филби. Может быть, он в этом не нуждается, и его мотивы были иными. Однако мне хотелось привлечь внимание читателя к внутренней трагедии этого, по моему глубокому убеждению, кристально честного,

порядочного человека.

Его отношения с боссами из КГБ, несмотря на внешнее благополучие, складывались в Москве отнюдь не однозначно. Да, был почет по высшему разряду, вплоть до пышной панихиды в Центральном клубе им. Дзержинского, были теплые отношения с Андроповым, контакты с начальником разведки Крючковым и личная дружба с целым рядом чекистов различного ранга, от высокопоставленных руководителей до молодых оперативных работников.

Но было и другое. Филби, например, еще в период своей активной деятельности каким-то шестым чувством ощущал, что практически все его советские контролеры репрессированы. По приезде в Москву он наткнулся на непонимание своей действительной ценности в качестве уникального источника информации о деятельности западных спецслужб.

Был в начале восьмидесятых годов период, когда молодых учеников из семинара Филби отстраняли от контактов со своим учителем под предлогом того, что тот, по мнению высокого руководства, критикует советскую действительность. Были, наконец, и откровенно беспардонные или профессионально неграмотные действия отдельных лиц, порой его опекавших.

Я не говорю уже о советском быте, окружавшем англичанина, привыкшего к комфортному образу жизни.

Однако он с достоинством вынес и это испытание, последнее, выпавшее на его долю. Все проблемы – повторю, во многом благодаря поддержке преданной Руфины – оставались за кадром. Даже близкие друзья видели перед собой только легендарного и несгибаемого Кима Филби.

Наблюдая за этим явлением в течение тринадцати последних лет жизни Филби, я часто задавался вот каким вопросом. Почему же все-таки большинство англичан, с которыми мне приходилось сталкиваться, интуитивно, как бы про себя, уважают его и даже гордятся им? Потом меня вдруг осенила догадка. Они, наверное, видят в Филби олицетворение того, что у них с детства ассоциируется с проявлением собственного своего национального характера, с тем, что делает англичанина именно англичанином.

Может быть, все дело в вышеупомянутой цельности характера, врожденном чувстве достоинства, не позволяющем идти на сделки с собственными убеждениями, каким бы испытаниям человек ни подвергался? В гордости, не позволяющей стать предателем, отказаться от сознательно избранного пути, стремлении довести начатое дело до конца? Иными словами, в знаменитом английском «My word is my bond», адекватном нашему «Береги честь смолоду».

Ким Филби свою честь сберег и ни разу, ничем не предал своих убеждений. Однако ошибочными оказались не его убеждения, а, как мы теперь знаем, нечто совсем другое.

Он был на редкость скромным, сдержанным, тактичным и мудрым человеком, оптимистом по натуре, хотя и осторожным в проявлениях этого своего качества. Таким Ким Филби запомнился и мне, и, думается, большинству людей, окружавших его в Москве.

Послесловие

С момента моего ухода из разведки прошло почти тридцать лет. Очень многое, конечно, изменилось за это время. Мой личный опыт, информация и впечатления с каждым годом все более превращаются в мало кому интересные воспоминания о давно минувших днях.

Куда как интереснее молодежи узнавать о шпионаже прошлого по фильмам о Джеймсе Бонде и сериалам, красиво выполненным на отечественном телевидении. Там и Берия в пенсне, и герои-разведчики постоянно находятся в драматических ситуациях.

Всем известно, что настоящие герои современной разведки всегда бойцы невидимого фронта, о них нельзя говорить ни слова. Поэтому публика с удовольствием смакует подробности какого-нибудь очередного провала – то с нашей стороны, то со стороны наших оппонентов.

Мостика к современности у меня нет. Поэтому я позволю себе закончить книгу некоторыми размышлениями на тему о разведке в целом и о людях, работающих в ней.

Разведка это, с одной стороны, вовлеченность двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю.

Но с другой – это вовсе не шоу. Сравним разведчика со спортсменом, который выступает лишь периодически, а в перерывах между соревнованиями непрестанно тренируется, соблюдает предписанный ему режим, но в то же время успевает и развлечься, с семьей и друзьями пообщаться.

Разведчик тоже лишь незначительную долю времени тратит непосредственно на оперативные мероприятия, а все остальное – постоянная и тщательная подготовка к ним. Даже развлечения и, конечно же, все личные связи ты рассматриваешь с точки зрения возможной оперативной пользы или вреда. Идешь, к примеру, с семьей или друзьями в ресторанчик, а сам в голове прикидываешь, насколько подойдет это местечко для проведения конспиративной встречи с агентом. Собирая в лесочке грибы, вместе с ними невольно ищешь удобные места для закладки тайника. Каждый новый контакт сканируешь на предмет его потенциальной полезности в плане сбора информации или выходов через него на объекты, интересующие твою службу.

Ким Филби, любивший пошутить над своей профессией, говаривал нам, ученикам, что разведка по большей части это плевание в потолок своего кабинета да скучнейшие светские рауты с бесконечными стаканами виски и фуршетными

закусками, подрывающими нормальную работу желудка. В шутке этой содержится изрядная доля правды. Но и сам Филби, и другие успешные разведчики, поплевывая в потолок или выпивая на приемах, не переставали напряженно работать головой, прикидывая, подобно шахматисту, все возможные оперативные комбинации.

Разведка – это безбрежное море контактов и информации. В них легко захлебнуться, если не приучить свой мозговой компьютер отсеивать горы спама и делать правильные выборки. По моему убеждению, ключевыми для разведчика являются солидная общеобразовательная подготовка и аналитические способности. Плюс к этому отличные коммуникативные качества и… конечно же… личная харизма. Чем совершеннее работает твой внутренний компьютер, тем ты успешнее в профессии, независимо от того, являешься ли ты натренированным атлетом, обученным стрелять с падающей табуретки, или толстяком-очкариком.

В этой связи подчеркну следующее. Не будем спешить соглашаться с утверждениями, что настоящая разведка это исключительно доступ к шифровальной машине, внутренней компьютерной сети противника либо совершенно секретным документам, добытым из правительственного сейфа. Жизненно важную информацию можно получить, иногда собирая по крупинкам, многочисленными способами, а не только за счет вербовок ценных агентов.

Ветераны английского направления нашей службы рассказывали, что на их оперативном веку, с пятидесятых по семидесятые годы прошлого века, несколько раз по причине крупных провалов объявлялся мораторий на агентурную работу. В эти моменты не допускалось никаких оперативных действий, кроме сбора сведений от официальных связей.

Интересно то, что при подведении результатов и анализе выяснялось, что снабжение центра ценной информацией не только не прекращалось, но в отдельных случаях становилось даже более эффективным. Если это действительно так, а у меня нет оснований подвергать сомнению слова уважаемых всеми ветеранов, то, значит, дело не столько в источниках, сколько в качестве аналитики.

Разведка требует высочайшей стрессоустойчивести, поскольку она – один сплошной нерв и перманентная опасность провала. Актер исполняет роль другого человека, только когда он на сцене, а разведчик пребывает в роли денно и нощно. Постоянно быть двуликим Янусом и при этом не растерять нормальных человеческих качеств весьма нелегко. Мне

приходилось сталкиваться со случаями нервных срывов коллег, с манией непрекрашающейся слежки, в том числе и дома, на родине, мощными запоями и загулами, проявлениями истерии, вплоть до определения в психушку и даже самоубийств.

Но неприятнее всего, когда разведчик настолько входит в роль, что начинает проявлять двуличие в отношении своих же товарищей, старается использовать их в своих корыстных интересах. С этим, увы, тоже приходится встречаться, причем нередко. Впрочем, надо признать, что применение профессиональных навыков на нашей, отечественной территории к нашим соотечественникам помогло некоторым бывшим рыцарям плаща и кинжала выбиться в очень богатых людей в современной России.

Но все вышесказанное – цветочки по сравнению с моральными дилеммами, которые стоят перед разведчиком, хочет он того или не хочет, осознает или нет, обдумывает или отбрасывает неудобные мысли в сторону. В чем они, на мой взгляд, заключаются?

Да, разведчик, безусловно, должен быть патриотом. Это для меня аксиома! Он добровольно приносил присягу служить своей Родине и отстаивать ее государственные интересы. Скорее всего, в момент поступления на государеву службу он искренне считал, что будет выполнять приказы Родины с чистым сердцем и абсолютной убежденностью в правоте и пользе для отечества своих действий. Хотя вполне вероятно, что тогда, по молодости, он чего-то недопонимал и был попросту увлечен романтикой загадочной профессии.

Но что такое государственные интересы? Всегда ли они совпадают с твоим мироощущением и восприятием событий на основе собственного опыта и наблюдений? Было ли в интересах Российской империи вступать в Первую мировую войну? Насколько выгодным оказалось в конечном итоге для Англии подписание Мюнхенского соглашения с Гитлером, а для Советского Союза – пресловутого пакта Молотова – Риббентропа? Какую пользу принес СССР ввод войск в Афганистан? А поспешно и бездарно проведенный при Горбачеве вывод войск из ГДР и других стран бывшего социалистического лагеря? В руководящих кругах любой страны по всем подобным серьезным вопросам существуют различные точки зрения. Увы, далеко не всегда побеждает подход, отвечающий долгосрочным интересам нации.

В конце восьмидесятых – начале девяностых годов мне в качестве ответственного информационного работника разведки довелось немного наблюдать, как порой формируются эти государственные интересы.

Сперва Председатель КГБ Крючков фактически вводил в заблуждение Горбачева, требуя от нас, информационщиков, поменять оценки продовольственной безопасности СССР фактически на противоположные. Спустя несколько лет Ельцин просил не доводить определенную важную международную информацию до сведения Председателя Верховного Совета Хасбулатова, а тот в свою очередь скандалил по этому поводу, требовал полного равенства с Президентом.

При этом оба ссылались на государственные интересы. Кому, спрашивается, в подобных ситуациях служить? Чьи государственные интересы важнее – прямого начальника Крючкова или Горбачева?

Ельцина или Хасбулатова?

А где та тонкая грань между отстаиванием интересов своей страны и причинением ущерба не то что абстрактному противнику, но конкретным людям, его представляющим? Ладно бы, если дело касалось только тех настоящих агентов, которые сознательно, руководствуясь тем или иным мотивом, идут на сотрудничество с нашей разведкой, нарушая тем самым законы своей страны. Но ведь в истории разведок всего мира – наша не является исключением – немало случаев, когда в погоне за очками, конкретными результатами, стремясь повысить свой авторитет в глазах начальства, в список ценных агентов включались просто сочувствующие иностранцы или те люди, которые не боялись обсуждать с представителем другой страны актуальные политические вопросы, не зная, разведчик он или нет.

Что греха таить, бывало такое: сначала из дружественной мухи выдували в собственных корыстных интересах бесценного агента-слона.

Затем вражеская контрразведка начинала верить в этот фантом.

Человек, который не сделал ничего противозаконного, получал реальный тюремный срок.

Именно таким мне представляется случай с Арне Трехольтом, звездой норвежской дипломатии, который отсидел восемь лет после того, как предатель Олег Гордиевский якобы увидел в Ясенево его агентурное досье. На самом деле никаких по-настоящему секретных документов от Трсхольта не поступало.

В начале восьмидесятых британский спецслужбист Майкл Беттани предпринял неудачную попытку инициативно передать пашей разведке сведения о работе МИ-5 против советских представителей в Лондоне.

Это, конечно, было настоящее предательство, хотя и выгодное нам.

Любопытно, однако, что на суде Беттани среди основных причин, толкнувших его на такой шаг, указал неприятие поведения некоторых своих коллег по контрразведывательной службе. Они не только уничижительно относились к России и к русским, но и позволяли себе открытые высказывания в поддержку Гитлера. А контрразведчица Кэти Масситер, упоминавшаяся в одной из глав этой книги, не выдержала, когда столкнулась с нечистоплотными действиями своей службы по заведению оперативной разработки на лидера антивоенной организации Си-Эп-Ди Джоан Раддок.

Двадцать первый век существенно пополнил копилку примеров того, как совестливые американские военные и спецслужбисты в нарушение присяги доводили до широкой общественности факты бесчеловечной жестокости своих войск и их союзников в Ираке и Афганистане, о ведении Соединенными Штатами тотальной прослушки практически всего земного шара, включая своих ближайших союзников.

Когда я начинал работу над этой книгой, в мире горячо дискутировался вопрос, кем считать бывшего сотрудника Агентства национальной безопасности США Эдварда Сноудена, укрывшегося в России, – обыкновенным предателем, на чем настаивают американцы, или героем, смело бросившим вызов противозаконным действиям спецслужб.

Для меня, бывшего разведчика старой закалки, дилемма отношения к Сноудену не из легких. С одной стороны, непозволительно военному человеку, добровольно взявшему на себя определенные обязательства, нарушать клятву. Представляю, что было бы, окажись на месте Сноудена российский, китайский, израильский и далее по списку агент.

Однако, с другой стороны, именно этот молодой американец преподал всем спецслужбам мира великолепный урок. Если вы хотите обезопасить себя в будущем от подобных мятежей совести, то будьте добры действовать в рамках закона.

Да, исключения возможны, более того, необходимы в целях защиты интересов государства. Можно даже сказать, что разведывательная деятельность по определению нарушает законы других стран. Но эти акции ни в коем разе не должны носить массовый характер, вторгаться в личную жизнь десятков, сотен миллионов людей, включая своих собственных граждан. Разреши спецслужбам заниматься тотальным контролем, даже под таким предлогом, как борьба с терроризмом, и вот он, большой брат, напророченный Джорджем Оруэллом в его бессмертной книге «1984».

Сноуден, несомненно, относится к разряду рефлексирующих

разведчиков. Как правило, народ этот умный и талантливый, способный на реальные прорывы и впечатляющие результаты. Между прочим, настоящих патриотов с большой буквы среди них немало, быть может, больше, чем среди других категорий коллег, о которых речь ниже. Но с другой стороны, и опасность от них для собственной разведки велика.

Эти умники порой проявляют чрезмерную независимость в действиях.

Развитое аналитическое мышление и обостренное чувство справедливости могут при определенных условиях подтолкнуть их к невыполнению приказов и даже измене.

Противоположностью рефлексирующим являются разведчики-фанатики.

Они свято верят в выполнение долга перед Родиной и не особо задумываются, в чем же он заключается. Эти субъекты уверены, что государственные интересы в трактовке высшего руководства страны, действующего на данный момент, – истина в последней инстанции.

Вчера государство говорило, ЧТО ОЛИН ИЗ главных врагов – сионизм, и фанатики дружными рядами сражались с Израилем, Спустя некоторое время оказывается, что нет хуже врага, чем исламский фундаментализм и терроризм. Вместе с израильскими партнерами идем на борьбу с неправильными арабами! Фанатики намного удобнее для разведслужбы, чем рефлексирующие, но, увы, на одном фанатизме никто никогда далеко не уезжал.

Есть еще разновидность разведчиков-роботов. Они сильно не задумываются о государственных интересах, не подвержены моральным терзаниям. Требуется кого-то скомпрометировать или даже замочить – нет проблем, сделаю! Это же моя работа, и я выполню ее профессионально. Без исполнителей-роботов ни одна разведка не может обойтись. Они крайне полезны и потому востребованы, правда, в ограниченном количестве. В самом деле, невозможно представить себе разведслужбу, целиком состоящую из бездушных роботов-профессионалов, которым в принципе безразлично, против кого и какими методами работать, было бы дело.

Не берусь судить, что происходит в отечественной внешней разведке сейчас. Но в мое время определенную долю сотрудников составляли те, кого можно назвать циниками. Эти люди, которые понимали, что к чему, не хуже рефлексирующих, умели, подобно фанатикам, колебаться вместе с курсом партии и правительства и были достаточно крепкими профессионалами, чтобы выполнять работу роботов от разведки. В командировке циники держались скромно, не выпячивались, добросовестно выполняли все задания

руководства и планомерно откладывали валюту, чтобы купить машину и/или кооперативную квартиру. Работая в центре, они опять же проявляли лояльность начальству, если надо, демонстрировали гибкость хребта. Это способствовало быстрому продвижению по карьерной лестнице, новым загранкомандировкам.

Кем, спрашивается, был я? Вероятно, всем понемногу. Каждый человек склонен идеализировать задним числом свое поведение и мотивы. Кто бы сомневался в этом!

Вот каким ангелочком я представляюсь самому себе спустя десятилетия.

В отношениях с оппонентами из противоположного лагеря, Англией и прочим зарубежьем, я всегда старался придерживаться того, чему учил Филби, работать по, а не против, радоваться не нанесенному ущербу, а успеху в продвижении наших интересов. А они, но моему разумению, начинались с конкретных дел, иногда малых. Создать у десятков, сотен контактировавших со мной англичан благоприятный образ советского, русского человека. Рассказать сотням тысяч моих читателей в СССР познавательные и полезные вещи о жизни в Великобритании. Повлиять через оперативные контакты на английское общественное мнение в пользу более глубокого понимания советской политики. Какая бы она ни была, но это политика моей страны. Я ее тогда во многом разделял.

Наконец, собрать с помощью тех же оперативных контактов максимум полезной информации об отношении и истинных намерениях британских лидеров применительно к моей Родине.

Кто-то, вероятно, воскликнет, мол, это же чистейшей воды идеализм и утопия! Как такого мягкотелою и совестливого чистюлю держали в нашей суровой, иногда даже жестокой разведке? Ан нет, держали целых двадцать лет вплоть до добровольного ухода, причем не только держали, но и охотно продвигали по службе. Причина, на мой взгляд, в том, что вокруг, в том числе и среди руководства, было немало моих скрытых единомышленников, людей порядочных, думающих и потому понимающих, что в опасной игре, в которую они сами себя вовлекли, рядом должны находиться не беспринципные персонажи, а сотрудники с правильным моральным стержнем.

По многим главам этой книги проходит тема предательства Олега Гордиевского. Чем дальше уходит в историю тот драматический 1985 год, тем спокойней и более философски отношусь я как к поступку Олега, так и явлению предательства вообще.

Предательства, в том числе и в разведке, были всегда. Они

есть и будут.

Это такой же неотъемлемый атрибут бытия, как любовь, ненависть, гнев, страсть. Становиться предателем – однозначно плохо, поэтому человечество уже тысячелетия назад выработало моральную норму наказывать, например, за измену Родине практически так же сурово, как за убийство.

Однако не кажется ли читателю, что помимо больших предательств, которые происходят не так уж часто, хотя и звучат громко, нашу жизнь буквально пронизывают предательства помельче? Вот недавно к тюремным срокам приговорили двух российских полицейских, которые, будучи подкупленными, равнодушно взирали на то, как торговцы на рынке избивали их коллегу. Вот кинувший вас партнер по бизнесу, ранее казавшийся абсолютно честным. А вот и супружеские измены. Между прочим, кое-где на арабском Востоке неверную жену до сих пор приговаривают к побитию до смерти камнями.

Вернемся, однако, к большому предательству, измене Родине. По моему убеждению, вычислить ген изменника на дальних подступах чрезвычайно сложно, скорее, вообще невозможно. Взять того же Олега Гордиевского. Что бы ни говорили о нем задним числом, он в быту и поведении был порядочным, отзывчивым и в целом располагающим к себе человеком, если и диссиденствовал, то наравне с остальными сотрудниками лондонской резидентуры. И вот поди же. Оказывается, этот человек, приятный во всех отношениях, давным-давно вынашивал план перехода на другую сторону и осуществил его!

Рядом с изменившим разведчиком, настоящим паинькой, вполне мог работать грубый, даже вороватый хам, выпивоха и бабник. Попробуй, однако, ему предложить пойти на предательство. Он может и по уху съездить за это.

А мой друг и коллега, кавказец, отреагировал на вербовочный подход со стороны англичан примерно следующим образом.

– Вы, наверно, не до конца понимаете, кому предлагаете пойти на измену, – спокойно ответил он британским контрразведчикам. – Узнай об этом мой отец, он сразу умрет от горя, что его сын обесчестил семью. Вы сами сознательно пошли бы на убийство своих родителей?

Совершенно различными бывают и мотивы измены. Гордиевского, скорее всего, можно отнести к категории идейных предателей. Сноудена возмутила незаконность действий американских спецслужб. Печально известный полковник ГРУ Олег Пеньковский, успешно поработавший на англичан в начале шестидесятых годов прошлого века, как ни пытаются его

приукрасить британские историографы разведки, прежде всего прельстился красивой жизнью на Западе. Мой младший коллега Михаил Бутков, дезертировавший в начале девяностых в Норвегии, совершил этот шаг под влиянием любовницы, жаждавшей европейского комфорта.

А убежденный сталинский чекист Александр Орлов, которому среди прочего принадлежала заслуга вербовки великолепной «кембриджской пятерки», стал в конце тридцатых невозвращенцем и долгое время считался предателем из-за нежелания угодить в жернова сталинских репрессий.

Во второй половине восьмидесятых нас по очереди водили на заседания военного трибунала, где судили за измену Родине и приговорили к расстрелу молодого оперативника Моторина, работавшего в США. Мне запомнилось, что основной причиной своего рокового шага он назвал страх перед резидентом. Тот его давно гнобил по любому поводу, поэтому, когда американцы сделали вербовочный подход, Моторин побоялся честно рассказать о нем грозному начальнику-самодуру.

У Иисуса было двенадцать апостолов, и один из них предал Его. До сих пор идут споры об истинных мотивах Иуды. Ведь не тридцать же сребреников, в самом деле!

Что же касается советской и затем российской разведки, то коэффициент предательства был и, слава богу, остается в разы меньше, чем среди людей, окружавших Спасителя. Иуд от разведки мы знаем наперечет, их менее полусотни, хотя за столетие, прошедшее с 1917 года, за границей поработали несколько десятков тысяч человек.

Это может показаться удивительным современному обывателю. Ведь они отстаивали неправедный с современной точки зрения режим, да и искушений разменять присягу на окружающие тебя бесконечные материальные соблазны было предостаточно. Я знаю это по собственному опыту.

Чем объяснить такое приятное для нас положительное сальдо? Каким-то особенным русским патриотизмом? Крепким моральным стержнем, не позволяющим пойти на сделку с собственной совестью? Страхом за судьбу родных и близких, оставшихся на родине? Или выдающейся работой кадровиков отечественных разведслужб?

Исчерпывающих ответов на эти вопросы у меня нет. Да и вряд ли они нужны. На мой взгляд, главное в том, что на протяжении как минимум столетия служба, в которой мне посчастливилось работать, уверенно занимает одну из лидирующих позиций в мировой разведывательной премьер-лиге. Там, как в футболе, иногда случается и проигрывать. Но в целом команда была и,

хочется надеяться, остается крепкой и высокопрофессиональной.

Я этому очень рад.

Москва, 2013-2020